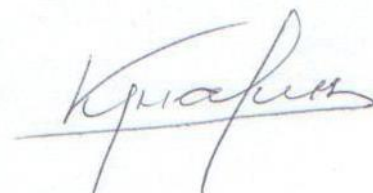

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»**

на правах рукописи

КУНАВИН Константин Сергеевич

**Факторы карьерного роста представителей высшей бюрократии
Российской империи в 30-х – 80-х гг. XIX века.**

Специальность 07.00.02 Отечественная история

Диссертация на соискание степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель-
кандидат исторических наук, доцент
Кончаков Р.Б.

Тамбов – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭЛИТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СОСТАВ.....	32
§1. Понятие «элита» и место высшей бюрократии в ней.....	32
§2. Государственный совет как орган высшей бюрократии.....	42
ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОЙ ДИНАМИКИ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА.....	54
§1. Стандартизация биографического описания членов Государственного совета.....	54
§2. Социально-профессиональный портрет членов Государственного совета.....	61
§3. Осмысление и формализация понятия «карьерный успех».....	76
§4. Определение степени влияния основных биографических факторов на карьерный успех.....	84
§5. Влияние факторов социального капитала на карьерный успех.....	100
ГЛАВА 3. МИКРОАНАЛИЗ СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ Б.П. МАНСУРОВА.....	112
§1. Б.П. Мансуров как представитель анализируемой совокупности.....	112
§2. Б.П. Мансуров до государственной службы.....	117
§3. Начальный этап карьеры. Влияние первичных биографических факторов.....	120
§4. Кульминация карьерного роста. Влияние протекции.....	129
§5. Заключительный этап карьеры. Влияние репутации.....	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	173
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	176
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	190

ВВЕДЕНИЕ.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что Россия сегодня, как и 150 лет назад, находится в состоянии протяженных во времени социально-политических изменений, сопровождающихся многочисленными реформами. Продолжается поиск путей развития с параллельной апробацией на деле различных стратегий, что дает право говорить о переживании страной длительного переходного периода.

Примечательно, что правительственный аппарат, как 150 лет назад, так и сегодня, автономен по отношению к значительной части общества (преимущественно к средним и нижним слоям). «Это, с одной стороны, обеспечивает проведение непопулярных мероприятий, но с другой – делает проблематичным представление правительственной программы модернизации как проявления народной воли»¹. В сложившихся условиях значительно возрастает роль государственной элиты, перед которой ставится монопольная задача по поддержанию модернизационного направления проводимых преобразований. Таким образом, для Российской Федерации сегодня является актуальной проблема качества человеческого капитала в топовых бюрократических структурах.

Говоря о социально-политических изменениях в Российской империи в XIX в. и роли государственной элиты в них, можно не сомневаться в значительном влиянии человеческого капитала власти на происходившие процессы. Крупный исследователь политической истории Российской империи П.А. Зайончковский указывал, что «многолетнее изучение вопросов внутренней политики на материалах России дает веское основание для подтверждения того положения, что наряду с расстановкой общественных сил, определенной политической системой, на нее оказывают немалое влияние люди, стоящие во

---

¹ Лапин В.В. Предисловие // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 10.

главе администрации»². Помимо прямого влияния на общество и экономику, определяющегося качеством исполнения служебных обязанностей, бюрократия также воздействовала на государственные институты. Взаимная конкуренция коронных учреждений и их чиновников между собой являлась одним из факторов развития российской государственности³.

Формирование человеческого капитала высшего бюрократического аппарата не детерминировалось исключительно формальной структурой государственных институтов или волей императора, а испытывало на себе сильное влияние образованных слоев общества. «По большому счету, бюрократия всегда соответствовала тем требованиям, которые предъявляет к ним общественность, причем требованиям, предъявляемым не столько на словах, сколько на деле»⁴. Подобное утверждение высказывают и политологи, также исследующие феномен элит. «Принципиальным методологическим основанием исследования судеб российской бюрократии в качестве правящего слоя Российской империи является <...> положение о взаимосвязи типа развития общества и принципов элитобразования»⁵.

Исследование механизмов рекрутации высшего чиновничества в стране в XIX в. – своеобразной осознанной и неосознанной «кадровой политики» власти, а также определение степени эффективности и адекватности этой политики конкретно-исторической обстановке даёт возможность учесть ценный опыт нашего прошлого в вопросе формирования высшего чиновного аппарата. Кроме того, это позволяет глубже взглянуть на само общество и обнаружить (или не обнаружить) в нем следы глобальных модернизационных процессов XIX столетия.

---

² Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. С. 5.

³ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. С. 611.

⁴ Там же.

⁵ Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: вехи эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 3.

Объектом исследования выступает государственная элита Российской империи (на примере членов Государственного совета) в конкретно-исторический момент.

Подход к объекту требует комплексного изучения на макро и микроуровне. Макроуровень исследования заключается в анализе профессиональной биографии членов Государственного совета. Из общей исследуемой совокупности в качестве «кейса» (case-study) выделена фигура Б.П. Мансурова, профессиональная (служебная) биография которого рассматривается на микроуровне.

Предметом исследования является внутриэлитная конкуренция за более выгодную бюрократическую страту, выражающаяся в карьерной динамике представителей государственной элиты.

Изучение предмета на основе анализа профессиональных биографий, а не государственно-административных структур и нормативных актов, регулирующих «кадровую политику», обусловлено тем, что изучение механизмов функционирования институтов не позволяет учесть гетерогенных по отношению к этим институтам практик, представляющих собой, тем не менее, значимую и устойчивую часть социальной жизни⁶.

Степень изученности темы. Исходя из структуры данного исследования, целесообразно выделить два крупных историографических пласта.

Первый посвящен бюрократической элите (в том числе – членам Государственного совета) Российской империи, а именно социальному составу, профессиональным качествам и степени реальной вовлеченности бюрократической элиты в процессы управления государством.

Характеризуя историографию дореволюционной России, следует учитывать, что проблема качества чиновничества этого периода была злободневной и редко выходила за пределы публицистических дискуссий. Научное осмысление влияния бюрократии на крупные государственные

---

⁶ Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 116.

преобразования представлено преимущественно в работах, посвященных изучению реформ 60-70-х гг. Авторы этих исследований, подробно рассматривая процесс подготовки и осуществления реформ, уделяли внимание профессиональным и моральным качествам личностей некоторых крупных государственных деятелей, принимавших участие в преобразованиях. В целом, у дореволюционных исследователей не возникало сомнений в большой роли многих бюрократов в позитивном исходе модернизации. Облик конкретных изменений, по мнению историков, значительно определялся личными качествами и взглядами членов чиновного аппарата⁷.

Советская историография, находясь под влиянием марксистской парадигмы, мало интересовалась личностями, наполнявшими государственные структуры, считая достаточным указание на их преимущественно дворянское происхождение, определявшее, с точки зрения марксизма, их экономические, а значит и политические интересы, от которых чиновник находился в непреодолимой зависимости.

Несколько иначе на этот вопрос взглянул Н.М. Дружинин в своей монографии, посвященной положению государственных крестьян накануне и после реформы П.Д. Киселева⁸. Рассматривая в третьей главе работу секретного комитета 1835 г., автор уделил внимание некоторым представителям высшей бюрократии, участвующим в обсуждении предполагаемых мер. Отвечая на вопрос о том, как работал чиновный аппарат во время выработки и проведения реформ, автор проводил различия между его формальной стороной (законы, распоряжения) и неформальной (реализация официальных постановлений). Давая развернутую характеристику личности П.Д. Киселева, Н.М. Дружинин не упустил из виду его тактику реализации намеченных им преобразований, которая смогла сломить сопротивление многих представителей высшего чиновничества.

---

⁷ См. нпр. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2004. 862 с.

⁸ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Том 1. Предпосылки и сущность реформы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1946. 632 с.

Наиболее подробно роль и качество высшей имперской бюрократии XIX в. в советской историографии были рассмотрены П.А. Зайончковским в его монографии «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», вышедшей в 1978 году⁹. В ней автор поставил задачу «подвергнуть анализу состояние указанных групп российского чиновничества, проследив изменения в его сословном составе, имущественном положении, уровне образования». Анализируя биографии некоторых чиновников и их деятельность на службе, П.А. Зайончковский пришел к выводу о дилетантизме состава Государственного совета, вызванном низким уровнем образования его членов и засильем военных в центральных правительственных учреждениях гражданского типа. В целом, характерной чертой высшей бюрократии первой половины XIX в. автор указывает почти полное отсутствие умных и волевых людей. Сам Государственный совет как высшее законосовещательное учреждение в империи, по его мнению, не играл и не мог играть существенной роли в условиях николаевской государственной системы. «Совет рассматривался в качестве своеобразной синекуры. Обычно увольняемые в отставку министры оставались в составе совета, нередко в него же назначались отставные генерал-губернаторы»¹⁰.

Фундаментальный труд Н.П. Ерошкина, посвященный истории государственных учреждений России, не обходит стороной и Государственный совет¹¹. В монографии анализируются социально-экономические причины возникновения, особенности формальной организации и механизмы функционирования главного совещательного органа Российской империи, а бюрократическая система рассматривается как функциональная часть государственного аппарата.

Отказ от доминирования марксистской идеологии в исторических исследованиях, оформившийся в 90-х гг. прошлого века, вызвал всплеск

---

⁹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. 287 с.

¹⁰ Там же, с. 196

¹¹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.

интереса ученых к исследованию исторических личностей, в том числе царских бюрократов. В то же время расширение доступа к аналогичным зарубежным исследованиям спровоцировало определенную ревизию устоявшихся представлений на этот счет. Развитие межнациональных научных контактов, схожесть методологии, подходов и, по большому счету, выводов российских и зарубежных исследователей данного вопроса дает основание не проводить раздела между отечественной и зарубежной историографией в этом обзоре, а рассмотреть их в связи.

Л.Е. Шепелёв в своей работе, посвященной феномену российского имперского чиновничества, рассматривает его как обособленную группу, в которой существует система формальных и неформальных служебных отношений. Автор фактически расширил выводы П.А. Зайончковского о правящей бюрократической элите на все классное чиновничество страны¹². «Неудовлетворительная организация службы, низкая квалификация чиновников и нравственная нечистоплотность многих из них – таковы характеристики ситуации в сфере государственного управления в течение всей первой четверти XIX в., содержащиеся в громадном большинстве исторических источников»¹³. В николаевскую эпоху, по мнению историка, качество гражданской службы не улучшалось из-за общей косности государственного аппарата и сохранения системы чинов, делающей невозможным быстрое обновление состава служащих. Также Л.Е. Шепелёв уделяет внимание вопросу источников формирования чиновного корпуса, указывая на его сословно-династическую особенность: «Дети и внуки шли по стопам отцов и дедов, опираясь на их опыт и их служебные связи»¹⁴.

Большинство современных исследований бюрократии Российской империи строится на основе анализа коллективных портретов её представителей. Так, например, С.В. Куликовым был изучен портрет бюрократической элиты

---

¹² Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России XVII - начало XX в. СПб.: "Искусство-СПБ", 1999. 497 с.

¹³ Там же, с. 116.

¹⁴ Там же, с. 132.

империи на момент Февральской революции, обобщающий данные о 1112 членах высшей столичной и высшей провинциальной бюрократии. Автор приходит к выводу о том, что к 1917 г. бюрократическая элита стала частью служилой интеллигенции, а сановников и оппозицию объединяла приверженность основополагающим ценностям либеральной идеологии¹⁵. Поведение представителей бюрократической элиты, в том числе и царя, было отмечено более высокой, по сравнению с оппозиционерами, степенью политической зрелости и «вестернизированности». «К началу 1917 г. степень бюрократизации государственной власти Российской империи была высока настолько, что высшая бюрократия стала самодостаточной по отношению к императору. Не она зависела от него, а он зависел от нее»¹⁶. В целом, исследование С.В. Куликова развенчивает миф о дворянско-помещичьем засилье в высших правительственных кругах на рубеже XIX-XX вв., о необразованности, дряхлости бюрократии и её антагонизме с интеллигенцией.

В. Пинтнер на основе своей выборки из 4347 классных чиновников пришел к выводу, что политическая элита в России была многонациональной. Исследователь также коснулся вопроса факторов карьерного роста. По его мнению, этнические критерии хоть и принимались во внимание, но не мешали продвижению по социальной лестнице¹⁷. Большую роль в пореформенное время в жизненном успехе человека стали играть образование, богатство и социальная активность¹⁸.

Е.М. Собко был проанализирован состав Государственного совета 1882 и 1892 гг. по формулярным спискам¹⁹. Внимание уделялось происхождению, образованию, национальности (вероисповеданию), возрасту, отношению к земельной собственности. В итоге, по мнению автора, в Государственном совете

---

¹⁵ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань, 2004. С. 394

¹⁶ Там же, с. 400.

¹⁷ Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755-1855 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980.

¹⁸ Там же, с. 237.

¹⁹ Собко Е.М. Государственный совет в эпоху Александра III. М.: Издательский дом МГУКИ, 2007.

значительно преобладали потомственные дворяне русского происхождения, имевшие земельную собственность, умудренные опытом государственной деятельности (в силу своего стажа), имевшие высокий уровень образования. Сравнение данных двух указанных хронологических срезов позволили исследователю сделать вывод о старении состава Совета, росте образованного пласта и сокращении в нём группы земельных собственников.

Коллективный портрет 215 представителей этого же органа, но в несколько поздний период (1894-1914 гг.), был изучен британским историком Д. Ливеном²⁰. Автор оценивает членов Государственного совета того времени как хороших профессионалов, имевших высшее, преимущественно юридическое образование.

М.А. Давыдов предпринял попытку проследить качественный состав представителей высшей бюрократии эпохи Александра I в своей монографии «Оппозиция его Величества»²¹. Анализ этого вопроса на основе масштабной переписки некоторых крупных чиновников позволяет установить два противоборствовавших умонастроения в их среде в то время: консервативного и либерального. Также, в данную эпоху, по мнению историка, начинает формироваться особый тип государственного деятеля, названный словами П.Н. Милюкова «оппозицией Его Величества», характеризующийся активным выражением своего профессионального недовольства, но не посягающий на монархические или даже самодержавные основы государства. Данный тип чиновников просуществовал весь оставшийся XIX в. вплоть до 1917 г.

Две противоборствующие группировки в бюрократической среде России XIX в. выделяет также американский историк-русист А. Рибер²², называя их «националистической» и «немецкой» партиями. Историк указывает на их значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. Приверженцы первой партии часто были связаны с Азиатским департаментом

---

²⁰ Lieven D. Russians Rulers under the Old Regime. New Haven: Yale University Press. 1989.

²¹ Давыдов М.А. Оппозиция его Величества. М.: Зебра Е, 2015. 350 с.

²² Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001.

Министерства иностранных дел и Военным ведомством. Ко второй группировке относилось большинство министров иностранных дел и ведущих деятелей министерства Финансов.

Большую ценность для данного исследования представляют работы И.В. Ружицкой, посвященные анализу феномена «просвещенной бюрократии»²³. Наделяя этим понятием группу высших чиновников, обладавших положительными моральными и профессиональными качествами и активной преобразовательной позицией, сформированной идеологией Просвещения, историк утверждает, что к концу правления Николая I в России уже существовал значительный слой таких государственных деятелей. Автор указывает на конфликт между началами рационального управления, внедрявшихся «просвещенными бюрократами», и традициями придворного общества, сохранявшимися в тот период. Говоря об общих для «просвещенных бюрократов» личных качествах и взглядах, И.В. Ружицкая выделяет свойственный им интеллектуализм и гвернаментализм (признание самодержавного государства главным субъектом и инструментом преобразования страны). Интересно замечание исследователя о карьеризме «просвещенных бюрократов», который был обусловлен не только соображениями личной выгоды, но и стремлением расширить поле своей профессиональной деятельности для большего содействия тому, что они сами называли общим благом. В итоге, по словам историка, был сформирован пласт людей, «чьи убеждения, знания и практический опыт составили тот человеческий потенциал, который был использован властью в процессе подготовки и проведения реформ»²⁴.

Некоторые исследования позволяют реконструировать эволюцию высшей бюрократической элиты в Российской империи. Ещё в XVIII - первой трети

---

²³ Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия. 1800-1860-е гг.. М.: Издательство Института российской истории РАН, 2009. 342 с.; Ружицкая И.В. «Просвещенные бюрократы» - новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2008. № 1 (11). С. 36-43.

²⁴ Ружицкая И.В. «Просвещенные бюрократы» - новый тип российских чиновников. С. 36.

XIX в. чиновников-предпринимателей было мало, и почти все бюрократы являлись помещиками²⁵, из чего следовало сильное влияние традиционных установок на большую часть государственного аппарата. Однако уже со второй четверти XIX в. значительная часть бюрократии начала менять свой менталитет²⁶. Это привело к тому, что чиновничество уже первой половины XIX в. следует рассматривать не как прослойку, отражающую интересы господствующих сил, а как самостоятельную социальную группу со своими собственными интересами²⁷. Например, Государственный совет во второй половине 60-х гг. XIX в. стал оплотом либеральной бюрократии. В его состав на тот момент входили многие отставные министры периода реформ, а председателем был либерально настроенный брат царя Константин Николаевич²⁸. В итоге, во второй половине XIX – начале XX в. власть самодержавного монарха в какой-то мере ограничивалась бюрократией²⁹. К 1917 г. высшую бюрократию можно было характеризовать как сравнительно однородную, высокообразованную, профессиональную группу, сформированную на основе служебного стажа, образования и личных талантов её членов³⁰. Главными критериями отбора на государственную службу были выслуга, образование и профессионализм. В состав Совета императором назначались наиболее опытные гражданские и военные государственные деятели, относившиеся к первым трем классам «Табели о рангах», многие из которых перед тем занимали министерские посты³¹.

Также современные историки уделили внимание такому фактору карьерного роста, как протекция и клиентелизм. Исследователи сходятся на том, что фактор фаворитизма и протекции присутствовал при назначениях высшей

---

²⁵ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М. 1974.

²⁶ Lincoln W.B. In the vanguard of reform: Russian's bureaucrats, 1825-1861. Illinois, 1982.

²⁷ Куликов С.В. "Революции неизменно идут сверху...": падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007, №1.

²⁸ Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: вехи эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 34.

²⁹ Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.

³⁰ Шилов Д.Н. Министр и министерство: практика и стили работы руководителей ведомства // Английская набережная, 4: Сборник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2004. с. 329.

³¹ Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России XVII - начало XX в. СПб.: "Искусство-СПБ", 1999. 497 с. С. 67.

бюрократии до 1917 г., но не был решающим, приоритет отдавался опыту административного управления и заслугам³². А отсутствие гарантии эффективности протекции к концу XIX в. было вызвано переменами в общественном сознании³³.

Важными для данного вопроса являются современные исторические исследования, посвященные биографиям российских императоров³⁴. Анализ личности и деятельности самодержцев неизбежно обращает внимание на их фаворитов. Упоминаемые в данных работах случаи проявления монаршей воли по отношению к служебному положению некоторых лиц заслуживают внимания и позволяют взглянуть на конкретные случаи карьерного движения не со стороны их служебных биографий, а с позиции интересов и предпочтений самого правителя.

Наиболее подробно феномен высшей бюрократии был рассмотрен в фундаментальном труде Б.Н. Миронова «Российская империя: От традиции к модерну»³⁵. Автор относил к данной категории членов Государственного совета, министров и главноуправляющих, сенаторов, товарищей министров, начальников главных управлений, директоров департаментов, губернаторов, послов и посланников. Основной вывод по этому вопросу заключается в том, что «хотя русский чиновник не вполне соответствовал идеальному типу чиновника, который подчиняется только законам и действует невзирая на лица, русская бюрократия в течение XVIII—первой половины XIX в. развивалась именно как правомерная, поскольку верховная власть отлично понимала необходимость

---

³² Злобин Ю.П. Генерал-губернаторский корпус Российской империи в XIX - начале XX века: социокультурная характеристика // Россия между прошлым и будущим: Исторический опыт национального развития: материалы всерос. науч. конф., посвящую 20-летию Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4-5 марта 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 408-417.

³³ Леонов М.М. «Тактика гостиных»: протектирование в пореформенной России // Социальная история, 2011: ежегодник. СПб., 2012, с. 12-24.

³⁴ Боханов А.Н. Александр III. М.: Вече, 2007. 448 с.; Высочков Л.В. Николай I. Человек и государь. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. 644 с.; Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. 1993, №11-12 С. 27-48.; Николаев В. Александр II. Биография. М.: Захаров, 2005. 432 с.; Олейников Д.И. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 384 с.

³⁵ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896+912+992 с.

ограничить чиновников жесткими рамками закона»³⁶. По мнению Б.Н. Миронова, важной особенностью эволюции бюрократии был её качественный рост: «В течение 1700—1917 гг. происходила профессионализация чиновничества благодаря возникновению специальных учебных заведений и постепенному отделению гражданской службы от военной»³⁷. Автор отмечает влияние на этот процесс именно кадровой политики, которая к началу XX в. привела к коренному изменению персонального состава административных органов. В целом же, бюрократия рассматривается как отдельная (сословно нейтральная) группа, усилившаяся при Николае I, предпочитавшем в своих действиях опираться на чиновничество, и сохранявшая свое высокое влияние до 1917 г. По словам исследователя, Российская империя со второй трети XIX в. стала бюрократической монархией.

Также в своем труде Б.Н. Миронов уделяет внимание главному законосовещательному органу Российской империи и его формальным и реальным функциям. Отмечается роль Государственного совета в процессе превращения России в «правомерную монархию». Исследователь указывает на значительную роль этого органа в законотворчестве, которое с момента образования Совета стало подчиняться строгой процедуре: «все законы должны были предварительно обсуждаться в нем, прежде чем поступить на утверждение императора, что служило критерием для проведения различия между законом и постановлением верховной власти в порядке текущего управления. <...> Теперь воля императора могла быть реализована при одном важном условии: если воля превращалась в писанный закон, который предварительно обсуждался в Государственном совете и публиковался в Сенате»³⁸. Помимо этой сопроводительно-процессуальной функции, Совет влиял на содержание самих законопроектов, так как бывали случаи их радикального изменения в процессе обсуждений.

---

³⁶ Там же, т.2, с. 404.

³⁷ Там же, т.2, с. 494.

³⁸ Там же, т.2, с. 395.

Юридическое и фактическое положение Государственного совета также подробно рассматривается А.С. Сениным в работе «История российской государственности»³⁹. Фундаментальное исследование политической структуры и формальных основ бюрократического аппарата позволяет четко представить место совещательного органа и особенности его взаимодействия с другими компонентами механизма государственного управления и контроля на всём протяжении его существования.

Важную часть современной историографии составляют диссертации по вопросу российской имперской высшей бюрократии, защищенные за последние два десятилетия⁴⁰. Наибольший интерес представляет работа А.В. Дыдычкина «Социальный портрет министров Российской империи конца XIX – начала XX веков»⁴¹. В ней автор с помощью электронной базы данных анализирует качество и некоторые моменты профессиональной биографии представителей бюрократической элиты – 45 министров, находящихся на должности с 1881 по 1905 гг. В качестве основных общих черт выделяется аристократическое происхождение и высшее образование будущих министров. Последнее качество, по словам историка, значительно увеличивало шанс претендента на включение в состав государственной элиты. Имущественный признак изучаемой совокупности оказался сильно дифференцирован, что позволило А.В. Дыдычкину утверждать о подверженности министерской среды процессу дворянского обезземеливания.

Подводя итог состоянию исследования профиля российской высшей бюрократии, источников и факторов её формирования, стоит указать на то, что из поля зрения ученых практически выпадает рекрутирующая функция

---

³⁹ Сенин А.С. История российской государственности. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 336 с.

⁴⁰ Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. :По материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 2004. 695 с.; Воронин В.Е. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича, до начала 60-х гг. XIX в. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 1996. 289 с.; Савицкая И.С. Д.Н. Блудов: формирование личности представителя "просвещенной бюрократии". Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 2012. 204 с.

⁴¹ Дыдычкин А.В. Социальный портрет министров Российской империи конца XIX - начала XX веков. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 2002. 306 с.

внутриэлитной конкуренции. Высшая бюрократия рассматривается как единая (и уже сформированная) группа, а сам подход, заключающийся в синтезе профиля бюрократа – сведение информации к некоему среднему, приводит к игнорированию различий и противоречий внутри самой группы. Однако, конкуренция является одним из важных компонентов карьерного движения будущих представителей государственной элиты. Определение главных критериев внутриэлитной конкуренции позволяет более детально взглянуть как на профиль бюрократа, так и на механизмы и источники его рекрутации.

Второй историографический пласт посвящен биографии Б.П. Мансурова. Научных исследований, уделяющих внимание этой личности, не так много. Упоминание Бориса Павловича в российских дореволюционных работах происходило только в контексте его профессиональной деятельности. Так А.А. Дмитриевский, занимаясь историей становления и развития Императорского Палестинского Православного Общества, не раз указывал Мансурова и давал ему, в большей степени, лестную характеристику. В то же время историк рассматривал Мансурова как человека, который, используя доверие великого князя Константина Николаевича к себе, проводил в Палестине политику активной бюрократизации и оптимизации, ущемляя интересы русской Духовной миссии на Востоке⁴².

Официальная советская историография практически обошла стороной Б.П. Мансурова, не найдя интереса ни в чиновнике и члене Государственного совета Российской империи, ни в истории становления Русской Палестины, в которой Мансуров был одним из главных действующих лиц. Исключением стал труд архимандрита Никодима (Ротова), который в 1956 г. был назначен членом Русской Духовной миссии в Иерусалиме, а затем её начальником. Опираясь на архивы Русской духовной миссии, архимандрит Никодим подготовил исследование на тему: «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме»⁴³, в

---

⁴² Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. 448 с.

⁴³ Никодим (Ротов Б.Г.). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Богословские труды. М., 1979. Сб. 20. С. 15-82.

которой встречаются упоминания о Б.П. Мансурове, однако в схожем с работой А.А. Дмитриевского качестве.

Исследователь реформ в Морском министерстве А.П. Шевырев упоминает Б.П. Мансурова также в контексте его министерской службы, но уже в качестве одного из «константиновцев» – группы либеральных государственных деятелей и чиновников, образовавшейся в Морском министерстве под управлением великого князя Константина Николаевича⁴⁴.

Рост интереса к церковной истории с одной стороны, и к биографиям царских бюрократов с другой, вызвал всплеск внимания к личности Б.П. Мансурова и его деятельности у современных историков. Так, К.А. Вах подробно изучил роль Бориса Павловича в процессе становления феномена Русской Палестины⁴⁵.

Исследованием истории русского присутствия на Святой Земле занимается также заместитель председателя Императорского православного палестинского общества историк Н.Н. Лисовой, также рассматривающий Б.П. Мансурова в качестве одного из главных деятелей Палестинского комитета и Палестинской комиссии⁴⁶.

Биографии Б.П. Мансурова посвящена статья филолога З.П. Ермаковой «Преданный Святой Земле работник». В ней автор кратко характеризует служебный путь Мансурова, уделяя внимание, в первую очередь, его деятельности в Палестине (считая это главным делом в его жизни), а также религиозным и моральным качествам Бориса Павловича⁴⁷.

---

⁴⁴ Шевырев А.П. Административные реформы 1850-1860-х годов в морском ведомстве // Вопросы истории. 1983. №8. с. 160-163.

⁴⁵ Вах. К.А. К истории назначения архимандрита Антонина (Капустина) начальником русской духовной миссии в Иерусалиме // Вестник архивиста. 2011, №4. С. 138-153.; Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич на святой земле в 1859 году. М.: Индрик, 2009. 191 с.; Вах К.А. Основание российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов // Восточный архив. 2015, №1 (31). С. 29-33.

⁴⁶ Лисовой Н.Н. Приложение. Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения Церкви и России // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008.

⁴⁷ Ермакова З.П. Преданный Святой Земле работник // Московский журнал, 2012, №4. С. 56-65.

В итоге, в историографии ощущается недостаток исследований общей картины профессиональной деятельности Б.П. Мансурова, вписанной в условия конкретных исторических процессов.

Хронологические рамки исследования определены 30 – 80-ми гг. XIX в. Анализируется совокупность всех членов Государственного совета, которые начинали свою служебную карьеру в период правления Николая I или Александра II.

Хронологические рамки обусловлены ключевыми вехами развития имперской бюрократии в XIX в.: 1825-1855 гг. – период правления Николая I, когда бюрократия в качестве «инобытия дворянства» становится новым правящим слоем, и 1855-1881 гг. – период выдвижения либеральной бюрократии⁴⁸. Границы выборки позволяют изучить механизмы рекрутации элиты двух царствований: Николая I и Александра II, а также выявить состав и качества политической элиты при последних двух императорах России, сформированной этими механизмами отбора.

Географические рамки исследования определены границами Российской империи де-юре на изучаемый период. Фактически, географическими рамками является область реального влияния российского административно-государственного аппарата и бюрократической системы, в условиях которых происходит процесс рекрутации государственной элиты.

Цель исследования заключается в изучении механизмов карьерного роста представителей государственной элиты Российской империи.

Исходя из поставленной цели в диссертации определены следующие **задачи исследования**:

1. Стандартизация биографического описания членов Государственного совета;
2. Просопографический анализ членов Государственного совета;

---

⁴⁸ Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: вехи эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 5.

3. Осмысление и формализация социально-культурного понятия «карьерный успех» в России XIX века, получение его количественного показателя;
4. Изучение степени влияния различных биографических факторов на карьерный успех;
5. Анализ биографии Б.П. Мансурова на предмет общих и особенных черт по отношению к изучаемой совокупности чиновников;
6. Выявление основных факторов карьерной динамики Б.П. Мансурова.

Методология исследования в своей основе содержит принципы историзма и объективности. В работе применяются как общие, так и специальные методы исторического познания – генетический, типологический, компаративный, факторный. В диссертации широко применяется междисциплинарный подход, выраженный в использовании методологического и теоретического аппарата таких наук, как историческая информатика, социально-историческая антропология, политология и социология.

Комплексный анализ на микро и макроуровнях обусловлен как гомогенными, так и гетерогенными предпосылками исторической науки. Гомогенной предпосылкой является то, что «представления о прочной связке микроповедения акторов и макроповедения систем хорошо известны в естественных науках и постепенно распространяются и в истории»⁴⁹. Гетерогенная предпосылка заключается в большей, по сравнению с прошлым веком, эффективности подобных исследований, вызванных развитием информационных и вычислительных технологий.

Говоря о причинах, а не о предпосылках подобного подхода, стоит подробнее рассмотреть взаимосвязь макро- и микроуровней в исторической науке. Макроанализ необходим для проявления определенного уровня или фона, для атрибутирования понятия «норма» конкретным качественным и количественным содержанием. Данный подход позволяет рассмотреть членов

---

⁴⁹ Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении крестьянского движения в России во второй половине XIX в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 88.

Государственного совета как некую целостную общность и изучить её групповые особенности (социальные, функциональные и т.п.). Именно макроанализ позволяет устанавливать крупные социальные структуры и связи, влияющие на поведение индивидов в обществе.

Однако макроанализ систем и совокупностей никогда не может быть достаточным и исчерпывающим для глубокого изучения вопроса, несмотря на то, что социальный атомизм⁵⁰ опровергнут идущими уже более столетия социологическими, экономическими, антропологическими и психологическими исследованиями. Безусловно, «именно отношения (всегда являющиеся социальными) определяют участвующие в них категории, а не наоборот, и что каждая индивидуальность является местом, где действует несвязанная (и часто противоречивая) множественность ее относительных детерминаций»⁵¹. А П. Бурдьё даже вводит такое понятие, как «биографическая иллюзия», которая «возникает благодаря работе механизмов, призванных скрыть работу социальных институтов, которые, в противоположность человеческому ощущению, что он сам строит свою жизнь, задают формы человеческого существования»⁵². Но, в случае абсолютизации подобного «антиличностного» взгляда: «пришлось бы всю историческую деятельность людей рассматривать в качестве бессубъектной, ибо она еще никогда не подчинялась воле человека и не соответствовала его рациональной мотивации»⁵³. Не защищая социальный атомизм, всё же стоит признать, что «личность – единственное, что существует реально. <...> Институтация не человек, а сеть отношений между людьми; говоря о ней как о человеке, мы грешим против истины»⁵⁴.

---

⁵⁰ Социальный атомизм — политико-философская концепция, согласно которой общество состоит из изолированных индивидов (своего рода «атомов»), вступающих в социальные взаимодействия для реализации собственных интересов и целей. Социальная структура строго детерминируется индивидами, а не наоборот.

⁵¹ Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 39.

⁵² Бурдьё П. Биографическая иллюзия //Интеракция. Интервью. Интерпретация. №1, 2002. С 80.

⁵³ Булычёв И.И. Основы философии, изложенные методом универсального логического алгоритма. Тамбов. 1999. С. 198.

⁵⁴ Тойнби А. Роль личности в истории. М.: "Астрель", 2012. С. 7.

Сведение любого социального и исторического процесса к его макросоставляющим, то есть к таким понятиям как «функция», «причинность» или «фактор», подразумевающим прямолинейность или повторяемость ситуаций, упускает из вида многослойность социальных отношений⁵⁵. В то же время, активно применяемые при макроанализе средства визуализации статистических данных всегда сильно ограничены в своей попытке изобразить срез действительности: «Траектория подразумевает движение, но она также является результатом проецирования на плоскость, уничтожения объемности. Это транскрипция. Граф (которым может овладеть глаз) заместил операцию; обратимая линия (читаемая в двух направлениях) – заместила темпорально необратимую серию; след заместил действие»⁵⁶.

Всё это указывает на важность микроанализа, который, в контексте данного исследования, представляет собой изучение биографии члена Государственного совета Б.П. Мансурова. В конце концов, «в своих лучших проявлениях биография – чистейшая форма истории»⁵⁷, а философское осмысление этого феномена сводится к тому, что «биография относится к историческим жанрам и определяется как “история в малом виде”, представляя собой “истинную, действительную, а не вымышленную жизнь человека”, особенностью которой, в отличие от ”характеристики”, является то, что рассказ ведется в “непрерывной повествовательной связи и последовательности; так что всякий случай непосредственно или посредственно связан со всеми другими”»⁵⁸.

Бюрократический аппарат Российской империи в данном исследовании рассматривается в том числе с точки зрения теории элит. Объемный анализ среза

---

⁵⁵ Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны, и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. С 63.

⁵⁶ Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С 50.

⁵⁷ Wolpert S. Biography as history: A personal reflection // J. of interdisciplinary history. Cambridge, 2010, Vol. 40, №3. P. 399-412.

⁵⁸ Калугин Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII-XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 18.

элиты, заключающийся в сочетании макро и микро подходов, позволяет рассмотреть несколько категорий этого понятия⁵⁹:

- Элита как функциональная группа;
- Элита как социальный слой;
- Элита как институт.

Понятие «кадровая политика» рассматривается в данном исследовании с точки зрения исторической антропологии. Центральный элемент данной методологии – культура – представляет собой набор правил как формального, так и неформального характера, стереотипов, норм, кодов, предписывающих человеку конкретные социальные практики. Индивид часто находится под их управлением, что, в свою очередь, можно характеризовать как влияние «института культуры», включающего в себя, по определению П. Бурдьё, «систему прочных приобретенных предрасположенностей», используемых индивидом как категория восприятия и оценивания или как организационный принцип действия⁶⁰. Согласно данному подходу, в нашем исследовании бюрократическая система – это сеть индивидов, взаимодействующих, с одной стороны, по формальным нормам служебных взаимоотношений, а, с другой – согласно принципам неформальных межличностных контактов. Понятие «кадровая политика», оказывающее прямое воздействие на карьерный успех отдельных бюрократов, рассматривается, в первую очередь, как своеобразная часть культурной институции, включающая в себя как формальные юридические и инструкционные положения, так и неформальные предпочтения и настроения высшего начальства, в том числе и других бюрократов.

Понятие «карьерный успех» в данной работе определено в рамках методологии квантативной истории и имеет, благодаря ей, четкую количественную характеристику. Эта парадигма основана на идее изучения

---

⁵⁹ Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты в зеркале исторической науки // Pro Nunc. Современные политологические процессы. 2008, №1. С. 16

⁶⁰ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т1, С. 54.

исторического процесса с помощью математических методов и включает разнообразный статистический инструментарий.

При обработке справочной литературы применялись методы работ с реляционной базой данных и математической статистики.

Изучаемая нами совокупность персон рассматривается также с позиции концепции человеческого капитала. Имея множество определений, это понятие сводится к набору умений, навыков и качеств, обеспечивающих индивиду эффективную профессиональную деятельность⁶¹. Количественные методы, применяемые в данном исследовании направлены, в том числе, на выявление перспективных качеств человеческого капитала, относящихся к процессу рекрутации государственной элиты в XIX в. Эти качества сводятся к тому, что исследователь Г. Моска называет «способностью управлять». Это не только психологическая склонность одного человека властвовать над другими и не только личные качества, обеспечивающие высокий профессионализм в управленческой деятельности, но и *наличие характеристик, наиболее подходящих в определенный исторический период*⁶².

При анализе профессиональной биографии Б.П. Мансурова применяется биографический метод исследования, рассматривающий персону с позиции социального субъекта действия.

Источниковая база исследования представлена документами различных типов, которые можно разбить на две условные группы: официальная документация и источники личного происхождения.

Первая группа используется для создания просопографической базы данных. Интересующая нас профессиональная биография чиновников того времени, в основном, содержится в двух источниках - личных делах и формулярных списках. Информация в них нередко полностью дублируется, что открывает дополнительные возможности для верификации. Исследователи,

---

⁶¹ Шигаров Г.Х. Человеческий капитал, человеческий потенциал и социальный капитал // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: экономика. 2012, № 4 (16). С. .49.

⁶² Mosca G. The final Version of the Theory of Ruling Class. p.388-389.

применявшие в своих работах формуляры и личные дела, противоречиво характеризуют эти документы. Так, П.А. Зайончковский писал, что «формулярные списки являются одним из наиболее достоверных источников. Какое-либо сознательное их искажение исключено»⁶³. Другой историк, плотно работавший с этими документами, Д.Н. Шилов, высказал некоторый скепсис: «Достоверность и полнота информации формулярных списков в разные исторические периоды неодинаковы. В первой четверти XIX в. организация делопроизводства была такова, что документы эти составлялись зачастую полностью со слов чиновников. <...> В царствование Николая I ведение дел о службе высших чиновников было заметно упорядочено, установлен единый делопроизводительный стандарт. Формуляры было повелено заполнять только на основании подлинных документов о рождении, происхождении, образовании, браке. Соответственно точность и полнота их значительно возросли»⁶⁴. Однако, как отмечает сам же Д.Н. Шилов, информация о службе в этих источниках «с точки зрения достоверности <...> почти безупречна»⁶⁵. Последнее наиболее для нас актуально, так как на основе именно этой информации будет формализовываться понятие карьерного успеха.

Формулярные списки и личные дела, совместно с рядом других документов, были использованы при составлении двух биографических справочников: «Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906 гг.»⁶⁶ и «Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917»⁶⁷. Представляя собой результат серьезной исследовательской работы профессиональных историков Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина, данные справочники избавляют других исследователей от

---

⁶³ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. С. 10

⁶⁴ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 14.

⁶⁵ Там же. С. 18.

⁶⁶ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.

⁶⁷ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917. 936 с.

долгой и кропотливой работы с оригинальными документами в государственных архивах.

К источникам личного происхождения относятся дневники, воспоминания и эпистолярное наследие. Что касается первых двух, следует иметь в виду, что каждый конкретный образец этих типов, с большой долей вероятности, содержит субъективные мысли их создателя апологетического свойства, значительно искажающие реальную картину, характеризующую в этом источнике. «Если автор их, несмотря на свою принадлежность к правительственным кругам, способен порой критически относиться к деятельности царя и его приближенных, то лично свою роль он обычно преувеличивает и излагает ее апологетически»⁶⁸. Именно поэтому в данном исследовании не анализируется профессиональная биография некоторых персон на основе их собственных воспоминаний, а эти источники используются как вспомогательные для выявления некоторых ситуаций.

Ценность для данной диссертации представляет дневник П.А. Валугева – министра государственных имуществ, а затем председателя Комитета министров⁶⁹. Источник охватывает период с 1861 по 1876 г. В нём автор уделяет большое внимание характеристикам ряда современных ему государственных деятелей, и, что более важно, их взаимоотношениям и отношениям с императором и членами императорской фамилии.

Также интересен дневник секретаря канцелярии Государственного совета А.А. Половцова, который охватывает период исполнения им этой должности (1883-1892 гг.)⁷⁰. Этот источник не содержит больших обобщений и развернутых размышлений, но отличается обилием фактических сведений, добросовестно фиксируемых Половцовым.

---

⁶⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М.: Издательство Московского университета, 1964. С 31

⁶⁹ Валугев П.А. Дневник П.А. Валугева министра внутренних дел: В двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 422+588 с.

⁷⁰ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. 605+639 с.

Воспоминания Е.М. Феоктистова⁷¹ освещают события в России с 1848 по 1896 гг. Автор, находившийся на должности чиновника для особых поручений министерства народного просвещения в 1863-1883 гг, а затем, до 1896 г. – начальника Главного управления по делам печати министерства внутренних дел, и, фактически являясь правой рукой Д.А. Толстого, был «своим человеком» для правящей среды того времени, что позволяло ему уверенно (хоть и субъективно) характеризовать её состояние и состав.

Специфический источник, который всё же можно отнести к данной группе, представляют собой «Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича» А.В. Головнина⁷². Автор, являясь секретарем великого князя, был осведомлен о ситуациях, развивавшихся вокруг фигуры Константина Николаевича. Сами материалы создавались в течение длительного времени и освещают события с 1827 по 1861 гг., «большинство глав написано по горячим следам событий, и отражают восприятие автором событий и оценку им исторических лиц, в разные моменты времени. Эта особенность текста сближает его с дневниками, или учитывая погодный характер записи, с летописью»⁷³. «Материалы» позволяют учесть случаи протезирования великим князем некоторых близких к нему чиновников.

Все перечисленные мемуары и дневники опубликованы и снабжены научно-справочным аппаратом, что значительно облегчает их использование в данном исследовании.

Важным типом источников личного происхождения, использовавшимся для реконструкции профессиональной биографии Б.П. Мансурова, его деятельности и взглядов, является его служебная и личная переписка. В письмах, особенно личных, излагаемые события чаще носят непосредственной и менее апологетический характер. Написанные, в своем большинстве, спустя

---

⁷¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). М.: Новости, 1991. 464 с.

⁷² Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Издательство "Д.А.Р.К.", 2006. 368 с.

⁷³ Миловидов Б.П. Предисловие / Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Издательство "Д.А.Р.К.", 2006. С. 14.

незначительное время после освещенных в них событий, письма не могут содержать глубокую осмысленную с позиции времени точку зрения автора, что снижает риск намеренного или ненамеренного субъективного искажения явлений. С другой стороны, эпистолярные материалы могут успешно включать в себя позицию автора относительно некоторых актуальных для него вопросов, что позволяет лучше раскрыть личности партнеров по переписке, их культурный и профессиональный уровень.

Большое количество писем Б.П. Мансурова или адресованных ему содержится в двух его личных фондах. Фонд № 990 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, Москва) включает в себя две описи, содержащие личные документы семьи Мансуровых за период с начала XIX в. по начало XX в. Описи слабо структурированы и содержат разнообразный материал, иногда продублированный в другой описи, что говорит об их комплектовании на основе крупных кластеров документов, попавших в архив из разных мест и в разное время. Данный фонд содержит более 1240 дел, и не раз привлекал к себе внимание историков, в первую очередь, занимающихся проблемами присутствия Российской империи на Ближнем Востоке во второй половине XIX в.

Менее разработанными являются источники, содержащиеся в фонде № 972 Государственного архива Тамбовской области (ГАТО). Все документы включены в единственную опись в количестве 627 единиц хранения. Согласно архивной документации, эти материалы попали в ГАТО в 1920-х гг. и впервые были описаны в 1926 г (позже опись два раза переделывалась: в 1941 и 1980 гг.). Данные материалы, очень вероятно, сразу после революции попали в архивные учреждения г. Моршанска Тамбовской губернии из имения семьи Мансуровых, расположенного в с. Глазовка Моршанского уезда, после чего, чуть позже, были перевезены в ГАТО. Такой характер комплектования фонда отразился на его составе, который, также как и фонд № 990 ГАРФа, достаточно разнообразен.

Помимо многочисленных служебных и частных писем, эти два фонда содержат материалы профессиональной деятельности П.Б. Мансурова: выписки

из журналов Государственного совета, статьи, как его авторства, так и освещающие важные для него вопросы, различные расписки, документы имущественного и хозяйственного характера и т.п. Сами письма написаны на русском, французском, английском, итальянском, греческом и других языках. Некоторые из эпистолярных материалов, содержащихся в этих фондах, впервые вводятся в научный оборот.

Научная новизна исследования состоит в изучении факторов карьерной динамики представителей высшей бюрократии XIX века количественными методами. Важным компонентом анализа является понятие «карьерного успеха», выраженное в математическом аппарате через специально рассчитанный показатель, называемый «индекс успеха».

Индекс, помимо значимости в качестве компонента статистических вычислений, включает в себе и более глубокую эвристическую составляющую, так как является результатом измерения, которое зависит «от уровня сущностно-содержательного познания исследуемых явлений, того, насколько выявлена качественная определенность исследуемых объектов»⁷⁴.

Создана и проанализирована электронная реляционная база данных, посвященная служебной биографии членов Государственного совета и имеющая неограниченный потенциал дополнения и расширения, что позволяет использовать её в изучении множества вопросов, связанных с социальными, профессиональными, культурными или политическими характеристиками представителей высшей имперской бюрократии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что работа вносит вклад в изучение механизмов процесса элитообразования Российской империи. Полученные результаты могут быть опубликованы в виде научной монографии, а также найти применение в разработке курса политической и социальной истории России XIX в.

---

⁷⁴ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С 342.

Апробированная методика формализации и измерения сложных качественных понятий может использоваться в других исследованиях гуманитарных и социальных наук.

Созданная в процессе исследования база данных может использоваться в качестве электронного справочного ресурса, посвященного истории высшей царской бюрократии XIX в.

Исследование было апробировано на следующих научных мероприятиях:

1. Международная научно-практическая конференция Ассоциации «История и компьютер»; Калининград, октябрь 2015 г.;
2. Международная научно-практическая конференция молодых ученых «Ломоносов 2016»; Москва, апрель 2016;
3. XV Международная научно-практическая конференция Ассоциации «История и компьютер» «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, методы, технологии»; Москва-Звенигород, октябрь 2016;
4. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке»; Рязань, ноябрь 2016.

Некоторые положения диссертации были опубликованы в следующих научных статьях и тезисах:

1. Кунавин К.С. Создание и анализ информационного ресурса «Чинопроизводство членов Государственного совета Российской империи со второй четверти по конец XIX века» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». №44. Материалы международной научной конференции. 30 октября – 1 ноября 2015 г. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. 2015. С. 47-49.

2. Кунавин К.С. Исследование карьерной динамики политической элиты второй половины XIX – начала XX века при помощи базы данных // Материалы международного молодежного научного форума «Ломоносов 2016». (https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8420/uid34993_report.pdf).
3. Кунавин К.С. Анализ базы данных «Члены Государственного совета Российской империи второй половины XIX – начала XX века» // «Исторические исследования в цифровую эпоху: информационные ресурсы, методы, технологии»: Материалы XV Международной конференции ассоциации «История и компьютер»: Москва – Звенигород, 7-9 октября 2016 г. – М.: МАКС Пресс, 2016. С. 165-166.
4. Кунавин К.С. Профессиональная биография Б.П. Мансурова: к вопросу об особенностях формирования правящей элиты Российской империи в 1830-х – 1890-х гг. // Актуальные проблемы интеллектуальной истории и гуманитарного знания в XXI веке: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 8 ноября 2016 года – Рязань: РРОО ССАМ «Созвездие», 2016. С. 38-42.

В том числе в журналах, входящих в перечень ВАК:

5. Кунавин К.С. Карьера Б.П. Мансурова как пример взаимоотношений «правительство-чиновничество» во второй половине XIX века // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2016. - Т. 21, вып. 5-6 (157-158). С. 150-155.
6. Кунавин К.С. Анализ неформальных факторов карьерной динамики представителей Государственного совета Российской империи второй половины XIX века. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2017. - Т. 22, вып. 4 (168). С. 117-124.
7. Кунавин К.С. Социально-профессиональный профиль члена Государственного совета Российской империи второй половины XIX в.

// Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017,
вып. 4 (58).

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭЛИТА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX В. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И СОСТАВ.

§1. Понятие «элита» и место высшей бюрократии в ней.

Термин «элита» впервые был введен в научный оборот относительно недавно и наибольшее распространение получил в политологии. Несмотря на то, что это понятие преимущественно используют для описания обществ и структур современного состояния, в трактовке самого термина наиболее распространенная позиция заключена в признании элитизма явлением универсальным, характерным для всех государств всех эпох. «Существование элит признается аксиомой для любого общества, в котором существует социальная дифференциация, политическая власть и государство. <...> Данный подход позволяет анализировать трансформации элит и власти на протяжении всей истории Руси-России, формировать общие закономерности развития элит»⁷⁵.

В современной политологии существует широкая и узкая интерпретация термина «элита». Согласно первой из них элита – это высшая страта, существующая в любой системе социальной стратификации, «определяющая функционирование и развитие общества в целом или отдельных его подсистем и выступающая ключевым субъектом выработки норм и ценностей общества»⁷⁶. Такая трактовка подразумевает естественное и безапелляционное выделение кластера лиц, находящихся на верхних позициях любой масштабной социальной группы или подгруппы. В данном случае, суть элиты в её наличии, а не в особенностях её функционирования. Задаваемое элитой направление развития общества воспринимается как неизбежное следствие её существования.

---

⁷⁵ Шеняtkова А.В. Изменение представительства элитных групп в составе Федерального собрания России (1993-2003) // Политический анализ. 2006, №7. С. 80

⁷⁶ Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты в зеркале исторической науки // Pro Nunc. Современные политологические процессы. 2008, №1. С. 14

В узком же смысле понятие «элита» применяется для описания «управленческой политико-административной категории»⁷⁷. При данном подходе во главу угла встают уникальные функции элитарных групп политического и административного характера. Эти функции выделяют элиту в среде общественных структур и противопоставляют её массам. Чтобы быть элитой недостаточно находиться наверху. Ещё более точно – невозможно обладать топовой позицией, не беря на себя определенные функции управления и регулирования общества.

Соглашаясь со вторым подходом и акцентируя внимание на политической сущности элиты, можно в данном исследовании принять трактовку, согласно которой «Элита – правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции становятся эксклюзивными. Политический класс формирует элиту и в то же время становится источником ее пополнения»⁷⁸.

В таком понимании данный термин не содержит в себе никаких ценностных суждений. Причисление индивидов к элите строится исключительно на основе их отношения к административно-политическому механизму и не подразумевает особых позитивных качеств претендента, как, впрочем, и их отсутствия. «Будучи ценностно нейтральным, «элита» является понятием, вычленяющим функциональную группу, к которой относятся как люди выдающихся способностей, так и вовсе бездарные, как образцы нравственности, так и жулики»⁷⁹. Следует учитывать, что выделение данной функциональной группы из общества не означает автоматически, что элите свойственны качества

---

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004, №4. С. 26-27

⁷⁹ Там же.

малочисленности и сплоченности. Эмпирический опыт скорее подсказывает обратное, элита – полноценная социальная группа со сложной структурой.

В итоге, применяемая в данном исследовании методология наделяет понятие «элита» исключительно функционально-политическими качествами, что, во-первых, позволяет допустить наличие сложного процесса приобретения этих качеств (формирования элиты), и, во-вторых допускает использование терминов «элита», «политическая элита» и «государственная элита» в качестве взаимозаменяемых синонимических лингвистических конструкций.

Современная историография, определяя понятие «бюрократия» XIX – начала XX вв., находит оптимальным подход к её описанию Макса Вебера, рассматривавшего бюрократию в качестве главной рационализирующей силы и, по сути дела, источником тех форм нормализации, которые, трансформируясь от XVIII к XIX в., распространились по всем социальным стратам в Европе.

Под бюрократией обычно подразумевается социальная группа государственных чиновников, организованных в иерархическую систему на основе формальной квалификации, разделения функций и власти, и исполняющих свои служебные обязанности на основе четких письменных инструкций, предписывающих четкие правила поведения.

М. Вебер, изучая западную бюрократию, выделял два типа: патримониальную и рациональную. Первый свойственен феодальным типам общества и имеет следующие признаки:

1. Служба чиновника проходит ради удовлетворения интересов сюзерена;
2. Назначение чиновника на должность является милостью правителя;
3. В основе службы лежат личные отношения между начальствующим и подчиненным;
4. Чиновник в процессе служебной деятельности ориентируется не на абстрактные или определенные нормы, а на патрона;
5. Служебные и личные интересы чиновника выступают в единой связи;
6. Занимаемая должность рассматривается как собственность чиновника;

7. Отсутствие определенной квалификации чиновника, профессионализм определяется исключительно личным опытом конкретной деятельности.

Второй тип бюрократии рассматривался как результат позитивного общественно-исторического развития. Рациональная бюрократия имеет следующие признаки:

1. Чиновник обладает личной свободой и подчиняется только служебному долгу;
2. Чиновник является звеном единой устойчивой служебной иерархии;
3. Чиновник имеет определенную служебную компетенцию и квалификацию;
4. Основой службы чиновника выступает контракт;
5. Чиновник получает оклад;
6. Чиновник рассматривает свою службу как единственную профессию;
7. Чиновник продвигается по службе согласно твердым критериям, в том числе соответственно способностям и независимо от мнения начальника;
8. Служебная должность не является собственностью чиновника;
9. Чиновник придерживается строгой служебной дисциплины;
10. Чиновник осуществляет свои функции согласно определённым процедурам;
11. Между чиновником и начальником существует «обезличенный» формально-рациональный характер служебных отношений.

Безусловно, патримониальная и рациональная бюрократия представляют собой идеальные типы, никогда не являвшиеся исторической реальностью⁸⁰. Но эти типы до сих пор служат основой исторической характеристики бюрократического аппарата. Еще более важно то, что и первый и второй тип бюрократии наделяют чиновника определенными политико-

---

⁸⁰ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т2, С. 351

административными функциональными качествами и обязанностями. Сила влияния служебных и даже неслужебных действий высших чиновников на функционирование государственного аппарата, во всяком случае в России, была достаточной, чтобы с ней считаться. «Многолетнее изучение вопросов внутренней политики на материалах России дает веское основание для подтверждения того положения, что наряду с расстановкой общественных сил, определенной политической системой на нее оказывают немалое влияние люди, стоящие во главе администрации»⁸¹.

Насколько в Российской империи XIX в. это влияние было «немалым», можно представить, проанализировав существующие подходы к пониманию путей и способов государственных преобразований, базирующихся на определенном дуализме в восприятии движущей силы и глубины изменений.

Так, современный социолог О.В. Крыштановская, исследуя феномен элиты и её места в общественном развитии, писала: «Существует два типа обществ – экономические и политические. В обществах первого типа доминирующим фактором социального развития является экономика. <...> Власть формируется правящим классом собственников. Общественное развитие происходит под действием рынка и называется модернизацией. В обществах второго типа политика доминирует над экономикой. В этих обществах власть приносит богатство, а класс собственников зависит от государства. Здесь власть формирует экономику, и такой тип общественного развития называется стимуляцией»⁸².

Очень схожая точка зрения присутствует в современной экономической науке. Так её излагает А.Г. Фонов: «Существует два основных типа развития общества: мобилизационный и инновационный. Во втором случае экономически доминирующие группы формируют состав политической элиты. В условиях первой модели политическая элита формируется по принципу “привилегии за

---

⁸¹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. С. 5

⁸² Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 372

службу», что конструирует в качестве правящего слоя эшелон служилого класса»⁸³.

Более развернуто, но в том же ключе описывает эту проблему историк В.В. Лапин. «При всем своем многообразии идеи преобразований складываются в два принципиально отличающиеся друг от друга комплекса. Первый запускает необратимый и бюрократически неуправляемый процесс коренных социальных и культурных перемен, перехода к гражданскому обществу с глубокой демократизацией системы государственного управления. Второй комплекс предусматривает установление границ информационного обмена, мобилизационную модель развития, выстраивание новой социальной иерархии, направленное государственное регулирование. Цели модернизации и движущие силы в обоих моделях радикально различаются. В первом случае процесс завершается глубинной перестройкой всего общества, во втором случае дело ограничивается только техническими заимствованиями. Для перестройки требуются усилия политически активного, ответственного общества, “технологическое обновление” может провести и “просвещенная бюрократия” в союзе с другими элитарными группами»⁸⁴.

В Российской империи XIX в. приоритет политики над экономикой был неоспорим, бразды правления принадлежали служилому дворянству, не всегда являвшемуся экономически доминирующей группой в стране. Большинство преобразований развивалось по мобилизационной модели, «технологическое обновление» осуществлялось силами «просвещенной бюрократии».

Особенностью проведения реформ в абсолютистском государстве является сильнейшая зависимость от конкретно-исторического «расклада» в высших эшелонах власти. «В свою очередь этот “расклад” может приблизительно отражать то, что мы называем государственной необходимостью (или принимаем за таковую)»⁸⁵.

---

⁸³ Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. С. 125

⁸⁴ Лапин В.В. Предисловие // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 9-10

⁸⁵ Давыдов М.А. Оппозиция его Величества. М.: Зебра Е, 2015. С. 229

Значительный рост силы влияния высшей бюрократии на деятельность государственного аппарата формально произошел в 1802 г., когда коллегии были преобразованы в министерства. Б.Н. Миронов, исследуя эволюцию коронного управления в России, выделяет три периода, последним из которых является министерский (1802-1917). Отличительными особенностями этого периода он выделяет: единоначалие, большая (по сравнению с коллегиальным периодом) оперативность власти, наличие местных учреждений, большая регламентация и формализация деятельности государственных и местных структур, проходившая в рамках закона⁸⁶.

Начала укрепления бюрократии, заложенные Александром I, развил Николай I, который вследствие восстания декабристов утратил доверие к дворянству и в своей политике старался опираться преимущественно на бюрократию⁸⁷. Основы «бюрократического монархизма», созданные при Николае I, не претерпели существенных изменений до конца империи.

Примечательно и то, что помимо регламентированного и «штатного» положения бюрократии в качестве политически влиятельной группы, различные «внештатные» и экстремальные ситуации только усиливали влиятельность высшего бюрократического эшелона. Так, например, весной 1878 г. «самодержавие <...> оказывается уже неспособным управлять на основе существовавшего законодательства. Вместе с тем наличные государственные учреждения также оказываются недостаточными для борьбы с революционным движением. Отсюда, во-первых, переход от нормального законодательства к исключительным, чрезвычайным законам и, во-вторых, создание специального органа власти – Особых совещаний – “для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи”»⁸⁸.

---

⁸⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. С. 426.

⁸⁷ Там же. Т.2. С 401.

⁸⁸ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М.: Издательство Московского университета, 1964. С. 5.

В феврале 1880 г. с созданием Верховной распорядительной комиссии во главе с Лорис-Меликовым, наблюдалась ситуация наделения представителя высшей бюрократии правом своеобразного «субимператора»⁸⁹. Говоря о чиновнике, редко используют слово «бюрократ», потому что оно, в первую очередь, ассоциируется с определенной системой или сетью, а каждый отдельный элемент этой, с трудом представляется обособленным от этой системы. Поэтому утверждение П.А. Зайончковского по поводу концентрации большой власти в руках одного Лорис-Меликова стоит понимать с учетом того, что он, будучи бюрократом, являлся представителем верхней страты обширной бюрократической системы и был зависим от нее точно так же, как и она была зависима от него. Создание Верховной распорядительной комиссии стало показательным примером того, как исторически сложившаяся, и оттого влиятельная, бюрократия в кризисные моменты увеличивает свою реальную власть.

Пример добровольного делегирования части своих функций императором бюрократии не исключает встречного движения от самих чиновников, всегда стремившихся расширить и упрочить свою власть. «Уже в николаевскую эпоху в государственном аппарате появилось большое число людей, готовых к переменам»⁹⁰. Эти же люди во времена Александра II разворачивают активное наступление на право открытого выражения своих позиций и возможности их реализации. «Эпоха Александра II – время, когда в политический лексикон прочно входит слово «партия». <...> В конце 1850-1860-х гг. на слуху были партии “прогресса”, “крепостников”, “ретроградная” партия и под этими выражениями подразумевались группировки чиновников в правительстве, а также помещиков в губернских комитетах или дворянских собраниях»⁹¹.

---

⁸⁹ Там же. С. 476.

⁹⁰ Лапин В.В. Предисловие // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 15.

⁹¹ Шевырев А.П. Во главе "константиновцев": великий князь Константин Николаевич и А.В. Головин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 51.

В итоге такого развития бюрократии сложилась ситуация сильной взаимной зависимости императора и чиновного аппарата. «В процессе принятия императором решений его воля с самого начала “конфигурировалась” ожиданиями и запросами узкого круга элиты. С развитием бюрократического аппарата, с учреждением министерств и превращением министров в “действительных менеджеров империи” император утратил роль первого администратора, за ним сохранилась роль универсального инспектора, верховного арбитра в разрешении конфликтов внутри элиты. <...> Ключевая роль перешла к бюрократической элите»⁹².

Сращивание верховной власти с высшей бюрократией явление не уникальное, а скорее неизбежное. Стремление абсолютного монарха обеспечивать лояльность многочисленных чиновников не кажется странным. Здоровые в военном и фискальном отношении государства, пользующиеся поддержкой сплоченной бюрократии, в целом, неуязвимы для революций снизу⁹³.

В свою очередь, разномасштабные преобразования в стране на своей заключительной фазе больше соответствуют изначальной задумке при лояльной бюрократии, непосредственно управляющей мобилизацией масс. При значительных усилиях правительства и бюрократической машины, действующих в одном векторе и направленных на крупные преобразования, может возникнуть эффект, называемый элитарной революцией или революцией сверху⁹⁴. Другими же словами, мирная революция сверху невозможна при слабой поддержке правительства со стороны бюрократической машины.

Государство оказывается заложником своей бюрократии. Обеспечивать лояльность мощного чиновного аппарата сложно, отказ же от этого аппарата может спровоцировать не менее негативные последствия, чем нелояльность «непосредственных мобилизаторов масс». Так, по распространенной в

---

⁹² Долбилов М.Д. "... Угадал я волю Вашу": роль советника в принятии императорских решений в России XIX в. // Петр Андреевич Зайончковский: сб. статей и воспоминания к столетию историка. М., 2008. С. 403-428.

⁹³ Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2016, №5. С 66.

⁹⁴ Там же. С 62.

отечественной и зарубежной историографии точке зрения: «Противоречие между возрастающей сложностью управленческих задач и недостаточностью имеющихся для этого административных возможностей стали одной из причин кризисных явлений в жизни Российской империи второй половины XIX – начала XX века»⁹⁵.

Примечательно, что встречается и иная точка зрения на кризис в начале двадцатого столетия, не связывающая его с «недоуправляемостью» страной, но также ставящая в центре внимания бюрократический аппарат. Например, Д. Голдстоун утверждает, что революция (как и её предпосылки) в России была «центральная». Согласно его терминологии это означает, что отечественная бюрократическая элита активно стремилась к реформированию режима и иногда шла на поощрение или поощрение крупных народных демонстраций в столице и других городах⁹⁶. «Общепринятое определение революции [Т.] Скочпол: “стремительное коренное преобразование государственных и классовых структур общества, сопровождаемое и отчасти осуществляемое посредством восстаний масс, имеющих классовую основу” игнорирует такие вопросы, как революционная идеология, этническая и религиозная основа революционной мобилизации, *конфликты внутри элиты* (выделено мною – К.К.) и возможность мультиклассовых коалиций»⁹⁷. Из контекста ясно, что автор употребляет понятие «элита» в том числе и в значении «высшая бюрократия».

Мобилизующий потенциал бюрократии обоснован не только её формальным отношением к институтам политической власти и, как следствие, наличием определенных ресурсов. Исследователи также выделяют и психологический фактор. «В сумме населения, даже при победоносных и меняющих политический строй революциях, доля людей, так или иначе стремящихся к социальной покорности, неизменным следствием которого

---

⁹⁵ Синельников И.Ю. Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в российской провинции 1861 - 1917 гг. (на материалах Рязанской губернии). Дис. канд. ист. Наук. Владимир, 2012. С. 230-232.

⁹⁶ Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2016, №5. С 63.

⁹⁷ Там же. С 59.

является чиновничество, всегда выше, чем доля людей с последовательным девиантным поведением»⁹⁸.

Всё вышесказанное дает основание считать высшую бюрократию важной частью элиты. Таким образом, в данном исследовании понятия «высшая бюрократия», «чиновная элита», также употребляются наравне с понятиями «элита», «политическая элита» и «государственная элита», принимая то же значение.

Если высшую бюрократию можно причислить к государственной элите, это порождает следующий принципиальный вопрос: что можно отнести к высшей бюрократии?

В современной политологии сложилось три основных подхода к её определению⁹⁹:

1. **Позиционный.** Выявляет представителей государственной элиты по степени формального отношения лиц к государственной структуре.
2. **Репутационный.** Основан на экспертной оценке.
3. **Ценностный.** Определяет элиту по степени вовлеченности лиц в фактическую систему принятия стратегических решений.

Попытаемся рассмотреть членов Государственного совета Российской империи второй половины XIX в. на предмет соответствия предложенным критериям, то есть, на предмет включенности в состав государственной элиты.

§2. Государственный совет как орган высшей бюрократии.

2.1. Государственный совет в формальной государственной структуре.

Государственный совет, образованный Александром I в 1810 г. в качестве главного законосовещательного учреждения Российской империи, был регламентирован двумя Положениями: 1810 и 1842 гг. Первое положение,

---

⁹⁸ Федоров И.А., Стаматов В.В., Логвинова Т.В. О природе феномена "чинопочетания" // Ученые записки Тамбовского отделения РoCМУ. 2015, №4. С 42.

⁹⁹ Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. 2000, №3. С. 98.

определившее его структуру, полномочия и регламент работ, практически оставалось актуальным до реформы Государственного совета в 1906 г. Второе положение несколько ограничивало этот орган в пользу Комитета министров на предмет обсуждения некоторых законопроектов, но существенных изменений в структуру, полномочия и регламент не вносило.

Государственный совет Российской империи состоял из Общего собрания, Государственной канцелярии и департаментов. Кроме того, при нем действовали различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии¹⁰⁰.

Общее собрание, обсуждая законопроекты уже после того, как они были проработаны в соответствующих департаментах, принимало окончательное решение. Государственная канцелярия занималась приемом и регистрацией всех дел, направляемых в Государственный совет, их передачу соответствующим инстанциям. Во главе Государственной канцелярии стоял государственный секретарь, обладавший большими полномочиями и высокой ответственностью. Государственный секретарь контролировал весь процесс хода дел: регистрация, движение через соответствующие департаменты и общее собрание; составлял итоговое заключение по каждому делу, рассмотренному в Государственном совете.

Департаменты были представлены следующим составом:

1. Департамент законов (1810-1906 гг.). Его сфера – административно-территориальное право, судопроизводство, налогообложение, деятельность и штаты ряда государственных учреждений, предпринимательских структур и общественных объединений.
2. Департамент гражданских и духовных дел (1810-1906 гг.). Отвечал за вопросы формы и порядка судопроизводства, за толкование и применение в судебной практике отдельных статей гражданского и уголовного законодательства, за возведение в дворянство и лишение

---

¹⁰⁰ Кулянов Р.В. Ершов К.П. К истории Государственного совета Российской империи (1810-1917) // Вестник МГОУ. Серия: Исторические и политические науки. 2015, №3. С. 143.

последнего, за решение имущественных споров, за денационализацию, за решение вопросов, связанных с религиозными аспектами¹⁰¹.

3. Департамент государственной экономии (1810-1906 гг.). Отвечал за проблемы предпринимательства, следил за государственной казной, государственными расходами и доходами. Он имел право затребовать финансовый отчет любого министерства и ведомства Российской империи и проверить правомерность расходов по тем или иным статьям бюджета. Департамент контролировал деятельность государственных банков.
4. Департамент военных дел (1810-1854 гг.). Курировал всё, что было связано с военной сферой, в первую очередь – армия, флот, кадры, расходы на содержание вооруженных сил и военного ведомства вообще.
5. Временный департамент (1817 г.). Был образован для рассмотрения, анализа и обсуждения законопроектов в финансовой области, в частности – об учреждении Государственного коммерческого банка, Совета государственных кредитных установлений, а также введения питейного сбора и др.
6. Департамент дел Царства Польского (1832-1862 гг.). Был создан после ликвидации конституционной автономии Царства Польского. Рассматривал вопросы внешней политики на западных окраинах Российской империи.
7. Департамент промышленности, наук и торговли (1900-1906 гг.) Был создан в связи с «бумом» предпринимательства в индустриальной сфере и торговле. Решал вопросы содействия развитию связей экономического сектора с наукой.

В процедуре принятия законопроектов департаменты Государственного совета пользовались правом возвращения министрам проектов, требующих, по

---

¹⁰¹ Сенин А.С. Государственный совет //Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996. С. 122.

мнению департаментов, исправлений и доработок. Измененный в министерствах вариант законопроекта вновь попадал в этот департамент и мог быть снова недопущен до Общего собрания. Такой же порядок существовал и в отношении дел, поступивших в Государственный совет из Сената, если в них обнаруживались такие документы, которые Сенатом были недостаточно рассмотрены¹⁰².

Предварительному рассмотрению в Государственном совете подлежали¹⁰³:

1. Дела законодательные (сюда относился также пересмотр законов).
2. Высшие административные вопросы: общие распоряжения, общие внутренние меры, объявление войны, заключение мира и т.д.
3. Финансовые меры, требующие высочайшего разрешения.
4. Частные законы, касающиеся юридического положения частных лиц (физических и юридических) и их имуществ.
5. Судебные дела, подлежащие разрешению высочайшей власти.

Широкий спектр решаемых вопросов дополнялся строгой регламентацией. «В соответствии со ст. 53-63 Учреждения 1842 г. министры должны были присутствовать на Общих собраниях Государственного совета не только по делам своего ведомства, но и по всем прочим»¹⁰⁴. Помимо министров, Государственный совет состоял из представителей высшей бюрократии, принадлежащих к первым трем классам Табели о рангах, назначенных к присутствию лично императором.

Краткий обзор положений учредительных документов позволяет предположить, что круг полномочий Государственного совета был достаточно широк и соответствовал законосовещательной роли в системе высших правительственных учреждений Российской империи.

---

¹⁰² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1-55. – СПб., 1830-1884. Т 17, отд. 1, № 15518, ст. 92.

¹⁰³ Левинсон М.Л. Государственный совет: Портреты и биографии. Петроград, 1915. С 3.

¹⁰⁴ Шалашная В.М. особенности принятия государственных решений в эпоху преобразований Александра II на примере деятельности Государственного совета // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015, № 8. С 87.

Более глубокое исследование «организационно-правовых основ и *практики деятельности* (выделено мною – К.К.) Государственного совета позволяет утверждать, что в 1860-1870 гг. высший законосовещательный орган Российской империи имел четко прописанную компетенцию, структуру, принципы комплектования состава, функции, установленный законодательством порядок рассмотрения законопроектов, сложившуюся систему делопроизводства»¹⁰⁵.

Государственный совет стал основой механизма разработки и утверждения законов. Процедура законодательства приобрела четкую и обязательную основу. Был выделен этап предварительного обсуждения законопроекта «не только в министерствах, но и в специальных комитетах, куда приглашались эксперты от общества (так был выработан проект отмены крепостного права в 1860 г.), либо в сословных организациях дворянства или купечества (так проводились реформы казенных крестьян в 1837-1841 гг.). Таким образом, весь процесс становления закона от его инициативы до опубликования подчинялся строгой процедуре»¹⁰⁶.

«Поскольку государственное управление со времен Петра I строилось на основании законов, инструкций и уставов, то с 1810 г. именно Государственный совет стал определять конструкцию органов государственного управления и общественного самоуправления, их структуру, штаты, финансы, функции, организацию и юридическую базу их деятельности»¹⁰⁷.

Таким образом, статус высшего совещательного органа с четкой регламентированной структурой и, что более важно, функционировавший согласно своему назначению, давал его представителям «топовую» формальную позицию в государственной структуре.

---

¹⁰⁵ Там же. С 87.

¹⁰⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. С. 396.

¹⁰⁷ Там же. Т. 2. С. 424-425.

2.2. Экспертная оценка Государственного совета.

Безусловно, эффективная формальная структура не означает её эффективное использование. Так, П.А. Зайончковский утверждал, что Государственный совет в условиях николаевской системы не играл и не мог играть существенной роли¹⁰⁸. Сама структура рассматривалась в качестве своеобразной синекуры. Обычно увольняемые в отставку министры оставались в составе членов Совета, нередко в Совет назначались уходящие в отставку генерал-губернаторы. С определенной точки зрения – Государственный совет мог рассматриваться некоторыми чиновниками как «почетная пенсия». Имея приемлемый оклад за членство в Совете, чиновник участвовал в коллегиальном принятии решения, что снимало с него значительную часть ответственности.

В этой связи примечателен случай, произошедший с московским генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым, который, при своем назначении на эту должность в 1905 г. явился к председателю Совета министров и просил, чтобы «если с ним случится несчастье, позаботиться о его семье, а будет Бог к нему милостив и все сойдет успешно, то ходатайствовать перед царем о своем назначении в Государственный совет, чтобы будущее его было вполне обеспечено»¹⁰⁹.

Однако представление о Государственном совете как о своеобразном «доме престарелых чиновников» не совсем верное. В этот орган, в том числе, назначались отличившиеся бюрократы и администраторы, пользовавшиеся доверием царя, а также, в силу своих служебных обязанностей, все действующие министры и их ближайшие помощники.

Сопоставление долей сотрудников различных министерств, имеющих высшее образование, с аналогичной долей членов Государственного совета не позволяет сделать вывод о некомпетентности этого органа.

---

¹⁰⁸ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 129.

¹⁰⁹ Ильин С.В. Витте. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 388.

Доли людей с высшим образованием, принадлежащих различным коронным учреждениям¹¹⁰.

Учреждение	Доля высшего образования в 1879-1880 (%)	Доля высшего образования в 1897 (%)
Государственный совет	45,8	70,5
Министерство юстиции	45,4	60,7
Министерство финансов	9	27,7
Министерство путей сообщения	51,4	64,6
Министерство земледелия и государственных имуществ	26,7	46,3
Министерство иностранных дел	60,1	75

По уровню образованности в 1880 г. Государственный совет находится на третьем месте среди рассмотренных министерств (после министерства иностранных дел и министерства путей сообщения). В 1897 г. Совет поднимается на одну позицию выше, оставляя позади министерство путей сообщения. На протяжении всего XIX в. доля чиновников с высшим образованием только росла (см. Глава 2, § 2), таким образом, если бы Государственный совет представлял собой орган «почетных старцев», то, вероятно, его позиции в этом рейтинге в 1880 г. не были бы столь успешны, а к 1897 г. стали бы еще хуже.

Членство в Совете действующих министров, их помощников и отличившихся бюрократов, то есть всех, кто совмещал свое положение с другой должностью на государственной службе, указывает на их высокую степень горизонтальной мобильности в высших эшелонах власти. Интересно то, что О.В. Крыштановская, характеризуя государственную элиту, указывала на такое же её важное качество: «одни и те же люди в течение своей карьеры часто переходят с ведущих постов одной из <...> структур на ведущий пост в другой или же совмещают эти посты»¹¹¹. То есть, члены Государственного совета однозначно наделены одним из основных качеств государственной элиты.

¹¹⁰ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т.2. С. 502.

¹¹¹ Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. С. 34.

О политической пассивности Государственного совета также не приходится говорить. Например, во второй половине 60-х гг. он стал оплотом либеральной бюрократии; в состав Совета вошли многие деятели периода Великих реформ под председательством либерально настроенного брата царя великого князя Константина Николаевича, известного своей реформаторской активностью¹¹².

Эту же мысль подтверждает то, что сами современники видели в Государственном совете большой политический потенциал. В апреле 1863 года министр внутренних дел П.А. Валуев составил записку о расширении полномочий Государственного совета, аргументируя это тем, что эту идею весьма искусно использует и революционная пропаганда. По замечанию министра, эта мысль содержалась в ряде дворянских адресов, и он опасался, что она и дальше будет находить свое выражение в постановлениях как дворянских съездов, так и земских собраний. В силу этого Валуев полагал, что постоянно отклонять эти ходатайства невозможно¹¹³.

В 1866 году подобные предложения звучали уже и от великого князя Константина Николаевича, причем его, как, собственно, и Валуева, интересовало расширение именно законосовещательной, то есть главной функции Государственного совета. Расширять же эту функцию предлагалось через банальное увеличение количества его членов за счет депутатов от дворянских собраний и земств.

Можно предположить, что интерес к укреплению законосовещательной роли Государственного совета в среде дворянства и бюрократии был вызван скорее определенными успехами данной структуры на своем поприще. В ином случае раздавались бы призывы о его упразднении или кардинальной перестройке.

Б.Н. Миронов, изучая высшую российскую бюрократию, относил к ней членов Государственного совета по назначению, министров и

---

¹¹² Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: веки эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 34.

¹¹³ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М.: Издательство Московского университета, 1964. С. 125.

главноуправляющих, сенаторов, товарищей министров, начальников главных управлений, директоров департаментов Сената и Государственного совета, губернаторов, послов и посланников.¹¹⁴

По его мнению, Совет, в первую очередь, был не представительным, а бюрократическим учреждением. «В силу этого он не мог формально ограничить самодержавие». Однако «Инкорпорация Государственного совета в парламент ясно указывает, что по своему значению Государственный совет до 1906 г. был предшественником парламента или, другими словами, парламент стал преемником Государственного совета»¹¹⁵.

Таким образом, изучение реального положения Государственного совета в системе государственного управления Российской империи, а также анализ его качественного состава позволяет причислить представителей этого органа к высшей бюрократии.

2.3. Государственный совет в системе принятия стратегических решений.

Реальное отношение членов Государственного совета к системе принятия стратегических решений может быть отражено в документах личного характера близких к правительственным кругам современников. Многие из них отмечали то, что императоры чрезвычайно редко проявляли самодержавную волю в важных вопросах государственного управления. Некоторые даже считали, что Россия управлялась бюрократической машиной, и монархи обычно руководствовались в своих решениях докладами, которые разрабатывались отдельными министрами и представлялись на утверждение верховной власти¹¹⁶. Аналогичные мысли можно найти в воспоминаниях сенатора К.И. Фишера¹¹⁷, охватывающих периоды правления Николая I и Александра II, и в дневниковых записях секретаря Государственного совета при Александре III

---

¹¹⁴ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 2. С. 494.

¹¹⁵ Там же. Т. 2. С. 424-425.

¹¹⁶ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Императорской России. М., 2015. с. 103.

¹¹⁷ Фишер К.И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. 368 с.

А.А. Половцова¹¹⁸. Современные историки, в целом, соглашаются с мнением чиновников и высказывают мысль, что во время правления Николая I Россия окончательно оформилась как бюрократическая монархия¹¹⁹.

Члены Государственного совета во многом ограничивали монарха и министров, беря на себя часть их функций в формировании решений государственной важности; часто – неформально. Например, иногда при составлении текстов журналов по результатам заседания департаментов или собраний чиновниками Государственной канцелярии Государственного совета, в прямом смысле, решалась судьба законопроекта или отдельных его положений, так как эти журналы и мемории к ним передавались на рассмотрение императора и предоставленные тексты могли оказать существенное влияние на его мнение.¹²⁰

Сила формального и регламентированного влияния также была настолько существенной, что нашла отражение в мемуарах. Так, в 1888 г. в Государственном совете проходило обсуждение вопроса об упразднении всех мировых судей, кроме городских. Один из главных инициаторов этого закона, министр внутренних дел Д.А. Толстой, пользовался в этом вопросе, впрочем, как и во многих других, полной поддержкой и доверием Александра III. Сам же император никогда не ограничивал себя рамками и не стеснялся в Государственном совете утверждать решение меньшинства (таким правом обладали все императоры). Однако, удивительно то, что «либеральное большинство», решения которых Александр III нередко игнорировал, всегда, как и в этой ситуации продолжало сопротивляться. Еще более удивительна реакция самого Толстого на это сопротивление. Министр прикладывал все силы, чтобы отстоять проект в Государственном совете и попытаться набрать на него большинство голосов. Дело не ограничилось даже тяжелыми проблемами со здоровьем, которые он испытывал в тот период. «В течение всего этого времени

---

¹¹⁸ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. 605+639 с.

¹¹⁹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т.2. С. 401.

¹²⁰ Шалашная В.М. Особенности принятия государственных решений в эпоху преобразований Александра II на примере деятельности Государственного совета // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015, № 8. С. 87.

граф Дмитрий Андреевич [Толстой] несмотря на увещания близких к нему лиц непременно хотел участвовать в обсуждении представленного им проекта. Даже государь советовал ему прислать в Государственный совет вместо себя одного из своих товарищей, но безуспешно»¹²¹. Проект с некоторыми изменениями все же был реализован.

Сопrotивление Государственного совета беспокоило не только министров. В царствование Александра III обсуждение некоторых законов стало происходить в Совете министров, чтобы миновать Государственный совет, где имелось много либеральных чиновников, введенных при Александре II, а Комитет министров стал выступать в роли высшей судебной инстанции, чтобы умалить роль Сената, где также сконцентрировалось много либеральных чиновников¹²². Если это сопротивление вынуждало идти на хитрости даже такого жесткого и авторитетного царя как Александр III, значит оно могло оказывать, и оказывало, определенное влияние на систему принятия решений. Часто случалось, что проекты, представленные министерствами, пройдя через Государственный совет, радикально изменялись¹²³.

«Государственный совет, как, впрочем, и вся бюрократия, в значительной мере ограничивал императора: оппозиция в правительственных кругах заставляла императора отказаться от ряда своих намерений, например, от намечавшейся отмены чинов»¹²⁴.

Всё это провоцировало монархов на более или менее тщательный отбор кандидатур в высший совещательный орган. Для назначения в Государственный совет какого-либо чиновника император, как правило, предпочитал знать его лично. Однако, бывали случаи, когда личного знакомства царя с кандидатом могло и не быть, но тогда использовалось определенное поручительство доверенных лиц. Так, государственный секретарь А.А. Половцов в 1885 г. писал:

---

¹²¹ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). М.: Новости, 1991. С. 270.

¹²² Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х - начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. С. 98-99.

¹²³ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. .2. С. 396.

¹²⁴ Там же. Т.2 С. 410.

«Позволил себе обратить внимание [государя] на слабый состав Департамента экономии и указал на сенатора Домонтовича как могущего, по мнению Абазы и Бунге, с пользой принять участие в занятиях департамента. Государь отвечал, что его не знает, но спросит Бунге и Манасеина»¹²⁵.

Таким образом, анализ свидетельств современников, интегрированных в политические круги страны, ясно указывает на активное участие членов Государственного совета в процессе принятия важных стратегических решений.

ВЫВОД.

Определение понятия элиты в качестве политической функциональной группы и отсутствие в нем оценочных суждений, с одной стороны, и причисление высшей бюрократии к основной страте формирующий политический процесс, с другой, позволяет в рамках данного исследования отождествлять и наделять общим смыслом такие термины, как «элита», «политическая элита», «государственная элита», «бюрократическая элита», «высшая бюрократия», «высшее чиновничество».

Анализ положения Государственного совета Российской империи в XIX в. в формальной государственной структуре, определение особенностей его реального функционирования в ней, а также изучение степени участия членов Совета в процедуре принятия стратегических решений дает возможность расценивать представителей этого органа как полноценных членов высшей бюрократии, а значит и государственной элиты.

Предпринятое в следующих главах исследование особенностей карьерной динамики членов Государственного совета Российской империи в 1826-1880-х гг. позволит выявить закономерности, общее и частное в процессе элитообразования в России со второй четверти по конец XIX в.

---

¹²⁵ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 396.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ КАРЬЕРНОЙ ДИНАМИКИ ЧЛЕНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА.

§1. Стандартизация биографического описания членов Государственного совета.

1.1. Подходы к изучению особенностей коллективной карьерной динамики.

Каждый случай карьерного движения в России в XIX в., безусловно, носил в себе множество индивидуальных черт. Подробное изучение общих для какой-либо группы особенностей карьерного роста возможно с помощью микроуровневого исследования профессиональной биографии каждой интересующей нас персоны из этой группы (либо определенной выборки персон) с последующим обобщением полученного материала. Собственно говоря, данный подход преобладает в современной российской историографии. Однако, будучи достаточно эффективным, он все же имеет определенные недостатки.

Во-первых, высокая зависимость от нарративных источников, которые не могут охватить и описать все факторы, влиявшие на карьерный путь человека, так как нарратив всегда заключает в себе субъективный взгляд его автора. В силу этого, существует большая вероятность того, что множество механизмов, влияющих на социальную действительность, не попадут в поле зрения создателя нарративного источника, и, соответственно, не будут учтены исследователем. Даже в том случае, если историк попытается рассмотреть влияние этих неучтенных механизмов, его, скорее всего, ждет неудача, так как игнорирование искомым факторов в нарративных источниках их авторами, вряд ли позволит собрать достаточную базу исследовательского материала, и выводы будут основаны, во многом, на догадках.

Во-вторых, субъективность нарратива не позволяет уверенно оценивать силу воздействия различных биографических фактов на карьерную динамику даже в каждом индивидуальном случае. Так, например, в научной монографии Е.Л. Стафёровой «А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении

(первая половина 1860 гг.)»¹²⁶, посвященной биографии и деятельности члена Государственного совета, министра народного просвещения в 1862-1866 гг., автор уделяет внимание начальному этапу его карьеры. Рассматривая среди прочего два таких важных момента, как личное знакомство А.В. Головнина со своим будущим патроном - великим князем Константином Николаевичем, обеспеченное через посредничество воспитателя Константина – Ф.П. Литке, дружившего с отцом будущего министра, а также успешное окончание Императорского царскосельского лицея с золотой медалью, исследователь не берется утверждать, какой из этих факторов в условиях социальной реальности того времени мог сыграть более значимую роль в успешном начале карьеры А.В. Головнина. Собственно, любая попытка придать главенство одному из этих факторов будет выглядеть малообоснованной даже на основании множества источников, проанализированных преимущественно описательным методом.

В-третьих, с эвристической точки зрения, обобщение, т. е. сведение воедино каждой изученной в отдельности биографии с целью выявления индивидуального и общего, по сути, будет представлять собой совокупность изученных в отдельности случаев, но никак не макроанализ системы карьерного движения, так как целое в качественном отношении всегда есть нечто большее, чем сумма его элементов. Каждое отдельное исследование будет иметь слабую связь с неким общим уровнем или фоном, либо же эти уровни и фоны могут между собой сильно отличаться.

На основе описанных недостатков можно сформулировать определенные требования к предполагаемому исследованию:

1. Привлечение статистического материала и статистических методов. На данном этапе это наиболее доступный и эффективный способ компенсации высокой субъективности нарративных исторических источников;

---

¹²⁶ Стафёрова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 512 с.

2. Введение определенных количественных характеристик некоторых качественных понятий. Это позволяет, во-первых, попытаться описать сложный процесс языком формальной логики, а, во-вторых, придать математическое основание различным оценочным моментам в исследовании. Статистика представляет объективные стандарты для оценивания закономерностей;
3. Системный взгляд на изучаемую совокупность. Исследуемые биографии должны в первую очередь рассматриваться в тесной взаимной связи, что повысит эвристическую ценность обобщений.

Учесть все эти требования возможно в исследовании карьерной динамики количественными методами с применением современных информационных технологий.

1.2. Описание базы данных.

Количественное исследование факторов формирования государственной элиты России на примере представителей Государственного совета позволит проследить их динамику в различных хронологических и качественных срезах. Установление этих факторов позволит глубже взглянуть на модернизационные процессы в стране в XIX веке с обратной стороны – не с того, как элита влияла на модернизацию, а как модернизация влияла на элиту.

Интересующая нас профессиональная биография чиновников того времени, в основном, содержится в двух источниках - личные дела и формулярные списки. Информация в этих документах нередко дублируется, что открывает дополнительные возможности для верификации. Эти источники, совместно с рядом других, были использованы при составлении двух биографических справочников: «Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906 гг.»¹²⁷ и «Государственные деятели Российской империи. Главы высших и

---

¹²⁷ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.

центральных учреждений. 1802-1917»¹²⁸. Представляя собой результат серьезной исследовательской работы профессиональных историков Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина, данные справочники избавляют других исследователей от долгой и кропотливой работы с оригинальными документами в государственных архивах.

Для агрегирования обширных данных, содержащихся в справочниках, на платформе Microsoft Access была создана просопографическая реляционная база данных (БД), целью которой стало структурирование биографической информации.

Сама БД состоит из 6 связанных между собой таблиц. Таблица «Главная» содержит основную интересующую нас биографическую информацию. Содержащиеся в таблице значения статичны на протяжении всей жизни изучаемых персоналий. Можно выделить следующие группы данных, содержащихся в этой таблице:

1. Идентификационная информация: индивидуальный код персоны (ключевое поле), фамилия, имя, отчество;
2. Константы: месяц рождения, год рождения, месяц смерти, год смерти, место рождения (губерния), вероисповедание, приписанное при рождении;
3. Дополнительная информация: источник (ссылка на биографию в справочнике), примечания.

Предлагаемая структура основной таблицы имеет один принципиальный момент: при фиксировании дат, как в этой таблице, так и во всех последующих, мы отказываемся от специального типа поля «дата», и разбиваем эту информацию на два поля. Дело в том, что тип поля «дата» не может не фиксировать число, что касается же нашей БД, не редки случаи, когда точная дата неизвестна, либо ее нет вообще. В справочниках этот момент

---

¹²⁸ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 936 с.

преодолевается вынесением дополнительной или противоречивой информации в сноски. Относительно же структуры таблицы было решено пренебречь днем, чтобы её не усложнять.

Таблица «Отец» содержит краткую информацию об отце персоны, а именно: фамилия, имя, отчество, класс последнего чина, тип последнего чина (статский, военный, придворный), сословно-титulyный статус на момент смерти (нетитулованный дворянин, барон, граф, герцог, князь и т.д.). Интерес к данной таблице вызван желанием проследить зависимость карьерной динамики персоны от служебного и социального положения родителя. Детальный учет титулов направлен на попытку ответить на вопрос: насколько в верхних и элитарных слоях общества успех карьеры мог быть обеспечен спецификой титула.

С этой же целью введена другая таблица «Статус», фиксирующая изменение сословно-титulyного статуса изучаемой персоны на протяжении жизни. Помимо собственно поля «Статус», в ней содержатся поля хронологической информации: месяц начала и год начала статуса. Такая структура учета данных работает корректно только в случаях повышения в статусе и не предполагает, что последующий статус ниже предыдущего, однако в отношении политической элиты на протяжении XIX века такие случаи не наблюдались.

Таблица «Образование» отражает информацию о месте обучения и годе окончания учебного заведения. В силу особенности источника учитываются только значительные вехи обучения: высшие и специальные заведения, либо домашнее образование.

Таблица «Имение» содержит в себе сведения о земельной собственности чиновников. Структура таблицы предполагает учет размера имений на основе информации как о количестве душ мужского пола, так и о площади земли, выраженной в десятинах. Логическое поле «Родовое» позволяет различать приобретенную в процессе жизни земельную собственность от родовой. Дальнейший анализ базы данных потребовал введения еще одного логического поля «Реконструированные десятины», указывающего на то, что площадь этого

имения была взята не из источника, а реконструирована математическим методом (подробнее см. в Глава 2, §4).

Сам процесс фиксации карьерной динамики осуществляет связка таблиц «Чины» и «Должность». Первая содержит информацию о месяце и годе получения чина, его классе и типе (статский, военный, придворный). Таким образом выстраивается последовательность динамики чинопроизводства каждой персоны. Чины имеют связь один-ко-многим с таблицей «должность», которая включает в себя развернутые данные о служебной динамике внутри каждого чина. Фиксируются месяц и год начала и конца исполнения каждой должности, ее название и организация, в которой происходит служба, локация – т.е. преимущественное географическое нахождение персоны на момент службы, тип должности (военный, статский, придворный) а также фиксируется факт участия в боевых действиях.

Принципиальным является решение о порядке записи должности, за период работы в которой сменилось несколько чинов. В таком случае, в каждом последующим чине упомянутая ранее должность и вся её атрибутика дублировалась. Несмотря на увеличившееся количество записей вследствие данного решения, оно оправдано тем, что упрощает формирование различных запросов, связанных с принадлежностью определенных должностей к различным чинам, а также позволяет лучше проследить динамику внутри каждого отдельного чина. Для обозначения таких переходных должностей в таблицу введено поле логического типа «Продолженная», обеспечивающая большую гибкость запросов.

1.3. Формирование анализируемой совокупности.

Полученная база данных позволяет провести просопографический анализ исследуемой совокупности, то есть составить коллективный портрет представителей государственной элиты во второй половине XIX в. Составление такого портрета позволит реконструировать социальную психологию высшего

эшелона служащих в коронных учреждениях, от которой неизбежно зависело качество работы этих структур¹²⁹.

В базу данных были включены все члены Государственного совета, профессиональная биография которых начиналась в период правления Николая I или Александра II (всего 271 человек).

Перед последующим анализом, из имеющейся совокупности были исключены представители императорской фамилии: великие князья (7 человек) и герцоги (2 человека). Характеризуя данную социальную группу, историк Ю.А. Кузьмин писал: «Императорская фамилия являлась самой малочисленной, но, тем не менее, самостоятельной группой, со своим особым юридическим статусом». Апофеозом этого статуса стало складывание «великокняжеской номенклатуры» в период правления последних трех русских императоров. Эта номенклатура считала, что «она ответственна за страну вместе с императором и имеет право на участие в управлении»¹³⁰.

Фактически, члены императорской фамилии, и, в первую очередь, великие князья, в изучаемый период были интегрированы в состав государственной элиты с рождения и имели возможность прямого влияния на её формирование и комплектование, так как великие князья сами нередко воздействовали на кадровую политику монарха.

Для великих князей не существовало общих правил чинопроизводства. «Сначала они как все занимали низшие строевые должности, а затем сразу же, минуя другие должности, становились во главе самостоятельных учреждений»¹³¹.

Таким образом, назначаясь в гвардейские корпуса с рождения, используя значительное влияние и протекцию, великие князья, безусловно, представляли собой исключительный случай – крайние отклонения в генеральной

---

¹²⁹ Токмакова Ю.Н., Авилова Н.Л. Социальный состав, возрасти религиозная принадлежность чиновников курской губернии в 1801-1861 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011, №4(37). С. 179.

¹³⁰ Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797-1917). Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 39-43.

¹³¹ Там же, С. 45.

совокупности, учет которых снижал бы репрезентативность используемых статистических показателей.

Отдельные представители герцогского титула были также официально включены в состав императорской фамилии и именовались «императорскими высочествами», пользовались немалым влиянием и возможностями. Одной из таких фамилий были герцоги Ольденбургские, два представителя которых (Петр Георгиевич и Александр Петрович) имели указанное наименование, а их дети обладали практически равным статусом с великими князьями¹³². Именно они являются единственными представителями герцогского титула в нашей базе данных, и, следовательно, также исключаются из основного анализа.

§2. Социально-профессиональный портрет членов Государственного совета.

2.1. Результаты просопографического анализа.

Анализ социального происхождения членов Государственного совета показал их относительную однородность. Так, 93% персон в базе данных имели аристократическое происхождение¹³³, 2% родились в семье представителей духовного звания, остальные 5% приходятся на разнообразные случаи рождения в прочих незнатных сословиях (точное определение сословия для некоторых персон осложнялось размытой формулировкой в формулярном списке или личном деле).

Сопоставление полученной информации с данными о социальном составе всего классного чиновничества в 1840-1855 гг.¹³⁴ позволяет заявить о закрытом сословном принципе формирования государственной элиты в Российской империи в XIX веке. 93% представителей дворянского сословия в Государственном совете противопоставляются 44% дворян во всей

---

¹³² Там же. С. 14.

¹³³ Здесь и далее все значения получены на основе анализируемой базы данных.

¹³⁴ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т.1. С. 450, табл. 2.41.

совокупности классовых чиновников. Интересна и другая диспропорция – лица из духовного сословия, составлявшие в высшем совещательном органе 2%, во всей совокупности чиновников десятикратно увеличивают свою долю. Иными словами, государственная элита в России в то время формировалась непропорционально общей совокупности государственных служащих. Очевиден значительный приоритет дворянского сословия в процессе отбора будущих представителей элиты из чиновного корпуса.

Помимо этого, лица незнатного происхождения, безусловно, переходили в высшее сословие в процессе своей службы, получая этот статус наряду с чинами и правительственными наградами. «Вплоть до отмены крепостного права дворянство, обладая монополией на занятие командных должностей в гражданском и военном управлении, держало в своих руках все отрасли центрального управления»¹³⁵.

Используемые в исследовании исторические источники не позволяют точно установить имущественное положение анализируемой совокупности. В БД 62% персон, по данным используемых источников, имели земельную собственность. Этот результат не противоречит общепринятому представлению в историографии о том, что преобладающая часть высшей бюрократии обладала недвижимой собственностью, преимущественно земельной¹³⁶. Однако, земельная собственность, безусловно, не отражает всего финансового состояния представителя элиты, так как уже в конце XVIII в. начался процесс обуржуазивания бюрократии, который выразился в развитии торгово-предпринимательской деятельности чиновников¹³⁷.

Религиозный состав также не подвержен сильному разбросу: 79% - православные христиане, 16% - лютеране, 4% - католики, 1% приходится на остальные конфессии. Сопоставление религиозного (а фактически – национального) состава Государственного совета с религиозным составом

---

¹³⁵ Там же. Т.2. С. 386.

¹³⁶ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. С. 222.

¹³⁷ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М. 1974. С. 367.

населения Российской империи в середине XIX в. позволяет увидеть диспропорцию в формировании элиты. Данные приведенные в «Таблицы 1» указывают на существенный перевес доли лютеран (немцы, латыши, эстонцы, финны и т.д.) в составе государственного совета по отношению к своей доли в населении.

Таблица 1.

Конфессиональный состав Государственного совета.

Конфессия	В исследуемой совокупности (%)	В населении в 1867-1868 гг. (%) ¹³⁸	Разница
Православные	79	86	-7
<i>Лютеране</i>	<i>16</i>	<i>4</i>	<i>12</i>
Католики	4	3	1
Остальные	1	7	-6
<i>Итого:</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>0</i>

Начиная с середины XVIII в., можно обнаружить множество упоминаний современников о засилье немцев в окружении царя, а, фактически, в высшем государственном аппарате. Данные, полученные при анализе состава Государственного совета эпохи Александра II и Александра III, не позволяют вести речь о засилье, однако повышенный процент лютеран всё же может выступать «отголоском» прошлого. М.А. Давыдов писал, что Дворы Павла и Александра I сделались «прибежищем иностранцев всех категорий. <...> Процент немцев, занимавших важные посты, резко возрос, и этот процесс со временем усиливался»¹³⁹.

Говоря об эпохе Николая I и Александра II, вряд ли можно утверждать о наличии определенной «инерции национального подхода» в политике элитообразования. Скорее, конфессиональная диспропорция вызвана иной причиной. Почти половина изучаемых персон (45%) имели отцов, дослужившихся до генеральских чинов (IV-II классы), то есть, по сути, являлись потомственными государственными служащими высшей категории; лишь 14%,

¹³⁸ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т.1. С. 133.

¹³⁹ Давыдов М.А. Оппозиция его Величества. М.: Зебра Е, 2015. С. 65.

напротив, происходили из семьи, отец которой не посвятил себя государственной службе. Эта «потомственность» и обусловила непропорциональную долю лютеран (по происхождению) среди членов Государственного совета.

Следует уточнить, что определенный процент представителей нетитульных наций (21%) в изучаемой совокупности не означает такой же процент иностранного элемента в ней. В контексте истории многонациональной Российской империи понятие «конфессия», имевшее сильную связь с понятием «национальность», никак не связано с гражданством. Условную долю иностранцев можно попытаться определить по месту рождения. Так, 36% человек родились в столичных губерниях, 59% - в провинциальных, и только 5% - на территории других стран.

Образовательный состав представлен следующим соотношением: 67% человек имели высшее образование, 28% - среднее, 5% - домашнее, либо окончили частные учебные заведения. Не удивительно, что и в случае с образованием наблюдается диспропорция между составом одного из высших государственных органов и всей совокупности классных чиновников (Таблица 2).

Таблица 2.

Сравнение образования членов Государственного совета и классных чиновников.

Группа	ГС	Все (1879-1880)	Разница
Высшее	66,8	28,3	38,5
Среднее	27,9	24	3,9
Начальное и домашнее	5,3	47,7	-42,4
	100	100	0

Явный приоритет высшего образования над, в первую очередь, домашним и начальным не обязательно является признаком меритократического подхода к процессу элитобразования. Большая доля людей, окончивших высшие учебные заведения, также может быть прямым последствием наличия повышенной доли лиц аристократического происхождения, которые могли себе позволить

получение хорошего образования. С другой стороны, полученные данные дают возможность утверждать и обратное: высокий процент дворян в Государственном совете был вызван стремлением правительства комплектовать этот орган образованными людьми. Для более определенной интерпретации необходимо расширить математический аппарат анализа (см. Глава 2, §4).

База данных, включая в себя все случаи чинопроизводства будущих членов Государственного совета, начинавших карьеру с 1826 по 1880 гг., дает представление и о типе полученных чинов. Больше всего рассматриваемым персонам было присвоено статских (гражданских) чинов – 53%, военные чины были получены в 45% случаев, придворные – лишь в 2%. Очень низкая доля придворных чинов при относительном равенстве других может говорить об определенном «кризисе» придворных должностей, выразившемся в исключении их из формальной системы управления государством. О предпосылках этого кризиса упоминает в своей монографии С.В. Черников. Говоря о прочной привязке придворных чинов к базовой (армейской) лестнице, происходившей в 1725-1730 гг., автор указывает: «Лишь таким способом можно было укрепить позиции придворных в составе элиты и преодолеть статус «второстепенного» слоя (по сравнению с военными и статскими чинами), полученный при Петре Великом»¹⁴⁰. Тем не менее, если данные анализа состава Государственного совета можно экстраполировать на всю правящую элиту, то имеет смысл утверждать, что придворные чины с 1830-х гг. были практически исключены из системы принятия решений, что, согласно одному из критериев государственной элиты (см. Глава 1, §1), позволяет усомниться в принадлежности высших придворных чиновников к элитарной группе.

Таким образом, количественный анализ личных дел и формулярных списков позволяет сформировать типичный портрет члена Государственного совета во второй половине XIX в. Представитель политической элиты

---

¹⁴⁰ Черников С. В. Правящая элита России 1825-1830 годов: численность, социальный состав, основные тенденции развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2014, № 12 (341). История. Вып. 60. С. 32.

Российской империи принадлежал русскому или обрусевшему аристократическому роду. Наличие у него земельной собственности не препятствовало выбору государственной службы в качестве основного вида деятельности. Более того, вероятно исходя из карьерных соображений, будущие представители элиты уделяли внимание образованию. Подобный портрет, указывая на сословно-компетентный характер элитообразования, не позволяет установить, как наличие признаков изменения этого характера, так и направление этих изменений. Однако в течение имперского периода происходили важные социально-политические трансформации, неизбежно отражавшиеся на составе, образовании, квалификации и других характеристиках чиновников.

2.2. Результаты когортного анализа.

Для определения возможной зависимости карьерной динамики от различных долгосрочных трендов кадровой политики правительства был применен когортный анализ.

Итоговая выборка была сгруппирована по десятилетиям в зависимости от года начала карьеры. Данное дробление удобно тем, что мы получаем равные (кроме последнего) временные отрезки, оптимальным образом отражающие своеобразные вехи внутривнутриполитических курсов. В результате получилось 6 когорт, для каждой из которых был определен средний возраст начала карьеры (Таблица 3).

Таблица 3.

Когортный анализ совокупности.

№ когорты	Период	Количество Персон (чел.)	Средний возраст начала карьеры (лет)
1	1826-1835	37	16
2	1836-1845	65	19
3	1846-1855	73	18
4	1856-1865	49	19
5	1866-1875	34	21
6	1876-1880	4	22

Первое, на что стоит обратить внимание, это значительный спад количества «рекрутов» Государственного совета, произошедший в эпоху Александра II. Шестая когорта представлена не полным десятилетием, однако, если расширить ее рамки до 1885 года, то в нее будет включено еще 6 наблюдений, что значительно не меняет качества сложившейся картины.

Феномен снижения числа «рекрутов» объясняется особенностями используемых биографических справочников, и как следствие, самой базы данных. Дело в том, что справочники содержат информацию о членах Государственного совета, включенных в его состав до реформы 1906 г. Следовательно, чем позже сформирована когорта, тем меньшее количество ее представителей успевало попасть в Совет до обозначенной границы. Включение в базу данных лиц, назначенных в этот орган до 1917 года, отодвигает эту границу лишь на 11 лет. Таким образом, главный вывод, который можно сделать на основе понижающегося тренда количества наблюдений – это констатация малой эффективности данного подхода при анализе карьерных особенностей политической элиты в самом конце XIX – начале XX в., что и так находится за рамками исследования.

Наибольшее количество «рекрутов» приходится на 3 когорту (1846-1855). Как утверждал Б.Н. Миронов, апогей роста числа чиновников приходится на правление Николая I, к концу которого он замедлился, так как Николай стал считать, что в стране переизбыток чиновников, и сосредоточился на их качестве. Во времена Александра II и Александра III этот тренд сохранялся¹⁴¹. Совпадения «апогея роста чиновников» с «апогеем роста рекрутов государственной элиты» подтверждает тривиальную мысль о том, что основным источником формирования элиты был чиновный корпус.

Постепенное повышение возраста первой должности, возможно, является признаком модернизации и профессионализации государственного аппарата, выражающихся, во-первых, включением в его состав все большего количества

---

¹⁴¹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 434.

людей, посвятивших свою юность образованию, и, как следствие, позже поступивших на службу, во-вторых, сокращением количества военных, как правило, начинавших свою карьеру довольно рано. Период «сосредоточивания на качестве чиновников» (5 и 6 когорты, 1866-1880 гг) отмечен заметным повышением возраста первой должности.

Для последующего определения динамики атрибутивных признаков шестая когорта, включающая критически малое количество наблюдений, была слита с пятой.

Рассмотрение некоторых биографических фактов в данных когортах не позволяет заявлять о конкретном тренде их изменений: не обнаружена зависимость когорты от служебной карьеры отцов персон (Таблица 4), места их рождения (Таблица 5) и среднего количества земельной собственности на когорту (Таблица 6).

Таблица 4.

Распределение максимального чина отца персон по когортам.

№ когорты	Период	Максимальный чин отца								Всего
		нет		XIV-X		IX-V		IV-I		
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1	1826-1835	6	16	1	3	10	27	20	54	37
2	1836-1845	7	11	6	9	17	26	35	54	65
3	1846-1855	8	11	9	12	30	41	26	36	73
4	1856-1865	8	16	4	8	18	37	19	39	49
5+6	1866-1880	7	18	3	8	12	32	16	42	38

Таблица 5.

Распределение мест рождения персон по когортам.

№ когорты	Период	Место рождения								Всего
		Провинция		Заграница		Москва		Петербург		
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1	1826-1835	22	59	1	3	6	16	8	21,6	37
2	1836-1845	38	58	7	11	8	12	12	18,5	65
3	1846-1855	42	58	2	3	8	11	21	28,8	73
4	1856-1865	26	53	1	2	5	10	17	34,7	49
5+6	1866-1880	27	71	1	3	4	11	6	15,8	38

Распределения средней площади земельной собственности по когортам.

№ когорты	Период	Земельная собственность. Средняя на когорту (дес.)		
		Родовая	Приобретенная	Суммарная
1	1826-1835	6 986	5 732	12 718
2	1836-1845	5 769	2 798	8 567
3	1846-1855	1 525	12 241	13 765
4	1856-1865	13 367	12 327	25 693
5+6	1866-1880	1 589	1 594	3 184

Данные, содержащиеся в Таблице 6, требуют определенного уточнения, которое приведено в §4 2 главы.

Религиозный состав когорт (Таблица 7) демонстрирует устойчивую динамику в двух случаях. Во-первых, присутствует постоянный рост доли людей, при рождении причисленных к православию (с 76% в первой когорте до 89% в последней с единичным спадом во второй когорте до 69%). Если учесть, что значительная часть персон родилась в семьях государственных служащих, то это явление могло отражать повышение требований государства к переходу чиновников в православие.

Еще один заслуживающий внимания момент, связанный с конфессией – устойчивое сокращение доли католиков в изучаемой совокупности (с 8% в первой когорте до 2% в четвертной и 0% в пятой). Интересно что только католическая религия из всех негосударственных имеет конкретный тренд изменений. Характеризуя состояние религиозной политики государства, Б.Н. Миронов отмечал, что в Российской империи имела место дискриминация не по национальному и конфессиональному признаку, а по степени политической лояльности¹⁴². Если учесть, что большинство католиков в стране имели польские корни, то можно утверждать, что общественно-политическая система уже с самого начала реагировала на польскую нелояльность, «поражая в правах» католиков еще до 1864 года, который входит в диапазон 4 когорты.

¹⁴² Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т.1. С. 130.

Таблица 7.

Распределение конфессий по когортам.

№ когорты	Период	Вероисповедание								Всего
		Православный		Лютеранин		Католик		Остальные		
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1	1826-1835	28	76	6	16	3	8	0	0	37
2	1836-1845	45	69	14	22	4	6	2	3	65
3	1846-1855	58	79	12	16	2	3	1	1	73
4	1856-1865	43	88	5	10	1	2	0	0	49
5+6	1866-1880	34	89	4	11	0	0	0	0	38

В анализе происхождения будущих членов Государственного совета (Таблица 8) также наблюдается определенный тренд: в третьей когорте (1846-1855 гг.) появляются представители незнатных сословий, составляющие сразу 10% и сохраняющие примерно такую же долю во всех последующих когортах.

Таблица 8.

Распределение происхождения персон по когортам.

№ когорты	Период	Происхождение						Всего
		Незнатное		Дворянское нетитулованное		Дворянское титулованное		
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1	1826-1835	1	3	31	84	5	14	37
2	1836-1845	0	0	54	83	11	17	65
3	1846-1855	7	10	53	73	13	18	73
4	1856-1865	6	12	38	78	5	10	49
5+6	1866-1880	4	11	28	74	6	16	38

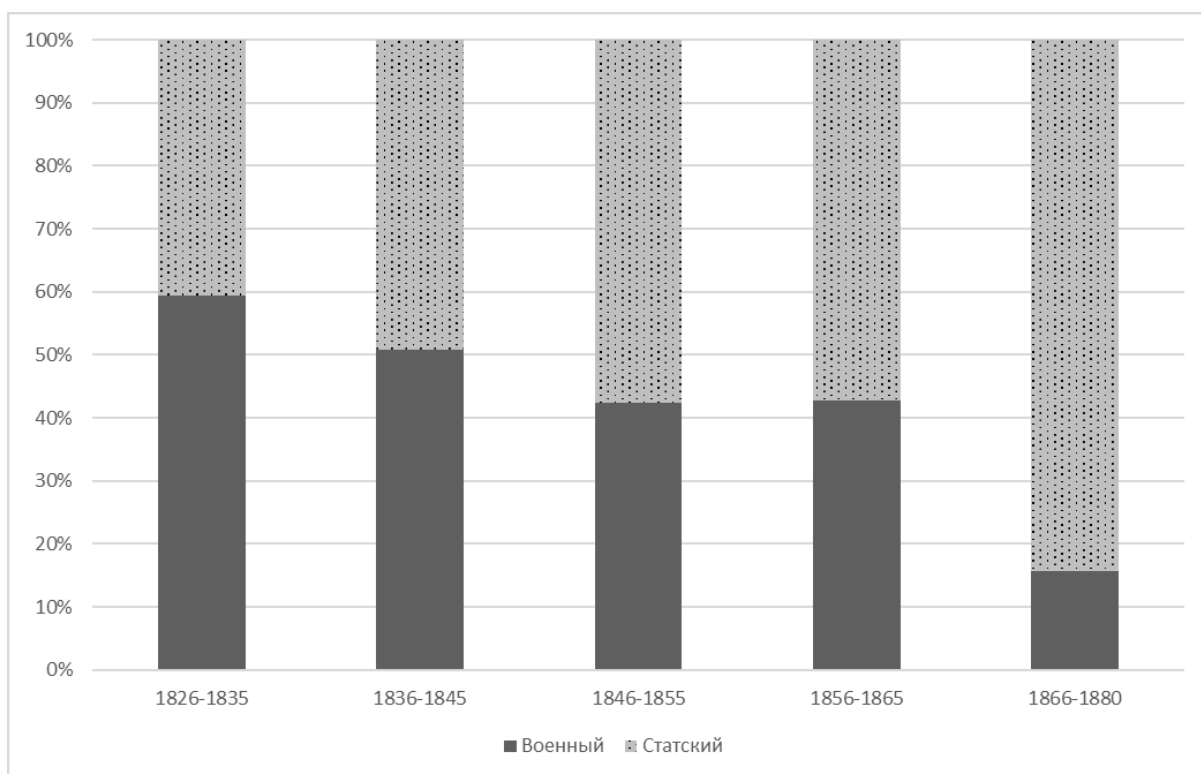
Данный момент может указывать на начало процесса ослабления роли дворян в государственном аппарате. В правление Александра II одним из факторов стабильности этой доли могли выступать либеральные реформы. «Социальная политика в пореформенное время, направленная на уничтожение сословных привилегий и уравнивание всего населения в личных правах, в принципе, способствовала трансформации общества из сословного в классовое. Следствием этого было дальнейшее понижение значения дворянского статуса и роли дворянства в государственном управлении: по мере превращения

привилегий в юридические фикции дворянство потеряло роль доминирующего сословия»¹⁴³.

Наибольший интерес представляют два атрибутивных признака, демонстрирующих устойчивую динамику. Диаграмма 1 отражает изменение соотношений долей служащих с преимущественно военным и преимущественно гражданским (статским) типом карьеры (придворные типы карьеры отсутствуют полностью, случаи присвоения придворного чина являлись редкими и не влияли существенно на карьерный тип). Постоянный рост процента представителей гражданских чинов (с 41% в первой когорте до 84% в последней) говорит о повышающемся уровне административной компетентности государственной элиты.

Диаграмма 1.

Распределение типов карьеры по когортам.

¹⁴³ Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1985. P. 171-178.

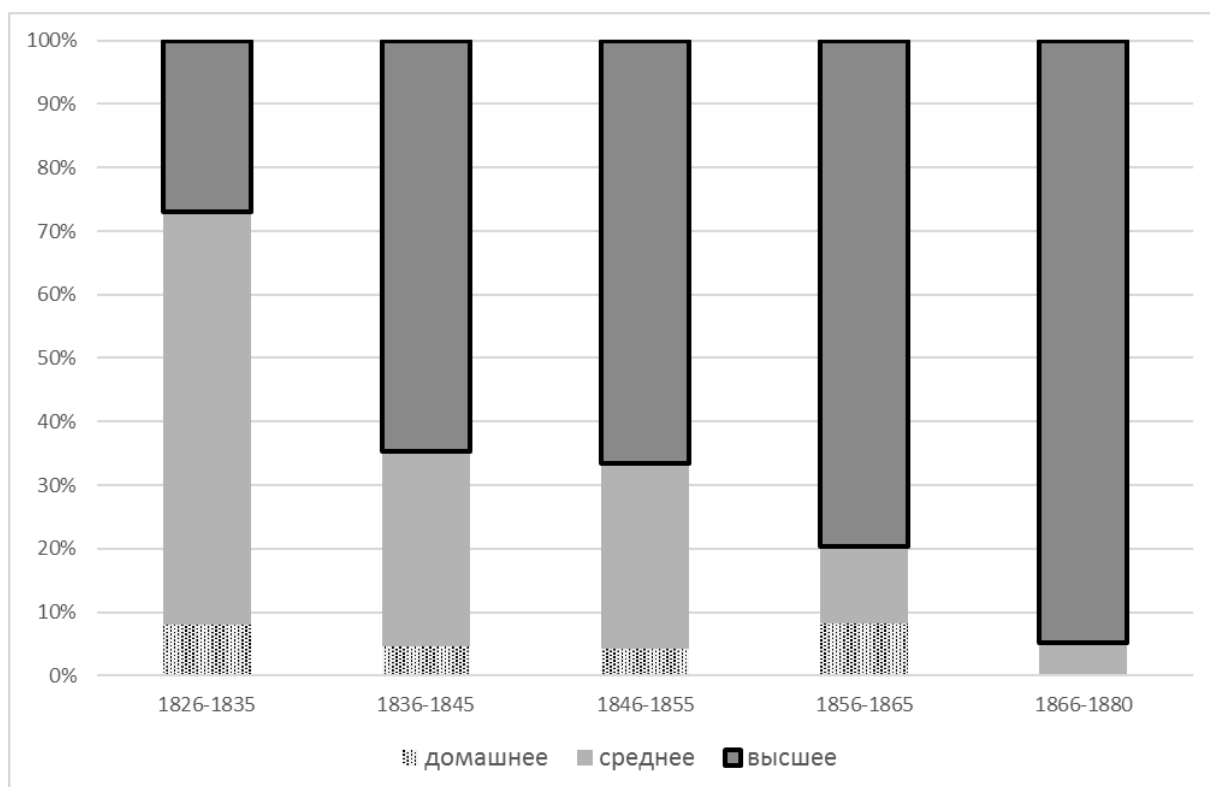
Распределение типов карьеры по когортам.

№ когорты	Период	Тип карьеры				Всего
		Статский		Военный		
		Абс.	%	Абс.	%	
1	1826-1835	15	41	22	59	37
2	1836-1845	32	49	33	51	65
3	1846-1855	42	58	31	42	73
4	1856-1865	28	57	21	43	49
5+6	1866-1880	32	84	6	16	38

Последнюю мысль дополняет и развивает анализ образовательного состава когорт (Диаграмма 2, Таблица 10).

Диаграмма 2.

Распределения типов образования по когортам.

Распределение типов образования по когортам.

№ когорты	Период	Образования						Всего
		Домашнее		Среднее		Высшее		
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	
1	1826-1835	3	8	24	65	10	27	37
2	1836-1845	3	5	20	31	42	65	65
3	1846-1855	3	4	21	29	48	67	72
4	1856-1865	4	8	6	12	39	80	49
5+6	1866-1880	0	0	2	5	36	95	38

Постоянное повышение доли высшего образования за счет остальных типов (начальное образование, имевшееся только у одного человека в третьей когорте, было исключено из анализа) с 27% до 95% всего за 55 лет доказывает высокие темпы модернизации в среде государственной элиты. Ещё в первой половине XIX века большинство представителей высшей бюрократии имело домашнее образование¹⁴⁴.

Сравнение темпов роста (Формула 1) доли гражданских чиновников и доли людей с высшим образованием (Диаграмма 3, Таблица 11) указывает на слабую связь между двумя этими процессами. Высшее образование не гарантировало статский тип карьеры, как и, в свою очередь, для гражданской службы не обязательно было заканчивать высшее учебное заведение. Два процесса повышения административной компетенции государственной элиты слабо детерминировали друг друга и развивались параллельно; влияние модернизации на элитобразование шло с нескольких направлений.

¹⁴⁴ Долгих Е.В. К проблеме Менталитета российской административной элиты первой аполовины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: "Индрик", 2006. С. 21.

Темпы роста (%) некоторых признаков в когортах.

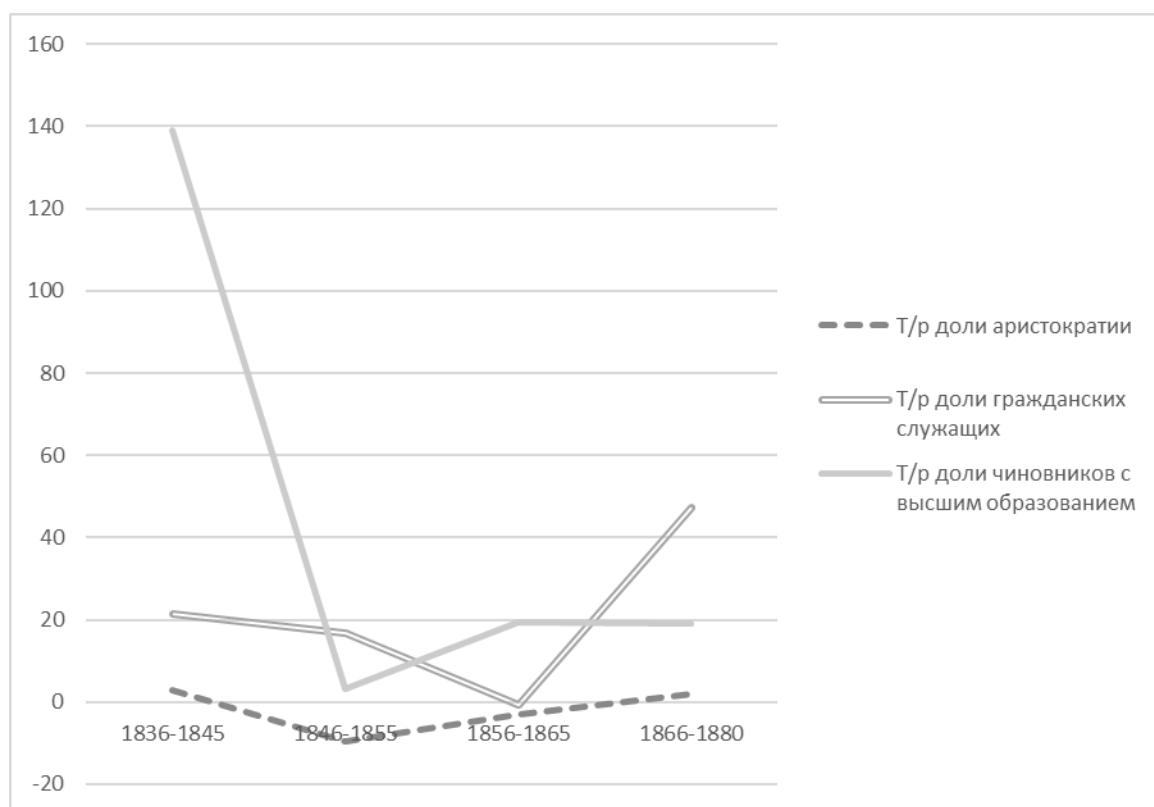

Таблица 11.

Темпы роста некоторых признаков в когортах.

№ когорты	Период	Происхождение		Карьера		Образование	
		Доля аристократии (%)	Темп роста (%)	Доля статских служащих (%)	Темп роста (%)	Доля высшего образования (%)	Темп роста (%)
1	1826-1835	97	-	41	-	27	-
2	1836-1845	100	3	49	21	65	139
3	1846-1855	90	-10	58	17	67	3
4	1856-1865	88	-3	57	-1	80	19
5+6	1866-1880	89	2	84	47	95	19

Формула расчета темпа роста:

$$T/p = \left(\frac{b-a}{a}\right) \times 100 \quad (1)$$

где a – значение доли в предыдущей когорте;

b – значение доли в текущей когорте.

Однако, Диаграмма 3 позволяет установить схожий характер изменений темпов роста высшего образования и доли лиц, имевших аристократическое происхождение. Как было сказано ранее, определенная связь (обнаруженная и в динамике) образования и происхождения не отвечает на вопрос приоритета одного над другим в механизме элитообразования в Российской империи в середине XIX в. Государственная элита могла формироваться меритократически - с учетом профессиональных характеристик кандидатов, большинство из которых, в силу особенностей образовательной политики, принадлежали дворянскому сословию; либо же, непотически – с учётом принадлежности «рекрутов» к определенным влиятельным семьям, имевшим возможность дать своим членам хорошее образование.

Таким образом, когортный анализ выявил особенности развития высшей бюрократии России в середине XIX в, заключающиеся, в первую очередь, в профессионализации правящего слоя, сохранявшего, однако, черты замкнутой аристократической корпорации. Изменения некоторых признаков идут либо по пути «уплотнения» этой корпорации; либо по пути определенного гомеостаза, стремления к поддержанию малого разброса допустимых вариантов. В первом случае такими признаками выступают вероисповедание и образование, во втором случае – происхождение.

Когортный анализ базы данных позволяет установить динамику некоторых биографических особенностей, но ничего не говорит об их действительном влиянии на карьеру. Устойчивое изменение доли какого-либо признака может быть вызвано внешними причинами, а не кадровой политикой правительства. Например, повышение доли персон с высшим образованием в когорте может являться простым следствием развития системы образования. Для оценки силы воздействия конкретных биографических фактов на службу необходимо выявить степень их влияния на карьерный успех, таким образом, появляется задача создания индивидуального интегрального показателя, четко характеризующего понятие «карьерный успех».

§3. Осмысление и формализация понятия «карьерный успех».

3.1. Расчет индекса успеха.

Согласно общепринятой классификации, признаки объекта делятся на количественные и атрибутивные, выражающие качественные свойства. Последний тип, в свою очередь, можно разделить на простые атрибутивные и сложные атрибутивные признаки. Простые атрибутивные признаки выражают однозначные или одноаспектные свойства (пол, вероисповедание, место рождения и т.п.). Сложные атрибутивные признаки являются, скорее, интегральными оценками определенных черт¹⁴⁵. Исходя из данных критериев, мы утверждаем, что карьерный успех является типичным сложным атрибутивным признаком.

Один из основоположников применения количественных методов в исторических исследованиях И.Д. Ковальченко отмечал: «Одна из наиболее актуальных проблем измерения общественных явлений состоит в выработке количественных единиц измерения сложных атрибутивных признаков». Распространенной практикой решения данной проблемы стало применение балльной системы, строящейся, почти всегда, на основании экспертной оценки. «Оценка сложных атрибутивных признаков баллами всегда сохраняет элемент субъективности, с одной стороны, и остается в той или иной мере приблизительной – с другой. В итоге балльные экспертные оценки являются наиболее неопределенными и однородными единицами измерения. И хотя они поддаются математической обработке, но не обладают теми свойствами, которыми обладают показатели количества»¹⁴⁶. Относительная субъективность такого подхода и большое количество наблюдений в базе данных, каждое из которых требует индивидуального изучения, провоцируют на выбор иного пути количественной формализации – применения индекса.

Основным элементом определения данного индекса стал класс чина по Табели. В первую очередь потому, что «Табель о рангах» представляла собой

---

¹⁴⁵ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. С.42.

¹⁴⁶ Там же, с. 350.

четкую и однозначную градацию, фиксирующую положение человека в формальных политических и социальных институтах. В современной историографии существует мнение, что «Табель о рангах» могла тормозить продвижение талантливых людей, вынуждая их постепенно проходить всю последовательность чинов¹⁴⁷. Однако для представителей элиты Табель часто не становилась существенной помехой в силу различных причин. Напомним известный случай с С.Ю. Витте, когда при назначении его директором железнодорожного департамента, Александру III пришлось повысить его в чине сразу с IX до IV класса¹⁴⁸. Это иллюстрирует то, что с системой чинов приходилось считаться даже императору, но, при этом, она не становилась препятствием для продвижения талантливого человека. Последний факт может свидетельствовать об определенном кризисе системы чинов, что также отмечали современники¹⁴⁹. Несмотря на то, что Табель «относится к числу важнейших законодательных актов правительства Петра I, оформивших абсолютную монархию в России»¹⁵⁰, даже сами императоры симпатизировали идее отмены гражданских чинов¹⁵¹. Однако этот кризис не является препятствием к нашему подходу рассматривать «Табель о рангах» в качестве главной шкалы профессионального роста.

Перспектива реальной ликвидации гражданских чинов сдерживалась объективными причинами: «Чин обеспечивал конкурентоспособность государственной службы по сравнению с частной, что стало особенно актуальным в условиях развития буржуазных отношений конца XIX в. Чины, точнее система льгот и привилегий, связанных с ними, позволяли привлекать на гражданскую службу достаточно квалифицированные кадры, даже при

---

¹⁴⁷ Виноградов А.П. История чинов и званий как вспомогательная историческая дисциплина // Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). №4, 2011. - С. 49.

¹⁴⁸ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 135.

¹⁴⁹ Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2004. С. 451.

¹⁵⁰ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М. 1974. С. 336.

¹⁵¹ Виноградов А.П. История чинов и званий как вспомогательная историческая дисциплина // Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). №4, 2011. С. 49.

небольших размерах жалования. Более того, в некоторых случаях чиновники соглашались исполнять должностные обязанности, вообще не получая жалования, при сохранении за ними прав на чинопроизводство. <...> Именно невозможность значительно повысить размер денежного содержания чиновников стала причиной длительного сохранения чина в условиях Российской империи»¹⁵².

Однако у шкалы Табели есть один существенный недостаток – получение следующего чина, особенно на ранних этапах карьеры, явление чуть ли не автоматическое, и часто происходило просто из-за выслуги лет в независимости от усилий чиновника. На службе можно было не стараться, все равно по истечению определенного, официально обозначенного срока, служащему обязаны были присвоить следующий чин. С. Беккер писал: «Повышение в чине за заслуги, либо просто за выслугу лет, могло вести к повышению в должности, а должностной рост мог способствовать повышению в чине»¹⁵³. Поэтому, для того, чтобы понять особенности движения по «Табели о рангах», самого факта наличия определенного чина недостаточно. Нужен элемент, позволяющий персонифицировать движение каждого человека по этой шкале и выявить более успешный и менее успешный сценарии.

Можно предположить, что чем раньше человек получал определенный класс, тем успешнее была его карьера, поскольку, во-первых, раньше запускался процесс выслуги лет, что ускоряло получение следующего чина, а, во-вторых, это могло являться признаком наличия у персоны определенных позитивных социальных и личностных качеств, спровоцировавших это раннее получение чина. Кроме того, что еще более важно, сами чиновники нередко рассматривали классный чин в качестве цели своей служебной карьеры¹⁵⁴.

---

¹⁵² Куркина Е.А. Исторический опыт реформирования государственной службы в Российской империи второй половины XIX века // Наука и общество. 2012, №1. С. 36.

¹⁵³ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода имперской России. М: Новое литературное обозрение, 2004. С. 174.

¹⁵⁴ Куркина Е.А. Исторический опыт реформирования государственной службы в Российской империи второй половины XIX века // Наука и общество. №1, 2012. - С. 37.

«Чины провоцировали непомерное стремление к их получению. В мемуарах XIX в. можно встретить такие хлесткие выражения как “чинобесие”, “чинопочитание” и “чинология”. Страсть к чинам русского человека отмечали почти все иностранцы, посетившие Россию»¹⁵⁵. «Почитание чинов» становилось своеобразным пусковым механизмом жизненного сценария карьериста, а само понятие конкретного чина вызывало «плюсовую» ассоциативную картину¹⁵⁶.

Исходя из этого, можно предположить два индикатора успешности реализации карьерных амбиций чиновника:

1. Время пребывания в каждом чине ([год получения текущего чина] – [год получения предыдущего чина]);
2. Возраст получения каждого чина.

Реализация первого варианта затруднена сущностью самого чина. Будучи элементом «служебного мира», чин заключал в себе и определенную социальную характеристику. Лишить чиновника должности можно было в любой момент, лишить же его чина возможно было только по решению суда. В силу этого встречаются случаи фактического прекращения службы (например, отпуск на неопределенный срок) с сохранением за персоной её чина. Возвращение же на службу могло сопровождаться как возобновлением исполнения прежних служебных обязанностей и действия «счетчика» выслуги лет, так и присвоением другого чина (не обязательно выше или того же уровня) и назначением на другую должность. И в первом и во втором случае разница во времени между двумя чинами не отражала бы реального положения вещей и могла быть, как и завышенной, так и необычайно низкой. Более того, последовательная государственная служба, не отмеченная описанными выше моментами, также не представляла собой линейное восхождение по Табели. «Штатный режим» предусматривал множество моментов «перешагивания»

---

¹⁵⁵ Вакилев Т.Р. Табель о рангах и система чинов в Российской империи // Вестник Пензенского государственного университета. 2014, №2 (6). С. 3-4.

¹⁵⁶ Федоров И.А., Стаметов В.В., Логвинова Т.В. О природе феномена "чинопочитания" // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2015, №4. С. 43.

через один или несколько чинов, например, у военных не было V класса или при гражданской службе в коронных учреждениях нередки случаи повышения с XIV до XII или с XII до X класса¹⁵⁷.

Помимо того, что второй вариант – возраст получения чина в качестве индикатора – лишен этих недостатков, он обладает еще одним весомым преимуществом. Категория возраста вводит социальное измерение в индикатор успешности, чего не может сделать показатель времени проведения в чине. С точки зрения общества, чиновник, дослужившийся до чина статского советника (V класс) в 30 лет был намного успешнее чиновника, получившего данный класс в 45 лет, но за более короткий срок пребывания в предыдущем классе. Среди же недостатков данного подхода стоит отметить определенную зависимость этого индикатора от возраста начала карьеры, однако, как покажет дальнейший анализ, степень этой зависимости в большинстве случаев несущественная.

Таким образом, возрасты получения каждого классного чина стали показателями, на основе которых высчитывается количественная характеристика успеха карьеры – «индекс успеха» (S).

Данный показатель рассчитывается в два этапа. На первом этапе для каждого конкретного случая чинопроизводства определяется его «индекс позиции» (P). Основой его расчета является сводная таблица, содержащая в себе ряд изучаемых персон и ряд классов чинов¹⁵⁸, на пересечении которых находится возраст получения конкретного класса конкретным человеком. На основе этих данных высчитывается процентиль (положение члена в ранжированном ряде) возраста в ряде всех остальных возрастов, принадлежащих данному классу чина. Он представляет собой число в диапазоне от 0 до 100, подразумевающее, что чем оно меньше, тем раньше произошел случай чинопроизводства в ряде всех случаев, принадлежащих данному классу, и, следовательно, тем оно более

---

¹⁵⁷ Проблему «перешагивания» через чины вряд ли целесообразно решать вводом средних промежуточных значений в «разрывы». Во-первых, они не облегчают положение в случаях фактического прекращения должностей с сохранением чина. Во-вторых, что еще более важно, ввод промежуточных значений, фактически означает создание данных не существовавших в реальности и не имевших реального объекта измерения (как можно измерить присвоение V класса у человека, которому этот класс не присваивался?).

¹⁵⁸ С XIV по I, а также момент начала карьеры без классного чина, условно обозначенный XV классом

успешное. Так как большинство статистических показателей имеют отношение «больше-лучше», для удобства дальнейших статистических операций этот процентиль инвертируется путем вычитания его из 100.

Таким образом индекс позиции (P) ранжирует все случаи чиновничества на основании возраста получения чина в границах всех возрастов его класса. Очень низкое значение индекса позиции будет говорить о достаточно позднем (по сравнению с другими случаями в этом классе) получении чина (невыгодной позиции возраста). В свою очередь, случай самого раннего получения чина среди остальных чинов этого класса будет иметь индекс равный 100 (самая выгодная позиция возраста). Соответственно, промежуточные значения указывают на место каждого случая чиновничества в среде других случаев, принадлежащих данному классу, и позволяют оценивать успешность карьерного повышения на фоне всей выборки, даже не имея перед глазами индексы других персон.

Индекс позиции вычисляется по формуле:

$$P = 100 - \left(\frac{n}{N} * 100\right) \quad (2)$$

где n – количество случаев чиновничества в данном классе в этом возрасте и младше;

N – общее количество чиновничеств в данном классе.

Второй этап расчета индекса успеха (S) заключается в вычислении среднего арифметического всех индексов позиций (P), принадлежащих конкретной персоне.

Как уже было сказано выше, процесс «табельного восхождения» на всем своем протяжении часто был неравномерным. Особенности чиновничества могли сильно отличаться в зависимости от типов службы. Кроме этих общих и конкретных особенностей, биографии членов Государственного совета демонстрируют иные индивидуальные примеры неравномерного карьерного

роста. В силу этого, расчет среднего значения при построении персонального индекса успеха проводился с игнорированием пустых значений на диапазоне от XIV до III класса. Иными словами, пропущенным (неполученным) классам не присваивалось никакое значение, в том числе – нулевое. В противном случае, нулевые значения необоснованно снижали бы среднее арифметическое, делая этот показатель нерепрезентативным, например, любой статский служащий, поздно получивший чин V класса и, соответственно, имевший маленький индекс позиции, всё равно обладал бы большим преимуществом над любым военным, у которого, при учете пустых значений, V классу был бы присвоен нулевой индекс позиции.

Граница диапазона игнорирования пустых значений, равная III классу, задана, исходя из того, что исключение абсолютно всех пустых значений порождает другую проблему – нивелирование крупных карьерных успехов отдельных лиц, выразившихся в получении ими чинов последних двух классов, что было свойственно немногим. Игнорирование пустых значений во II и I классе, не снижало итоговый индекс тем, у кого этих значений не было, или, напротив, не повышало его обладателям этих классов. Таким образом, расчет среднего значения на каждую персону происходил с игнорированием пустых значений от XIV по III класс, и с обязательным учетом нулевых значений II и I класса.

$$S = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n P_i \quad (3)$$

Индекс успеха (S), обладая такими же свойствами, как и индекс позиции (P), позволяет присвоить каждому члену Государственного совета определенную количественную характеристику успешности его карьеры на фоне всех остальных членов выборки. Ценность данного индекса в том, что он может выступать в качестве зависимой переменной при исследованиях силы воздействия различных факторов на его изменение.

3.2. Применение индекса для анализа факторов карьерного успеха.

Стандартными средствами программного пакета Statistica был проведен корреляционный анализ взаимосвязи индивидуального индекса успеха и первичных биографических факторов (то есть фактов биографии, предшествовавших карьере).

Применительно к изучению исторических и социальных процессов часто используются следующие коэффициенты корреляции:

1. Коэффициент Пирсона (r), применяется для сравнения двух интервальных шкал. Изменяется в диапазоне $[-1;1]$ и характеризует по модулю силу взаимосвязи, а по знаку – порядок (прямая или обратная).
2. Коэффициент Спирмена (R) и Коэффициент Кендалла (t) используются для проверки взаимосвязи порядковых шкал. Изменяются и интерпретируются аналогично коэффициенту Пирсона. Отличие Коэффициента Кендалла от Коэффициента Спирмена в более осторожной оценке первого, значение t по модулю всегда меньше значения R .
3. Коэффициент Крамера (V) характеризует взаимосвязь между номинальными шкалами, изменяется в диапазоне $[0;1]$ указывая на силу зависимости; не имеет указания порядка зависимости, так как номинальные шкалы не обладают такой характеристикой.

Помимо самого коэффициента корреляции необходимо учитывать вероятность независимости двух шкал (p), то есть вероятность того, что две анализируемые шкалы на самом деле независимы, а значимый коэффициент корреляции – простое совпадение. Принято считать, что корреляция статистически значима, когда $p < 0,05$, иными словами, когда вероятность «случайной корреляции» меньше 5%.

Большинство анализируемых биографических фактов можно сгруппировать либо в порядковые шкалы (происхождение, чин отца, образование), либо в номинальные (вероисповедание, тип службы, место

рождения). Присутствуют также интервальные шкалы количества родовой, приобретенной и суммарной земли.

На наш взгляд, оптимальным вариантом анализа всех факторов за исключением связанных с имуществом, стало высчитывание Коэффициента Крамера (V), применяемого для установления зависимости между двумя номинальными шкалами. Дело в том, что социальная реальность формирования элиты содержит в себе более сложные зависимости, нежели простое линейное отношение. Говоря другими словами, тренд изменения индекса успеха, выстроенный по порядковой шкале какого-либо первичного биографического фактора, не обязательно должен быть линейным, даже если связь между сравниваемыми рядами действительно существует. Сведение всех сравниваемых факторов в порядковые шкалы может привести к тому, что реально существующая зависимость не будет обнаружена. Таким образом, все порядковые шкалы были преобразованы в номинальные, то есть лишились строгой последовательности членов. Сам же индекс успеха был также преобразован в номинальную шкалу путем группировки показателей по четырем рангам означенными равными диапазонами.

§4. Определение степени влияния основных биографических факторов на карьерный успех.

4.1. Результаты корреляционного анализа номинальных шкал.

Индивидуальный индекс успеха не демонстрирует статистически значимой корреляции с такими биографическими факторами, как титул, максимальный чин отца, вероисповедание и место рождения (Таблица 12).

Коэффициенты корреляции Крамера факторов с индексом успеха.

Фактор	Коэффициент (V)	Вероятность ошибки (p)
Титул при рождении	0,07	0,905
Максимальный чин отца	0,16	0,015
Место рождения	0,17	0,025
Вероисповедание	0,13	0,625
Образование	0,31	0

Первый фактор, однако, у всей рассматриваемой совокупности находятся в выгодной позиции относительно всего чиновного корпуса. Мы не ведем речь о том, что, например, незнатные сословия имели равные шансы с дворянами на включение в состав элиты, а утверждаем, что среди влиятельного дворянства, титулованность имела малое значение для успешности карьеры на фоне других ее представителей.

Последнюю мысль прекрасно иллюстрирует случай, описанный в дневнике министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева. В апреле 1861 г., по случаю годовщины брака императорской четы, Александр II произвел двух своих бывших адъютантов Адлерберга и Паткуля в чин генерал-лейтенанта (III класс)¹⁵⁹. Это повышение в чине можно считать успешным, так как, А.В. Адлерберг и А.В. Паткуль получили III класс сравнительно рано, в возрасте 43 лет¹⁶⁰, что на 3 года раньше среднего уровня всех исследуемых персон. И в данном случае, этот успех не зависел от того, что Адлерберг был графом, а Паткуль простым дворянином.

Отсутствие зависимости успеха от различных титулов могло являться частным случаем начала процесса деаристократизации всей бюрократии в Российской империи во второй половине XIX в. «Вследствие освобождения императора от дворянской опеки и зависимости дворянство перестало быть правящим сословием, хотя осталось привилегированным: сословные дворянские

¹⁵⁹ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 1. С. 102.

¹⁶⁰ А.В. Адлербергу 43 года исполнилось на следующий месяц после производства.

интересы были приоритетны для верховной власти, но не сравнительно с государственными интересами, а сравнительно с интересами других сословий; с мнением дворянства самодержавие считалось, но государственное управление находилось в руках бюрократии, зависимой от верховной власти, а не от дворянства»¹⁶¹.

Невыявленная зависимость карьерного успеха от вероисповедания (фактически – национальности) и места рождения противоречит распространенному в российской историографии представлению об особом статусе (преимуществе) в среде государственной элиты иностранцев. «Среди российского чиновничества было много представителей других европейских наций, преимущественно немцев, которые отличались высоким уровнем образования, профессионализма, большим прилежанием и приверженностью к законному порядку»¹⁶².

Если бы немцы действительно отличались именно уровнем образования и профессионализма, то сила зависимости от национальности была бы больше, так как при проверке влияния образовательного фактора была получена статистически значимая корреляция ($V=0,31$, $p=0,00$). Маленький коэффициент говорит о слабой связи между типом образования и карьерным успехом, но нулевая вероятность ошибки ($p=0$), то есть вероятность того, что аналогичное сочетание двух рядов можно получить случайным образом, позволяет утверждать, что воздействие этого фактора, хоть и слабо, но испытывали все члены Государственного совета.

Сказалась политика правительства в области профессионализации чиновного аппарата, проводившаяся с начала XIX в. Указ от 6 августа 1809 года, выпущенный по инициативе Сперанского, отдавал приоритет продвижения по службе образованным служащим и «в соответствии с ним, сроки производства в чины для лиц с высшим образованием были на 50% меньше, чем для лиц с

---

¹⁶¹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 401.

¹⁶² Там же. Т. 2. С. 509.

низшим образованием», а также «предусматривал обязательность диплома о высшем образовании или сдачи соответствующего экзамена на право получения чина чиновника VIII класса»¹⁶³. Его действие было прекращено в 1856 г., с этого момента образовательный уровень стал учитываться при присвоении первого (начального) служебного чина.

70% персон, вступив на профессиональное поприще, не возвращались в учебные заведения, то есть имели окончательный образовательный статус на начало карьеры. Остальные 30% позже получали дополнительное образование. Однако, средняя разница между годом вступления в первую должность и годом окончания последнего образовательного учреждения в данной группе составляет 6 лет при стандартном отклонении в 4 года. Кроме того, далеко не все из этих людей при получении дополнительного образования переходили в другую образовательную группу. Если учесть, что средняя разница между первой должностью и получением последнего чина составляла 40 лет, то можно допустить, что 10-летний срок пребывания в ином статусе у незначительной группы не сильно исказит анализ, построенный на основе группировки всех изучаемых персон по образовательному принципу.

Образовательные учреждения были сгруппированы более дискретно по сравнению с классической группировкой. Было выделено 7 типов:

1. Неопределенный тип, к которому относились все случаи получения домашнего образования и окончания частных учебных заведений;
2. Среднее классическое образование, которое включало в себя гимназии и реальные училища;
3. Среднее военное образование – кадетские корпуса и военные училища;
4. Среднее элитное (военное) образование - только одно, но весьма популярное учебное заведение – Пажеский Е.И.В. корпус;
5. Высшее классическое образование – институты и университеты;

---

¹⁶³ Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: веки эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 11.

6. Высшее военное образование – военные академии;
7. Высшее элитное образование – два престижных учреждения, готовивших чиновников: Училище правоведения и Царскосельский (Александровский) лицей.

Результаты расчетов влияния образовательного фактора представлены в Таблице 13 и Диаграмме 4.

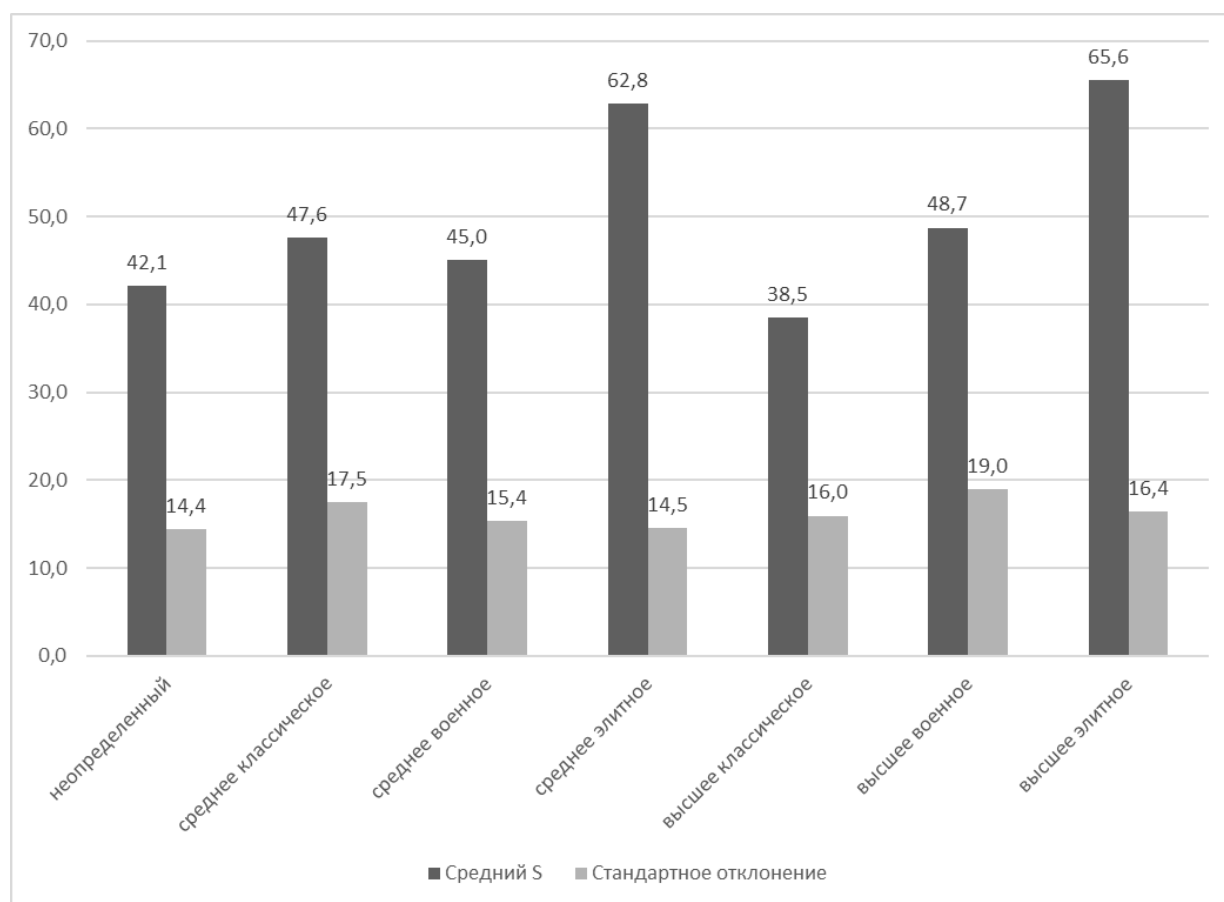
Таблица 13.

Анализ образовательных групп.

Тип образования	Количество персон	Средний S	Стандартное отклонение S	Средний возраст начала карьеры	Стандартное отклонение возраста
неопределенный	13	42,1	14,4	16	4,5
начальное	1	45,7	0,0	15	0
среднее классическое	11	47,6	17,5	18,4	1,5
среднее военное	41	45,0	15,4	15,8	3,3
среднее элитное	21	62,8	14,5	14,6	4,45
высшее классическое	76	38,5	16,0	21,7	2,4
высшее военное	43	48,7	19,0	17,2	2,8
высшее элитное	56	65,6	16,4	19,8	1
<i>итого</i>	262				

Распределение индекса успеха по образовательным группам.

Согласно таблице и диаграмме, категории элитного образования имеют максимальные показатели индекса успеха. Данный результат можно попытаться объяснить тремя причинами. Во-первых, обучение в элитном учреждении часто обеспечивало дальнейшее включение его выпускника в государственные структуры, так, например, выпускник Училища правоведения, согласно §17 Устава Училища, обязан был отслужить минимум 6 лет по ведомству министерства юстиции¹⁶⁴, а служба в пажемском корпусе обеспечивала прямой контакт со Двором. Более того, эта интеграция происходила достаточно рано. В случае среднего элитного образования начало поступления в пажемский корпус уже считалось фактом начала карьеры и запускало механизм выслуги лет. В высшем элитном образовании средний возраст начала службы был значительно

¹⁶⁴ Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения. СПб.: ООО "Издательство «Росток», 2006. С. 41.

выше. Однако стоит учитывать, что служба эта сразу же начиналась в высших правительственных учреждениях в чинах не ниже десятого класса.

Во-вторых, сам факт обучения в престижном заведении говорит о высоком положении и влиянии фамилии. Это влияние, безусловно, могло облегчать продвижение по карьерной лестнице.

В-третьих, качество образования и навыков, полученных в высших учреждениях, скорее всего, были лучше, чем в иных. Примечательно в этом ключе сравнение среднего элитного образования с высшим элитным. Ученики пажееского корпуса начинали карьеру раньше, но с более низких классов, чем выпускники высших элитных учреждений, однако средний возраст получения чина VIII класса, равняющийся у обеих групп 24 годам, говорит об относительно одинаковом старте. Несмотря на это, показатели успеха высшего элитного образования лучше показателей среднего элитного, что, скорее всего, говорит о дальнейшей, более эффективной реализации своего потенциала выпускниками гражданских учреждений. Но даже если предположить, что преимущество лиц с высшим элитным образованием было следствием простого формального отбора (на основе документа об окончании образовательного учреждения), то это не сильно искажало появившуюся в то время тенденцию профессионализации высшей бюрократии, так как, в любом случае, образование играло важную роль «в формировании типических черт личности»¹⁶⁵.

Несмотря на то, что, по утверждению Н.П. Ерошкина, для высшей бюрократии Российской империи в дореформенное время был характерен относительно низкий уровень специализации, «своеобразный бюрократический дилетантизм»¹⁶⁶, учитывая данные §2 текущей главы, количество специалистов начало расти еще до реформы, и процесс формирования профессиональной бюрократии, запущенный при Николае I, стал давать видимые результаты уже при Александре II.

---

¹⁶⁵ Сохраняева Т.В. Образование как фактор культурной динамики (Опыт прочтения Птитирима Сорокина) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1998, №6. С. 87.

¹⁶⁶ Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. С. 101.

Еще один элемент данной таблицы требует особого внимания – это классическое высшее образование. Парадоксальным образом, группа лиц, причисленных к данной категории, обладает наименьшим индексом успеха. Еще более странно то, что все учащиеся институтов априори должны были закончить гимназии, но показатель успеха тех, кто учился в гимназии и институте ниже, чем показатель успеха тех, кто учился только в гимназиях.

Однако парадоксальность данной ситуации находит простое объяснение. Университетское образование в России XIX в. – это образование, привязанное к конкретной профессии неуправленческого и неадминистративного характера. Очевидно, что люди, поступавшие в высшие учебные заведения на определенные специальности, планировали в дальнейшем связать свою жизнь именно с полученной профессией. Они до определенного момента не проявляли интереса к государственной службе. С другой стороны, окончание гимназии и поступление на службу свидетельствует об определенных амбициях в этой сфере. Это предположение показательно подтверждает сохранившаяся в записной книжке А.П. Чехова фраза: «Тот, кому чужда жизнь, кто неспособен к ней, тому ничего больше не остается, как стать чиновником»¹⁶⁷. К слову, тех, кто поначалу не мечтал о политической карьере, среди представителей государственной элиты, рекрутированных с 1826 по 1880 год, набралось 76 человек (28%).

Схожую позицию излагает историк Э.Н. Берендтс: «Вектор образовательного процесса в гимназиях и университетах был направлен на получение широких общих знаний, а не на практикоориентированные знания, необходимые для управления. В образовании отсутствовал компетентностный подход. Кроме того, среди чиновников [получивших такое образование] было много либералов, которые думали не о конкретных делах управления, а о преобразованиях и политической деятельности»¹⁶⁸.

---

¹⁶⁷ Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Том семнадцатый. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. М.: "Наука", 1987. С. 71.

¹⁶⁸ Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1913. С. 111—113.

Мысль о том, что зависимость карьерного успеха от образования напрямую связана именно с полученными профессиональными навыками подтверждает и низкий показатель индекса у лиц с неопределенным типом образования (чаще всего – домашнего). «В отдельных случаях, правда весьма редких, как, например, у кн. А.С. Меньшикова, оно равнялось высшему, но, как правило, оно было ниже среднего. <...> Домашнее образование значительно уступало систематическому курсу гимназии»¹⁶⁹. При условии, что из персон с неопределенным типом образования в анализируемой выборке только треть (33%) представляют высокотитулованное дворянство, то есть тех, которые могли представлять эти «отдельные случаи», низкий уровень среднего индекса данной группы задается остальными 67% «типичных» случаев некачественного домашнего образования. И это при условии, что данный тип имеет один из минимальных показателей возраста начала карьеры – 16 лет (классическое высшее, к слову – 22 года).

В сложившейся ситуации именно группа лиц с классическим высшим образованием идеально подходит для детального анализа. Отсутствие у данной группы как гарантированной интеграции в государственный аппарат уже на стадии получения образования, так и политических амбиций на ранних этапах карьеры, позволяет рассмотреть в относительной изолированности факторы таланта и работоспособности. Именно данный элемент мог быть исключительной чертой биографии выпускников высших образовательных учреждений Российской империи, в том числе военных и элитных. Конечно, это не означает того, что персона из группы со средним или неопределенным образованием не могла быть талантлива и обладать большой трудоспособностью, но гарантированно заявлять это – безосновательно. В то же время подавляющее большинство окончивших университеты и академии, скорее всего данными чертами обладали. В отличие от высшего элитного и высшего военного (военные академии были ориентированы на дальнейшую службу в Генштабе или на высших постах в армии, что могло способствовать контакту

---

¹⁶⁹ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. С. 131.

персоны со Двором), простое высшее образование не предполагало механизмов дальнейшей автоматической интеграции во власть, за исключением того, что кандидатам наук при поступлении на статскую службу присваивался X класс чина.

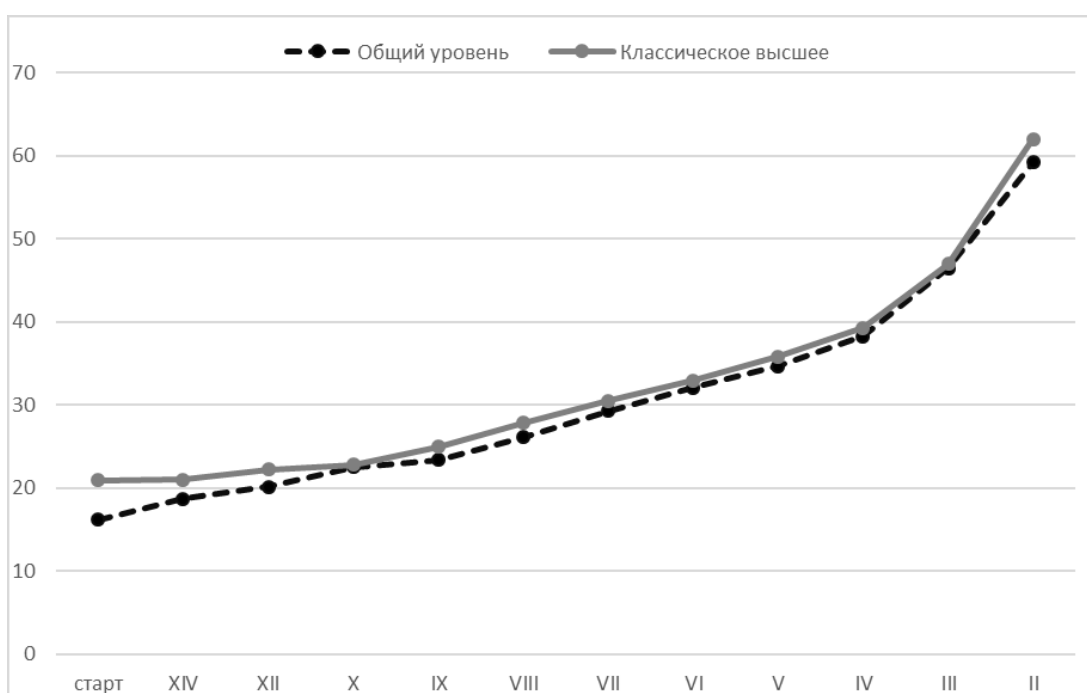
Как видно из Таблицы 13, средний возраст первой должности у людей с классическим высшим образованием по сравнению с другими типами – максимальный. Возможно, на низкий показатель карьерного успеха влияет именно поздний старт, обеспечивавший «догоняющие» позиции данной категории?

Результатом корреляционного анализа Пирсона (сравнивающего две интервальные шкалы) индекса успеха образовательной группы и её среднего возраста начала карьеры стал коэффициент, равный $-0,18$, что доказывает отсутствие взаимосвязи между «ранним стартом» и успехом карьеры.

Диаграмма 4 иллюстрирует динамику средних возрастов получения чина у группы лиц с классическим высшим образованием относительно всей изучаемой выборки.

Диаграмма 4.

Динамика среднего возраста (лет) получения чина лиц с классическим высшим образованием.

Как видно, сильное отставание, связанное с поздним стартом на ранних этапах карьеры, компенсируется на отметке X класса. Выходит, возраст кандидата наук (56% из всех персон с простым высшим образованием), с которым он зачислялся на статскую службу (получая X класс), примерно соответствовал среднему возрасту всей анализируемой совокупности, то есть половина персон с классическим высшим образованием не стартовали с «догоняющих» позиций. Однако, позиция IX класса вновь демонстрирует отставание, которое сохраняется на протяжении всей последующей карьеры.

Таким образом, данный этап факторного анализа карьерной динамики будущих представителей политической элиты позволяет установить зависимость успеха от типа образования. Учреждения, принципиально ориентировавшиеся на подготовку элиты, демонстрируют свою эффективность именно на этом поприще. Выпускники гражданских учреждений (за исключением случая с классическим высшим образованием) строили более успешную карьеру, нежели выпускники военных учреждений того же уровня.

Врожденные социальные качества, такие, как титул и положение семьи, существенного влияния на карьеру представителей высшей бюрократии не оказывали. Преимущество подданных иностранного происхождения над российской элитой также не выявлено.

4.2. Результаты корреляционного анализа интервальных шкал. Опыт математической реконструкции данных о земельной собственности.

Если большинство анализируемой информации, представленной в базе данных, целесообразно было выражать в виде номинальной шкалы, то исследование имущественного фактора имеет смысл проводить посредством сравнения интервальных шкал, так как группировка информации об экономическом благосостоянии может «огрубить» корреляционную зависимость. Кроме того, сама процедура группировки, в таком случае, была бы осуществлена эмпирически, по причине отсутствия адекватной (данному

подходу) имущественной классификации, принятой в современной историографии.

Формулярные списки и личные дела членов Государственного совета содержат сведения об их имущественном положении. Информация этого рода в изначальном виде недостаточно подходит для её полноценного использования в качестве исследуемого фактора. Во-первых, как отмечал Д.Н. Шилов, сведения об имуществе записывались со слов самих чиновников и, вероятно, не всегда (намеренно или ненамеренно) отображали всю полноту информации. «В современной литературе поставлен вопрос о необходимости перепроверки сведений об имущественном положении чиновничества, извлекаемых из формулярных (послужных) списков. Очевидно, что государственные служащие, претендуя на получение разного рода материальных выгод от верховной власти, были заинтересованы в преуменьшении собственного благосостояния в ее глазах. Члены Государственного совета имели для того дополнительные возможности, поскольку, на основании высочайшего повеления 1842 г., ответственность за достоверность сообщаемых в их формулярных списках сведений возлагалась исключительно на них самих»¹⁷⁰.

Второй момент, осложняющий использование информации об имущественном положении, заключается в том, что, чиновники, приводя сведения о собственности, использовали различные, слабо связанные между собой, единицы измерения. Так, размер поместья мог описываться, как количеством душ мужского пола, так и десятинами земли.

В-третьих, применяемые единицы измерения не дают полной информации об экономическом потенциале того, что они измеряют. Например, одно и то же количество десятин земли могло производить разное количество прибавочного продукта в зависимости от типа и качества почвы, климатических условий, характера её обработки и т.д. Не вся земля использовалась в качестве посевных

---

¹⁷⁰ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 5.

площадей. Нет сведений о хозяйственных и промышленных строениях которые могли располагаться на территории имения.

В-четвертых, приведенная в источниках информация не отражала и не могла отражать всего экономического положения чиновника. Например, «к 1917 г. служба, по крайней мере для 61,6 % высших бюрократов, стала главным источником доходов»¹⁷¹. Помимо доходов от земельной собственности и службы, представитель высшей бюрократии мог позволить себе и другие источники. Активное участие государственной элиты в деятельности различных частных компаний вызвало необходимость введения в 1884 г. специального нормативного акта, запрещавшего государственным служащим заниматься предпринимательской деятельностью и частной службой. «До запретительного закона 1884 г. 225 высокопоставленных чиновников Министерства финансов занимали 251 должность в частных компаниях; из 1006 инженеров, находившихся на государственной службе по ведомству Департамента железнодорожных дел, 370 служили по совместительству в частных железнодорожных компаниях. В начале XX в. 115 чиновников четырех высших классов владели промышленными предприятиями, и еще 160 занимали свыше 240 мест в руководящих органах частных компаний»¹⁷².

Несмотря на определенную фрагментарность сведений, касающихся благосостояния, есть возможность на основании имеющихся в анализируемых источниках данных частично исследовать влияние имущественного фактора на карьерную динамику. В этой связи, наиболее доступным для анализа биографическим фактом является размер земельной собственности. Записанная со слов чиновников информация, даже если и была неполной, все равно дает представление об определенном «минимуме» благосостояния. Если сокрытие части недвижимого имущества могло иметь смысл, то с трудом представляется эпизод приписывания себе дополнительных не существовавших десятин земли.

---

¹⁷¹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 503.

¹⁷² Там же. Т. 2. С. 492.

Кроме того, Д.Н. Шилов, проводивший сравнение данных о земельной собственности в формулярных списках с данными из других источников, посвященных, чаще всего, землевладению в отдельных губерниях, сделал вывод о том, что «формуляры в основном адекватно отражают действительность»¹⁷³.

Крупная земельная собственность говорила не только, и даже не столько об экономическом, сколько о социальном положении персоны, которая ею обладала. Несмотря на развитие буржуазных экономических моделей в России второй половины XIX в., земельная собственность, всё же, на протяжении изучаемого периода, оставалась признаком определенного престижа.

Таким образом, статистически значимая корреляция между размером земельной собственности и индексом успеха может говорить, как минимум, об определенном влиянии фактора престижа на карьерную динамику в среде представителей государственной элиты.

Фрагментарность имеющихся данных о земельной собственности усложняется тем, что, как было отмечено ранее, часть информации была представлена принципиально иными единицами измерения. Самой распространенной характеристикой имения была её площадь, выраженная в десятинах (384 случая на 160 человек). Однако, встречаются и обозначения размера имения, выраженные только в количестве душ мужского пола, приписанных к ним (14 случаев на 9 человек). Чтобы избежать нежелательной потери и без того малочисленной информации, было принято решение попытаться реконструировать площадь имения на основании данных о количестве душ в этих 14-ти случаях.

Основой реконструкции стали данные, содержавшие в себе информацию как о размере имения, так и о количестве находящихся в нем душ (47 случаев). На их основе был произведен корреляционный анализ Пирсона (r) между двумя имеющимися рядами, показавший высокую корреляционную зависимость между размером земельной собственности и приписанным к ней количеством

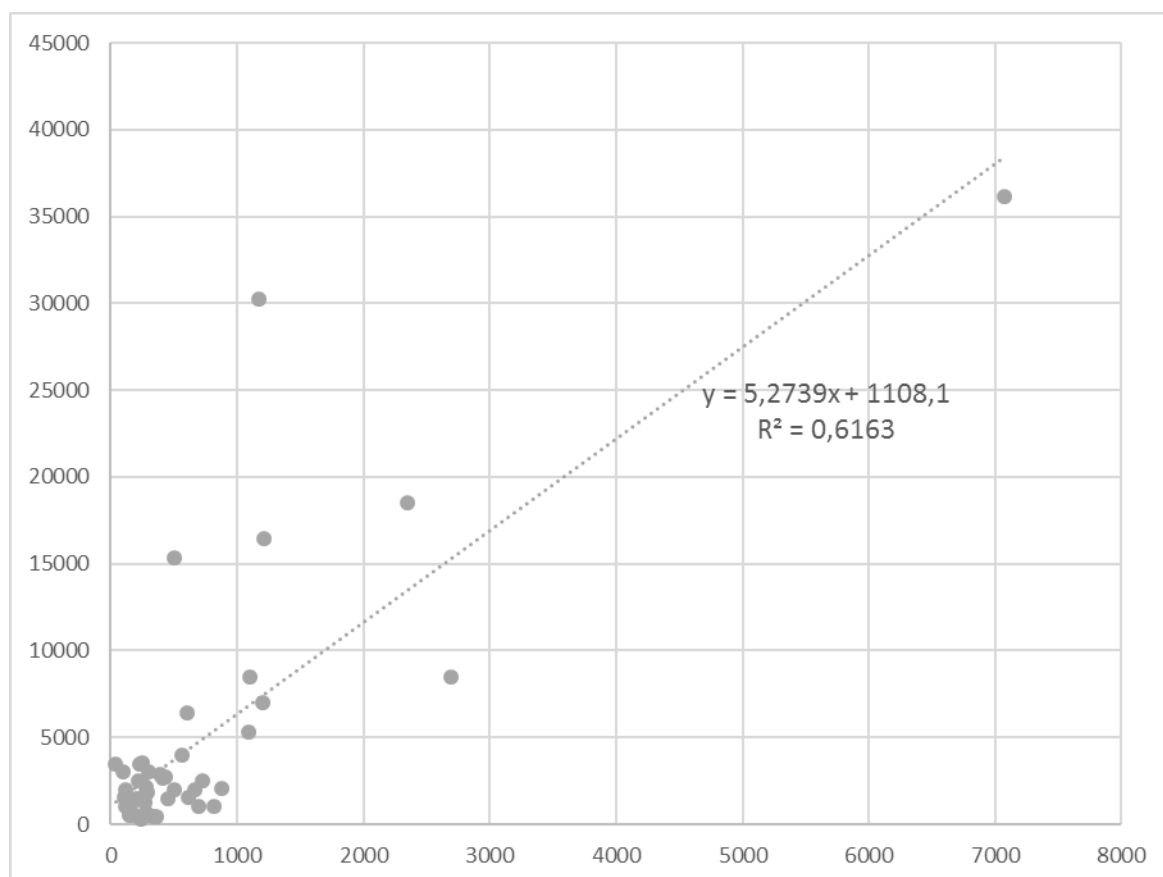
---

¹⁷³ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 6.

душ ($r=0,79$). Этот результат позволяет сделать тривиальный вывод о том, что существовала прямая зависимость между площадью имения и количеством её населения. Однако выявление высокого коэффициента корреляции было необходимо для санкционирования проведения регрессионного анализа, который «раскрывает характер количественных отношений между независимой и зависимой переменными и позволяет предсказывать значение одной переменной по значению другой»¹⁷⁴. Диаграмма 5 иллюстрирует результат регрессионного анализа между независимой площадью земли в десятинах и зависимом количеством душ.

Диаграмма 5.

Регрессионный анализ взаимосвязи площади земли (Y, дес.) и количеством душ (X).

¹⁷⁴ Миронов Б.Н. Степанов З.В. Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании). М.: Наука, 1976. С. 71.

Главным элементом регрессионного анализа является полученное уравнение прямой линии тренда:

$$y=5,2739x+1108,1; R^2=0,6163 \quad (4)$$

где x – количество душ мужского пола;

y – площадь земли в десятинах;

R^2 – коэффициент детерминации модели.

Коэффициент детерминации изменяется в диапазоне $[0;1]$ и выражает степень соответствия линии тренда разбросу облака точек, которое тренд стремится описать. Иными словами, коэффициент детерминации измеряет репрезентативность модели. В статистике принято считать, что модель является приемлемой при $R^2 > 0,5$. Полученная нами модель содержит коэффициент детерминации в размере 0,62.

На основе полученного уравнения были реконструированы площади 14-ти имений, находящихся у 9-ти человек. В итоге, на основании имевшихся и реконструированных значений были сформированы ряды данных из:

1. Суммарных площадей всего недвижимого имущества на 166 персон (исключены великие князья и герцоги);
2. Суммарных площадей родового недвижимого имущества на 92 персоны;
3. Суммарных площадей приобретенного в процессе жизни недвижимого имущества на 131 персону.

Первая группа включает в себя всю недвижимую собственность, отраженную в формулярных списках и личных делах каждого чиновника, в том числе и ту, которая могла быть приобретена на поздних этапах карьеры. Такой «объемный» охват позволяет учесть крупных землевладельцев, обладавших, как родовой собственностью, так и приобретенной, стремившихся к её умножению и сохранению. Это могло свидетельствовать, во-первых, об определенных амбициях в социальном статусе персоны, а, во-вторых, о возможных

положительных административно-хозяйственных и экономических навыках, обеспечивавших сохранение крупных поместий в собственности во второй половине XIX века, характеризующейся в современной историографии как период общего обнищания дворянства.

Вторая группа включает в себя исключительно родовую собственность, то есть позволяет оценить влияние положения семьи в целом и социально-экономического положения отца в частности на карьеру будущего представителя государственной элиты.

Третья группа содержит исключительно приобретенную в процессе сознательной жизни земельную собственность (не только купленную, но и полученную в процессе женитьбы) и может отражать группу активных и предприимчивых чиновников, уделявших внимание землевладению независимо от своего первоначального имущественного положения.

Проведенные корреляционные анализы Пирсона (r) между индексом успеха и данными каждой из этих групп позволяют утверждать, что на процесс карьерного восхождения будущих представителей элиты не оказывали никакого влияния общий размер земельной собственности, родовая вотчина и количество приобретенной земли (Таблица 14).

Таблица 14.

Зависимость индекса успеха от площади земельной собственности.

№	Группа	Коэффициент (r)	Вероятность ошибки (p)
1	Вся земля	0,01	0,858
2	Родовая	<0,00	0,989
3	Приобретенная	0,03	0,709

§5. Влияние факторов социального капитала на карьерный успех.

Формализация коллективной профессиональной биографии членов Государственного совета с помощью реляционной базы данных и расчета некоторых индексов открывает возможность анализа влияния неучтенных в базе сложноформализуемых факторов на конкретную карьеру. Кроме того,

полученные ресурсы могут выступать инструментом верификации и критики исторических источников и исследований.

Например, множество источников личного происхождения XIX в. хранят в себе заметки их авторов по поводу «удачной женитьбы» того или иного человека, обеспечивавшего себе, тем самым, дальнейшее успешное положение на службе. Естественно, не имеет смысла пытаться сформулировать некое общее представление о действительной эффективности браков по расчету в то время. Однако можно проанализировать каждый интересующий случай.

Воспитанник Пажеского корпуса (военное элитное образование), дворянин, впоследствии – Варшавский генерал-губернатор Альбединский Петр Павлович (1826-1883) сделал блестящую карьеру ($S=81,5$, 11-е место из 262). Многие современники связывали его успех с женитьбой на любимой фрейлине императрицы Марии Александровны (супруги Александра II) и фаворитке самого императора княжне Долгоруковой Александре Сергеевне. Их помолвка и последующая свадьба в Царском селе была предметом обсуждений самых высокопоставленных чиновников. «Говорят, что брачный союз ген. Альбединского и кн. Долгорукой – дело решенное и даже объявленное»¹⁷⁵ - написал в своем дневнике в мае 1862 г. министр внутренних П.А. Валуев. Брак, оформленный в том же году, принес П.П. Альбединскому чин генерал-лейтенанта (III класс), через 3 года после свадьбы или спустя 6 лет службы в чине генерал-майора. Средний возраст получения чина III класса в базе данных равняется 46 годам. Альбединскому присвоили этот чин в 40 лет (!). Чин II класса он получит в 52 года против средних 59 лет. Можно предположить, что брак государственного служащего и царской фаворитки сыграл на руку первому, если бы не одно обстоятельство.

---

¹⁷⁵ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 1. С. 195.

Динамика чинопроизводств П.П. Альбединского (по Y – возраст, по X – класс чина).

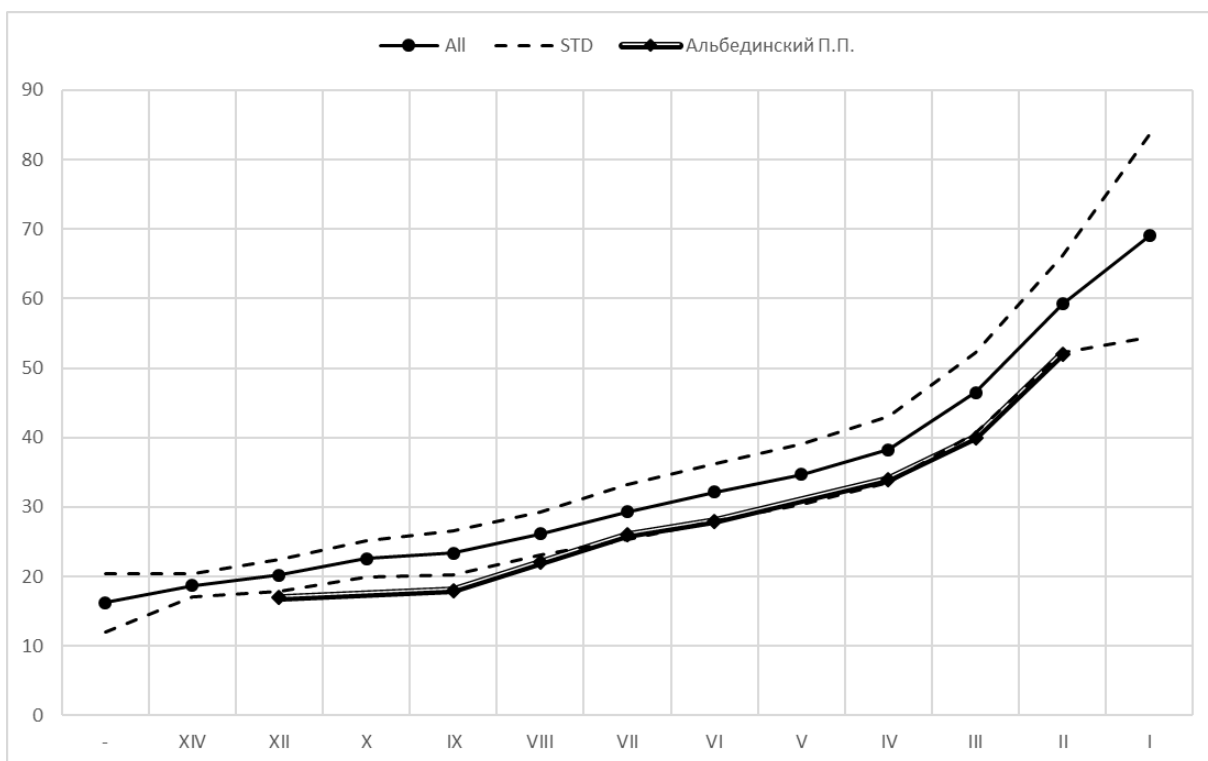

Диаграмма 6, иллюстрируя карьерный путь исследуемой персоны, показывает, что на протяжении всей своей служебной биографии П.П. Альбединский демонстрировал аналогичный успех: линия динамики его чинопроизводств идет почти строго по нижней границе одного стандартного отклонения (STD, при нормальном статистическом распределении ряда около 68% значений расположены в пределах этого коридора и также могут расцениваться как средние) от среднего возраста для всей совокупности. Свадьба, сыгранная на отметке чина IV класса, в последующем не изменяет данного положения.

Е.М. Феокистов, зная лично Альбединского, в своих мемуарах писал: «Руководился ли он исключительно расчетом, когда вступил в брак с княжной Долгоруковой? Трудно проникнуть в чужую душу, но многое заставляет ответить на этот вопрос утвердительно»¹⁷⁶. Возможно Феокистов не слухавил и

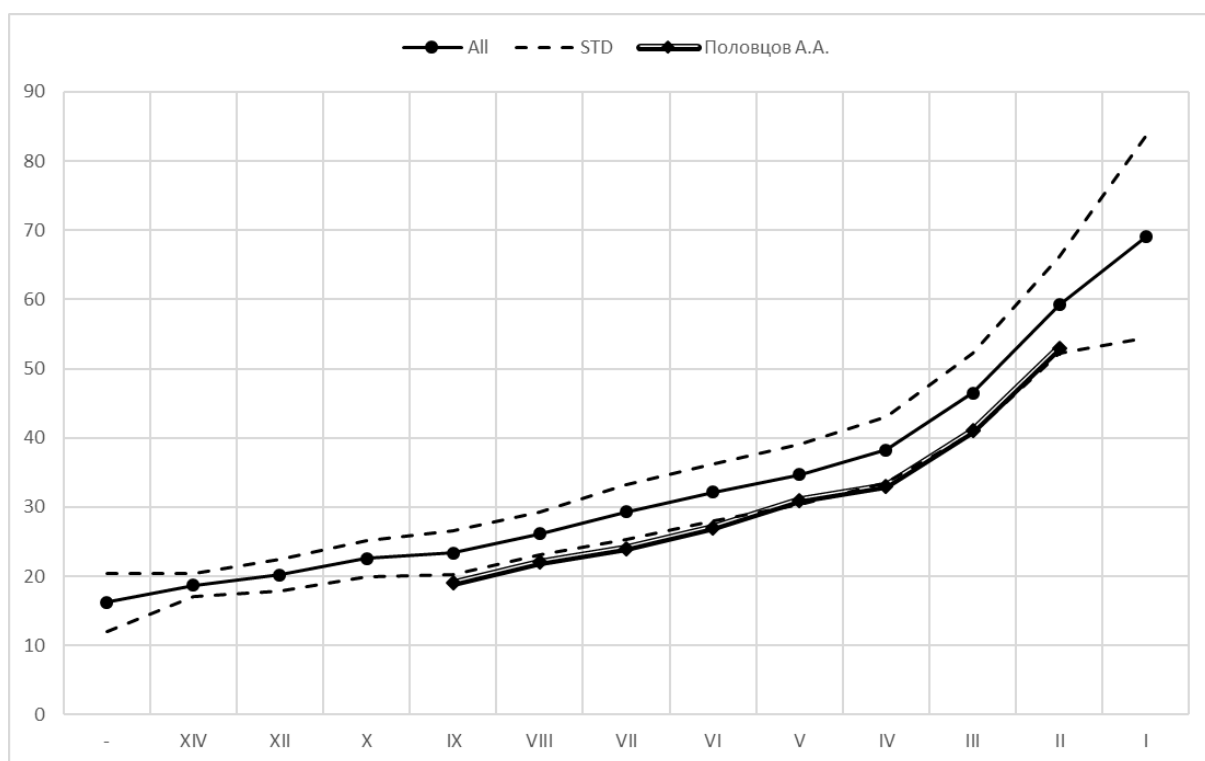
¹⁷⁶ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). М.: Новости, 1991. С. 280.

даже не ошибся, и Альбединский действительно руководствовался исключительно расчетом, вот только этот расчет не оправдался.

Аналогичная ситуация связана с женитьбой секретаря Государственного совета Александра Александровича Половцова (1832-1909) на Надежде Михайловне Июневой – внебрачной дочери великого князя Михаила Павловича и воспитаннице барона А.Л. Штиглица, обладавшего значительным состоянием, которое Половцов и унаследовал после его смерти.

Диаграмма 7.

Динамика чинопроизводств А.А. Половцова (по Y – возраст, по X – класс чина).

Линия карьерной динамики А.А. Половцова ($S=80,1$, 16-е место из 262) очень похожа на линию П.П. Альбединского, несмотря на то, что она, в данном случае, принадлежит статскому служащему. Окончание с золотой медалью Императорского училища правоведения (высшее элитное образование) позволило ему достаточно рано, в 19 лет, получить чин титулярного советника (IX класс) и далее развивать этот успех. Женитьба на приемной дочери барона Штиглица в 1861 году (на тот момент Половцов имел чин VI класса), также, как

и в случае с Альбединским, существенным образом не сказалась на характере изменения графика.

Куда более неопределенным и сложным для формализации является понятие протезирования. В первую очередь потому, что протезирование не имело четких направлений и временных рамок. Влияние семьи, неизбежно оказываемое на карьерную динамику чиновников, могло иметь разную силу в разные моменты времени и даже вызывать негативной эффект. Так, на примере биографии генерала Н.Н. Раевского можно увидеть «внедрение» пассивного влияния в активные действия самой персоны.

«Служба в казачьих войсках стала для Николая Николаевича подлинной полевой академией. Поручик Раевский, получивший лишь домашнее образование, на практике изучает военную науку: кочует в степях с казаками, стережет армию на аванпостах, участвует в разведках и перестрелках, ведет осадные работы в траншеях крепости Бендеры «и везде приобретает уважение подчиненных и одобрение начальников». В 19 лет он встает во главе Казачьего полка булавы великого гетмана, а в 20 получает чин полковника. И только скоропостижная смерть князя Потемкина в конце 1791-го прерывает на время стремительную карьеру его внучатого племянника; генеральского чина Раевскому пришлось ждать десять лет»¹⁷⁷.

Протезирование не было просто прихотью, а имело под собой конкретные социальные предпосылки. Эта же социальная основа определяла сложную структуру и сеть влияния. «По причине слабостей государственных институтов <...> дворянство образовывало мощные узлы патрон-клиентских отношений, которые объединяли столичное дворянство с провинциальным в своеобразные лоббистские группы, связанные взаимными интересами. С наиболее сильными из этих групп императоры вынуждены были считаться»¹⁷⁸. Стоит добавить, что основой формирования этих групп являлись не только родственные отношения.

---

¹⁷⁷ Эжштут С.А. Пять сражений генерала Раевского // Родина. 2016, №9. С. 45.

¹⁷⁸ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 387.

На протяжении XIX в. претерпевал постепенные изменения критерий идентификации «своих», который к концу столетия стал отдавать приоритет идейному родству, нежели nepoтизму¹⁷⁹.

Говоря о процессе формирования государственной элиты, имеет смысл учитывать «высшую точку» приложения влияния – позиция монарха. «Кадровая политика была прерогативой самодержца. Естественно, что основным критерием отбора должны были быть профессиональные качества кандидата, но ознакомиться с ними император мог или путем личного знакомства, или по рекомендации другого влиятельного лица»¹⁸⁰.

Безусловно, эффективнее всего на эту «высшую точку» воздействовали члены императорской фамилии «Люди, говорившие “ты” императорам, имевшие к ним неограниченный доступ, обладавшие исключительным сословным и материальным положением, имели гораздо большее значение, чем это было оговорено законом»¹⁸¹.

Так, по представлениям великого князя Сергея Александровича, «важнейшим условием благополучного существования России, “его России”, было выдвижение на ответственные посты в государственном управлении достойных людей, наделенных сильной волей и твердыми монархическими принципами, способных действовать твердо и решительно, *наперекор салонному неудовольствию* (выделено мною – К.К.), для исполнения воли самодержца. И несколько весьма известных фигур действительно выдвинулись по рекомендациям московского генерал-губернатора на самый верх иерархической пирамиды»¹⁸².

В контексте данного исследования еще более примечательна фигура великого князя Константина Николаевича (1827-1892). Активно принимавший участие в государственной деятельности в период Великих реформ, он,

---

¹⁷⁹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 508.

¹⁸⁰ Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797-1917). Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 56.

¹⁸¹ Там же. С. 3.

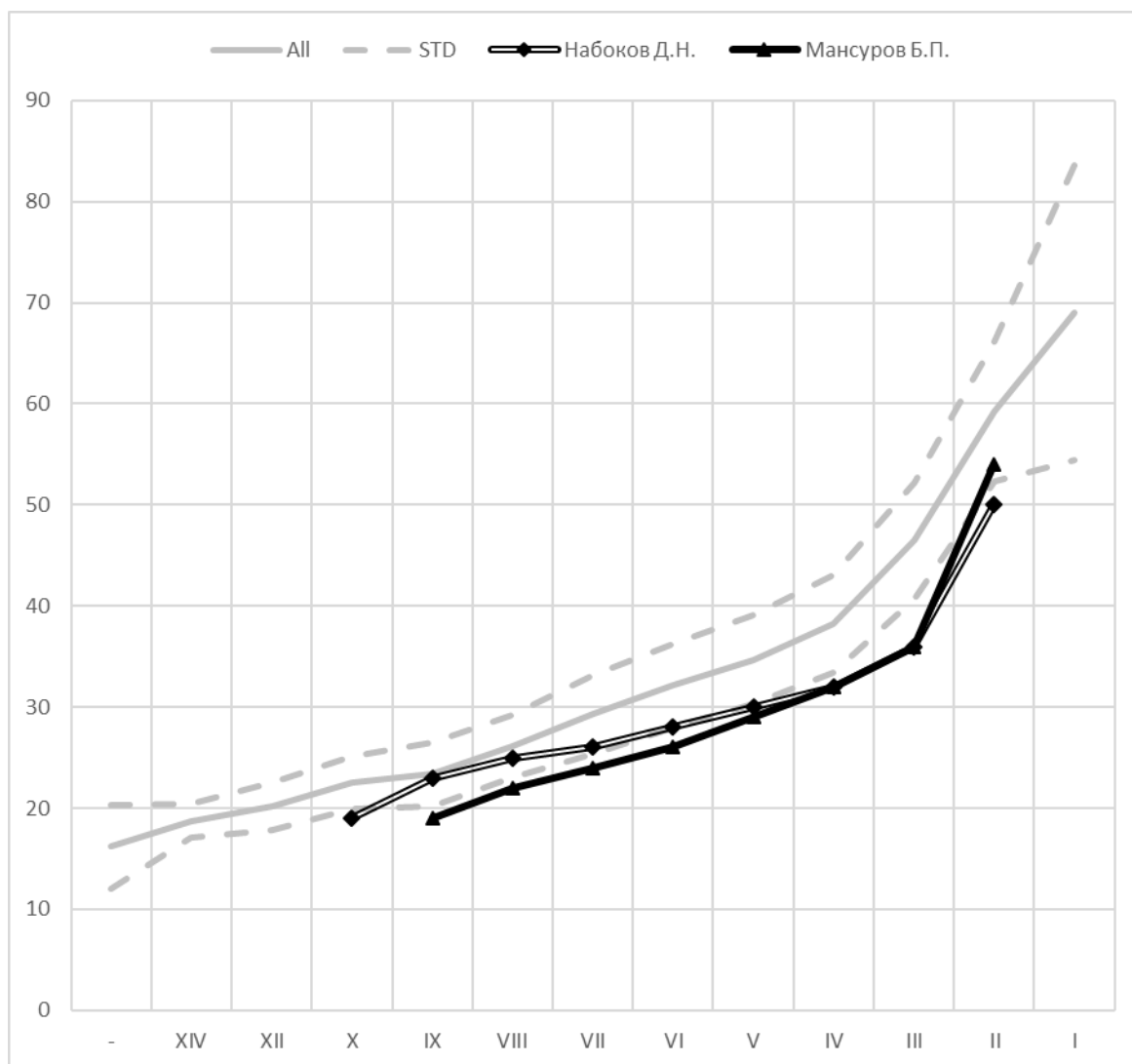
¹⁸² Боханов А.Н. Обреченный // Родина. 1994, №5. С. 46.

используя свое влияние и возглавляя морское министерство, создал целую «политическую партию», составленную из выдающихся чиновников, до конца жизни «за глаза» называвшихся «константиновцами».

Силу влияния протекции Константина Николаевича на карьерный успех хорошо иллюстрирует следующий случай. В 1857 г. «желая скорее продвинуть по службе нескольких чиновников Морского министерства <...> и будучи стеснен в этом постановлениями о чинах, великий князь испросил производство 5 из них в действительные статские советники <...> (гг. Набоков, Мансуров, Глебов, Барановский, Варранд)»¹⁸³.

Диаграмма 8.

Динамика чинопроизводств Д.Н. Набокова и Б.П. Мансурова (по Y – возраст, по X – класс чина).

¹⁸³ Головин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Издательство "Д.А.Р.К.", 2006. С. 137.

Чин действительного статского советника соответствовал IV классу Табели о рангах. Д.Н. Набоков (S=75,8, 27 место из 262) и Б.П. Мансуров (S=84,8, 3 место из 262) были произведены в этот чин на 6 лет раньше среднего уровня, но что еще более важно, последующий III класс им будет также присвоен во время службы под началом великого князя, но уже на 10 лет раньше среднего.

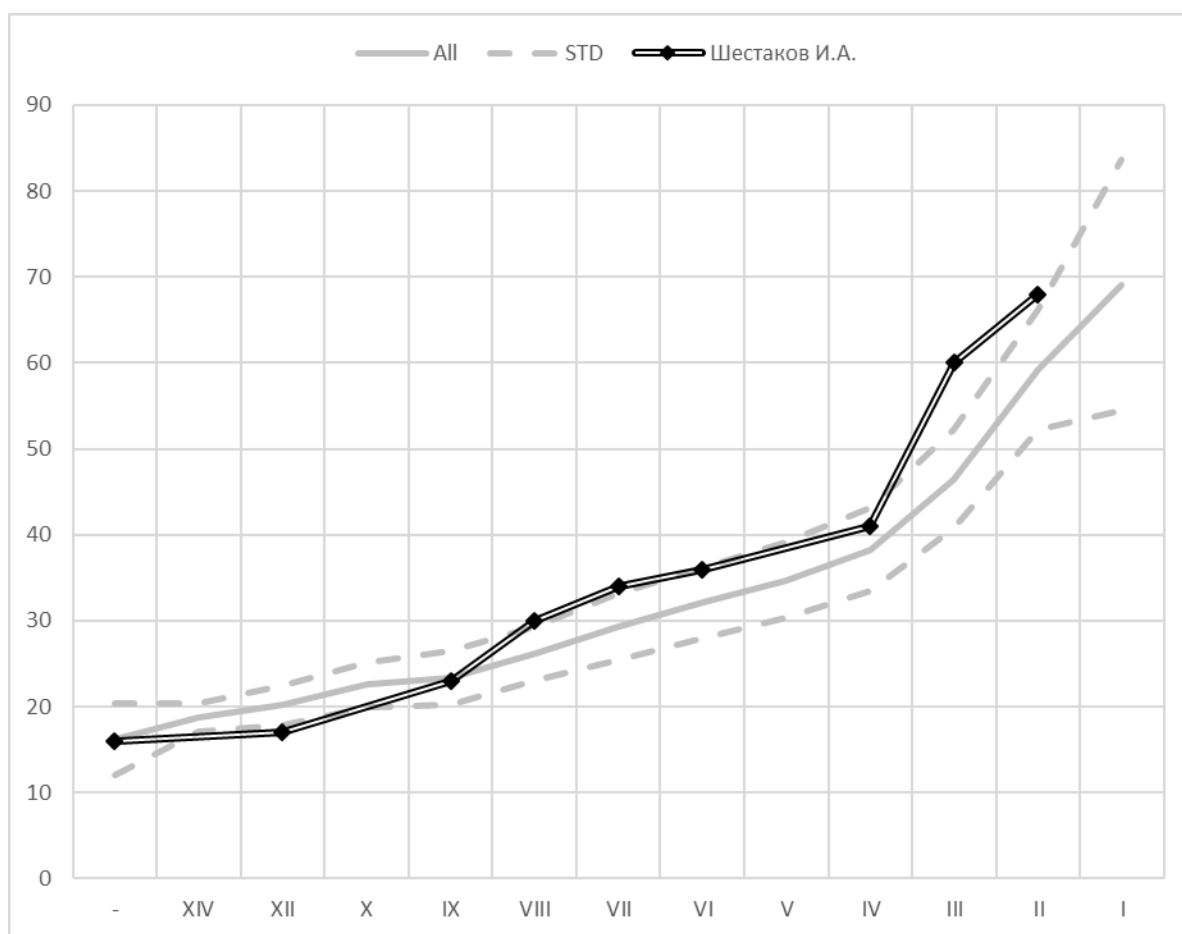
Если линия карьерной динамики Б.П. Мансурова на всем своем протяжении лежала ниже коридора стандартных отклонений, то линия Д.Н. Набокова выходит из этого коридора на отметке VI класса, то есть тогда, когда он получает первый чин, служа под началом Константина Николаевича в морском ведомстве, куда он перешел из министерства юстиции в 1853 г.¹⁸⁴

Говоря о протектировании, стоит также рассмотреть противоположное этому явление – опалу. Показателен случай министра морского ведомства адмирала И.А. Шестакова (1820-1888, S=30,1, 220 место из 262), который ранее, будучи служащим этого ведомства, вступил в конфликт со своим начальником морским министром Н.К. Краббе (также константиновцем, как, собственно, и сам Шестаков).

---

¹⁸⁴ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 502.

Динамика чинопроизводств И.А. Шестакова (по Y – возраст, по X – класс чина).

Как писал мемуарист Н.Н. Мамонтов, служивший в морском ведомстве, И.А. Шестаков, являясь адъютантом Константина Николаевича «был много ему обязан своим быстрым повышением»¹⁸⁵. Попробуем разобраться в данной фразе. Адъютантом великого князя Шестаков стал, находясь в чине VII класса. До этого момента его карьера действительно не демонстрировала больших успехов за исключением быстрого производства в XII чин за участие в морском сражении¹⁸⁶. После этого успеха начался период постепенного отставания, завершившийся выходом в VII классе за верхнюю границу коридора стандартного отклонения. Последующие чины адъютанта Шестакова до IV класса включительно постепенно возвращали линию карьерной динамики в

¹⁸⁵ При шести министрах (1875-1897). (По личным воспоминаниям) // Вестник общества ревнителей истории. 1916, вып. 3. С. 91.

¹⁸⁶ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 825.

пределы коридора, но среднего значения так и не достигли. Насколько этим незначительным улучшением Шестаков «был обязан» великому князю – вопрос спорный, однако, как не сложно догадаться по графику, случай, вызвавший опалу, происходит на отметке IV класса и последующее производство в III класс происходит на 14 лет позже среднего уровня (в 60 лет), что однозначно свидетельствует об опале. Даже когда при Александре III и Константин Николаевич и Н.К. Краббе утратили свое влияние, а Шестаков был назначен морским министром, он не смог компенсировать это отставание и также достаточно поздно был произведен во II класс (средний возраст II класса 59 лет – в принципе недостижимая граница для него).

Приведенные примеры анализа сложноформализуемых факторов протектирования (удачный барк можно расценивать как его частный случай) не позволяют заявить о некоем общем подходе к оценке его влияния на профессиональную биографию. Однако сам инструмент анализа демонстрирует свою эффективность в изучении этого фактора в каждом конкретном случае.

ВЫВОД.

Характеризуя качество госаппарата Российской империи в пореформенное время, П.А. Зайончковский писал: «В сфере политической надстройки феодальные пережитки также занимают большое место. Буржуазные реформы 60-70-х годов означали лишь “шаг на пути превращения России в буржуазную монархию”. Государственный же аппарат в целом продолжал сохранять феодальную природу»¹⁸⁷. Состав Государственного совета был охарактеризован как дилетантский из-за низкого образования его членов и засилья военных¹⁸⁸.

Приведенные методики количественного анализа факторов карьерной динамики будущих членов Государственного совета Российской империи,

---

¹⁸⁷ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М.: Издательство Московского университета, 1964. С. 473.

¹⁸⁸ Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. С. 131.

начинавших свою службу в 1826-1880 гг., позволяют сделать следующие выводы.

Высокое социальное положение, выраженное в системе феодальных титулов, в середине XIX в. не давало существенного преимущества в конкуренции за обладание статусом представителя государственной элиты. Однако стоит уточнить, что эта конкуренция разворачивалась на верхних социальных стратах, доступ к которым был сильно затруднен для представителей незнатных сословий.

Такой значимый в феодальном обществе показатель, как количество обладаемой земли не оказывал никакого влияния на формирование и состояние слоя государственной элиты. Это может объясняться тем, что в XVIII – начале XX в. наблюдается обуржуазивание части бюрократии, особенно её верхушки, что нашло свое проявление в предпринимательской деятельности чиновников. Уже в 1860-е гг. значительная часть чиновников участвовала в учредительстве акционерных компаний и банков, возглавляя их по совместительству с государственной службой в качестве директоров, членов правлений и советов¹⁸⁹.

Обуржуазивание государственной элиты доказывает установленный факт детерминированности успешности карьеры типом полученного образования. Учреждения, принципиально ориентировавшиеся на подготовку чиновников и придворных, демонстрируют свою эффективность на поприще формирования государственной элиты. Окончившие эти заведения персоны в дальнейшем объективно добивались наилучшей карьерной позиции, и нередко ее развивали. Модернизирующееся общество требовало специалистов, деятельность которых обладала критерием профессионализма, что подтверждается уверенным ростом количества высокообразованных «рекрутов», набравшихся опыта преимущественно в гражданской службе.

Выявленная зависимость карьерного успеха от образования и отсутствие такой зависимости от аристократического титула позволяет сделать вывод о

---

¹⁸⁹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 491.

приоритете меритократического подхода над непотическим в процессе элитообразования.

Анализ степени влияния протекции на карьерный путь чиновников не позволяет дать однозначную оценку этому фактору. С одной стороны, мощная поддержка такого представителя элиты, как великий князь, обеспечивала его протекже гарантией быстрого роста. С другой стороны, все рассмотренные случаи влияния протекции интересны тем, что дают основание предположить, будто протекция только развивала успех, сформированный чиновниками в процессе их предшествующей службы и не могла спровоцировать существенного изменения в характере карьерного движения. Такое же предположение, наполовину справедливо и по отношению к противоположному явлению. Даже опальный чиновник продолжал оставаться на службе и получать чины (хотя и значительно позже).

Все это не позволяет согласиться с выводом П.А. Зайончковского о значительных феодальных пережитках в среде государственной элиты или дилетантизме её представителей во второй половине XIX века.

Определенная тривиальность выводов относительно образовательного компонента профессиональной биографии подтверждает эвристическую адекватность предлагаемого нами индекса успеха. Сложность социальной реальности политической среды, полиструктурность межличностных связей, разнонаправленность интересов отдельных групп, чувствительность к различным внешним воздействиям не позволяют предполагать значительного доминирования какого-либо фактора профессионального успеха. Этим объясняется редкость статистически значимых корреляций различных биографических фактов с индексом. Однако отсутствие сильных связей утверждает ценность индекса успеха в качестве интегрального показателя, так как при выявлении очень высоких коэффициентов корреляции можно было бы заявить о тождестве этих двух рядов данных, что, в конечном итоге нивелировало бы смысл самого индекса.

ГЛАВА 3. МИКРОАНАЛИЗ СЛУЖЕБНОЙ БИОГРАФИИ Б.П. МАНСУРОВА.

§1. Б.П. Мансуров как представитель анализируемой совокупности.

Изучение факторов карьерного успеха высшей бюрократии Российской империи в XIX в. методом микроанализа профессиональной биографии одного из представителей данной группы позволяет детально рассмотреть механизмы воздействия некоторых биографических моментов на продвижение чиновника по Табели о рангах и установить степень соответствия выводов предыдущей главы конкретно-исторической ситуации. Выступая объектом верификации выводов, биография обязана соответствовать нескольким критериям.

Первое, на что стоит обратить внимание при выборе персоны из рассмотренной совокупности членов Государственного совета – низкая степень её изученности. Во-первых, данный подход исключает намеренный или ненамеренный подбор подходящей биографии. Во-вторых, обилие документов личного и официального характера, находящееся в архивных фондах, посвященных великим личностям, открывает возможность манипуляции некоторыми фактами, подводя их под определенные выводы. С другой стороны, персона, обладающая незначительным архивным наследием, также представляет неподходящий вариант, так как исключает эффективное погружение в изучаемый вопрос.

Второй важный критерий заключается в основных биографических особенностях изучаемой личности, которые должны соответствовать среднему просопографическому типу анализируемой совокупности (см. Глава 2, §2.), а именно:

1. Дворянское происхождение;
2. Наличие земельной собственности;
3. Семейная традиция государственной службы;
4. Православное вероисповедание;

5. Высшее образование.

Третий критерий заключается в том, что изучаемая служебная биография не должна представлять собой экстраординарного случая на фоне общей совокупности и иметь типичный профиль глобальных служебных черт. Для ранжирования по данному критерию был произведен кластерный анализ – метод эмпирической группировки членов ряда на основе его количественных характеристик. Выступая в качестве инструмента статистического описания, кластерный анализ не сводит свой результат к какому-либо числовому показателю, а образует кластеры (в виде дендрограммы) из исследуемой выборки по принципу взаимной близости её членов по совокупности всех учтенных количественных параметров.

Данный инструмент позволил нам сгруппировать членов Государственного совета по критерию типичности карьерного сценария, который задавался сочетанием двух характеристик: индекса успеха (S) и количества классов чинов на протяжении всей службы (своеобразная длина карьерной лестницы). Полученная дендрограмма (см. Приложения, Диаграмма 1) стала инструментом выявления биографий с типичным профилем.

В результате, в качестве объекта микроанализа на предмет его профессиональной биографии был выбран Борис Павлович Мансуров (1828-1910). Занимая на протяжении значительной части своей карьеры высокие административные должности, Мансуров всегда оставался человеком второго эшелона элиты, в тени своих прямых высших начальников, непосредственно (и нередко – лично) разрешая значимые государственные вопросы. Его назначение в Государственный совет было скорее не апофеозом, а следствием его карьеры. Двадцатисемилетняя деятельность на государственном поприще к моменту назначения в Совет сформировала и развила в нем навыки и репутацию хорошего администратора и эксперта в широком ряде вопросов, что и послужило предлогом надления его статусом представителя законосовещательного органа в 1872 г.

Фигура Б.П. Мансурова хорошо известна историкам в качестве одного из основателей, а впоследствии и главных деятелей политически-культурного феномена, носящего название «Русская Палестина». Данный аспект его государственной службы, как было указано в обзоре историографии этого исследования, изучен достаточно подробно и всесторонне, однако, практически не уделяется внимание всей остальной деятельности Б.П. Мансурова в качестве представителя высшей бюрократии. Нет работ, содержащих более или менее подробного обзора его профессиональной деятельности и анализа карьерного движения. Личность Мансурова в отрыве от Палестинского вопроса представляла мало интереса для исследователей. На сегодняшний день нет и не предвидится научных трудов, посвященных его полной биографии. Отсутствует историографическая база, провоцирующая ожидание каких-либо конкретных выводов в результате микроанализа.

С другой стороны, семейная традиция, активная жизненная позиция и высокая работоспособность Б.П. Мансурова позволили создать и сохранить большое количество исторических источников, как личного, так и официального характера, посвященных его деятельности¹⁹⁰.

Мансуров полностью соответствует среднему просопографическому типу изучаемой совокупности членов Государственного совета. Родившись в дворянской семье, с XVI века принявшей российское подданство и православие, Борис Павлович имел определенный залог экономической стабильности в виде 92 десятин родовой земли в Тульской губернии, доставшихся ему по наследству¹⁹¹. Его отец, Павел Борисович Мансуров, числившийся на государственной службе, и заслуживший в последствии гражданский чин действительного статского советника (IV класс), уделял внимание образованию своих детей, вследствие чего все его сыновья получили хорошее высшее образование.

---

¹⁹⁰ Минимум два личных фонда в государственных архивах, см. подробнее во Введении.

¹⁹¹ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

Положение Б.П. Мансурова в дендрограмме кластерного анализа (см. Приложение, Диаграмма 1) указывает на типичность его карьерного сценария (в том виде, в каком мы его указали ранее). Принадлежность к одному из двух самых крупных и центральных кластеров говорит о близости совокупности показателей индекса успеха и длины карьеры чиновника, к среднему значению, а так же, к показателям многих других персон. Позиция карьерного сценария Мансурова не является исключительной или экстраординарной. Данный пример еще интересен тем, что сам по себе индекс успеха Мансурова один из самых высоких ($S=84,82$). В рассматриваемой совокупности членов Государственного совета он занимает третье место из 262-х (см. Приложение, Таблица 1).

Таким образом, Б.П. Мансуров, являя собой удобный для изучения пример представителя высшей бюрократии в России во второй половине XIX в., как по набору стартовых биографических фактов, так и по интегральной количественной характеристике карьерного сценария, ценен еще и тем, что его профессиональная биография есть иллюстрация колоссального служебного успеха. Микроанализ классического продвижения в когорту государственной элиты типичного и успешного чиновника позволит лучше увидеть причинно-следственные связи и механизмы, обеспечившие ему карьерный успех.

Для последующего исследования на основе статистического аппарата, описанного в предыдущей главе, были выделены индивидуальные показатели карьерной динамики члена Государственного совета Бориса Павловича Мансурова (Диаграмма 10, Таблица 15).

Динамика чинопроизводств Б.П. Мансурова (по Y – возраст, по X – класс чина).

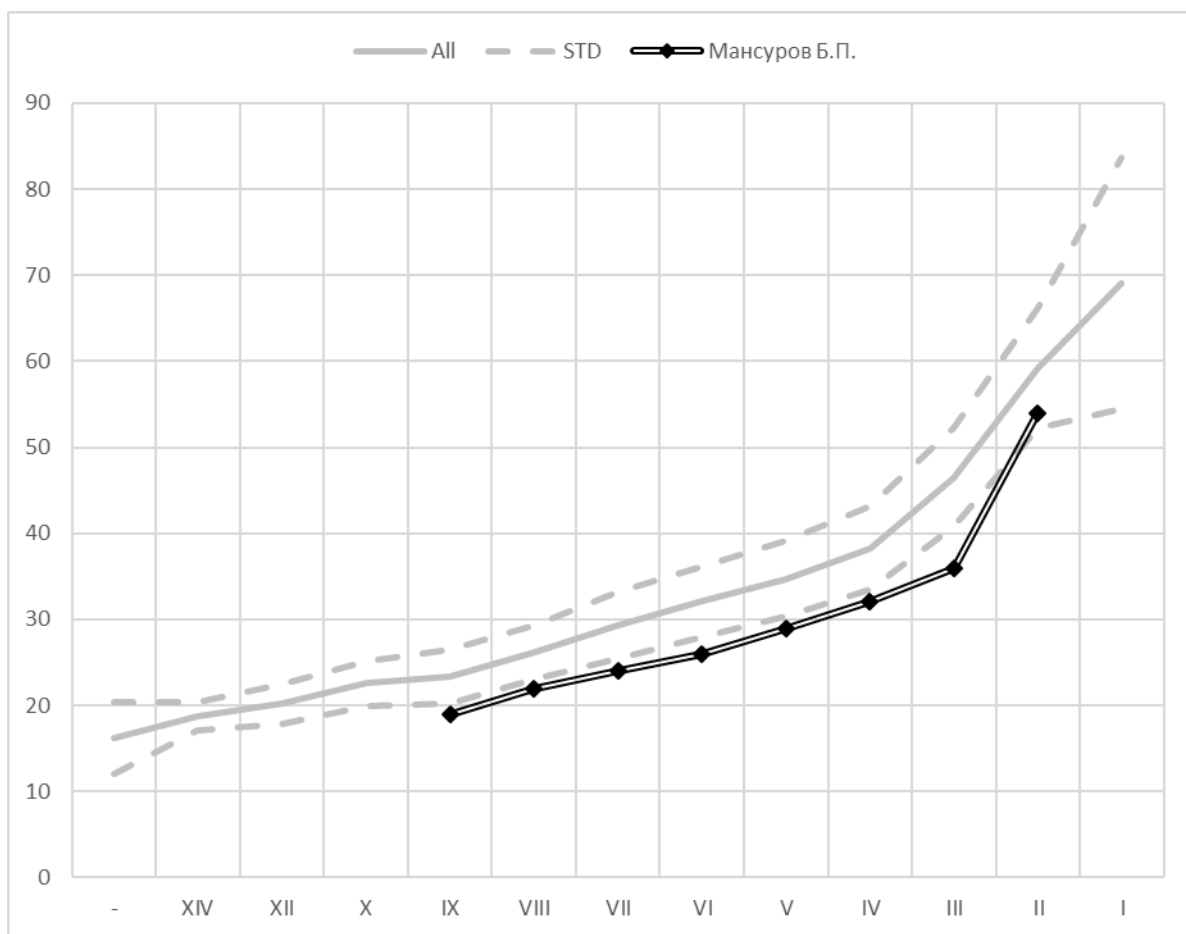

Таблица 15.

Динамика чинопроизводств Б.П. Мансурова.

1	2	3	4	5	6	7
Класс чина	Чин	Месяц и год присвоения	Возраст получения	Средний возраст получения в базе данных	Разница ("ст.4"- "ст.5")	Время пребывания в предыдущем чине (лет)
IX	Титулярный советник	04.1845	19	23	-4	-
VIII	Коллежский ассessor	12.1848	22	26	-4	3
VII	Надворный советник	12.1850	24	29	-5	2
VI	Коллежский советник	12.1852	26	32	-6	2
V	Статский советник	03.1855	29	35	-6	3
IV	Действительный статский советник	01.1858	32	38	-6	3
III	Тайный советник	01.1862	36	46	-10	4
II	Действительный тайный советник	01.1880	54	59	-5	18

§2. Б.П. Мансуров до государственной службы.

Борис Павлович Мансуров родился 12 мая 1828 г. в семье известного в тот момент в петербургских кругах Павла Борисовича Мансурова (1797-1881). Род профессиональной деятельности Павла Борисовича был обширным: успев принять участие в Отечественной войне 1812 года в составе лейб-гвардии (скорее всего – формальное), он значительно позже вышел в отставку и перешел на гражданскую службу; с 1827 по 1841 г. состоял членом Строительной комиссии при министерстве финансов, а после – оставался в качестве чиновника при данном ведомстве, дослужившись до чина действительного статского советника (IV класс). Гражданская служба не была ограничена только участием в финансовой сфере. Хорошее образование и социальное положение Павла Борисовича позволили ему проявить себя и в министерстве иностранных дел, где он продолжительное время числился дипломатом¹⁹². Как будет указано ниже, сфера юстиции также могла быть ему достаточно близкой. Известен был Мансуров своей тесной дружбой с А.С. Пушкиным. Принадлежа этому же поколению, из которого выросли декабристы и которое наполняло собой различные салоны (умершие, кстати, с этим поколением), он не мог быть не заражен тем общественным просветительским настроением. Речь, конечно, не об этих настроениях в целом и в частности, а о культурном фоне, сопровождавшем детство и юность Бориса Мансурова. Можно смело предположить, что такой отец вольно или невольно обеспечивал контакт своего сына с передовыми культурными слоями того времени.

Влиянию отца не могло быть противопоставлено влияние матери; Хованская Екатерина Петровна (1803-1837) принадлежала к влиятельному княжескому роду, что позволяет предположить её сильную связь с высшими аристократическими столичными слоями, а прошлое в качестве фрейлины

---

¹⁹² Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

императрицы Марии Федоровны сразу после выпуска из Воспитательного общества благородных девиц в 1821 г. только укрепляет это предположение¹⁹³.

Рос в этой семье Борис не один, а с младшими братьями и сестрами: Николаем (1830-1911), Екатериной (1833-?) и Михаилом (1835-1837)¹⁹⁴. Роль старшего брата должна была воспитывать в нем довольно полезное для чиновника чувство ответственности, пусть и локализованное в конкретную ответственность перед семьей. Примечательно то, что биографические тексты XIX в. иллюстрируют взаимоотношения между начальником и подчиненным в русле «отец-сын»; более того, такая модель «служебной семьи» считалась приемлемой, а карьерный успех зависел от того, насколько удавалось выстроить подобные отношения¹⁹⁵. Навык «конкретной ответственности» в условиях бюрократической системы первой половины XIX в. сохранял актуальность, и, скорее всего был конструктивно оправданным.

Эпоха Николая I ознаменовалась расширением государственной бюрократической системы. Открывавшиеся новые ведомства предъявляли соответствующие требования не только к количеству чиновничества, но и к его качеству. Во многом причина этих явлений в том, что: «Неудовлетворительная организация службы, низкая квалификация чиновников и нравственная нечистоплотность многих из них – таковы характеристики ситуации в сфере государственного управления в течение всей первой четверти XIX в., содержащиеся в громадном большинстве исторических источников»¹⁹⁶. Проблема образовательного уровня бюрократии, её деловых и моральных качеств в 1830-е гг. привлекала внимание всего русского общества, прессы и литературы. Соответствующие усилия правительства приветствовались и получали поддержку¹⁹⁷.

---

¹⁹³ Там же, с. 470.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Калугин Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII-XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 136.

¹⁹⁶ Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России XVII - начало XX в. СПб.: "Искусство-СПБ", 1999. С. 116.

¹⁹⁷ Там же. С. 120.

В 1834 г. племянником Николая I П.Г. Ольденбургским была высказана идея создания училища правоведения для лучшей юридической подготовки государственных служащих. Идея эта была тут же поддержана монархом, и уже через год было учреждено Императорское училище правоведения. Николай I считал необходимым взять всё общее воспитание под правительственный надзор, чтобы оно велось в желательном духе и направлении¹⁹⁸.

Будучи одним из престижных учебных заведений на тот момент, училище представляло собой закрытое заведение, куда принималось не более ста человек, и исключительно из российского потомственного дворянства. Воспитанники, окончившие училище и уравненные в правах с выпускниками Царскосельского лицея, претендовали на серьезные государственные посты¹⁹⁹.

Что именно послужило основанием для выбора Павлом Борисовичем Мансуровым этого учебного заведения для своих сыновей, судить сложно. Стоит обратить внимание лишь на два момента. Во-первых, то, что из двух престижных гражданских учреждений предпочтение было отдано именно Училищу правоведения, а не Царскосельскому лицей, можно расценивать как явные амбиции именно в государственной службе. Во-вторых, в тот период семья Мансуровых в Петербурге проживала в доме министерства юстиции на Малой Садовой улице (особняк И. Шувалова: Малая Садовая, 1/Итальянская 25)²⁰⁰. Личное знакомство с «кухней» министерства юстиции и её представителями наверняка также могло склонить Мансурова в пользу этого варианта.

Таким образом, Борис Павлович Мансуров в 1845 г. оканчивает это заведение (6-й выпуск) с отличием и золотой медалью, дававшей право на присвоение её обладателю гражданского чина IX класса (титулярный советник). Также, все выпускники, согласно §17 Устава училища, после окончания обязаны

---

¹⁹⁸ Там же. С. 117.

¹⁹⁹ Змеев В.А. Императорское училище правоведения в период царствования Николая I // Юридическое образование и наука. 2002. № 5. С. 29–33.

²⁰⁰ Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М.: "Индрик", 2014. С. 19.

были прослужить не менее 6 лет в Канцелярии министерства юстиции или Сената²⁰¹.

Этот механизм автоматической интеграции выпускников Училища в высшее коронное учреждение и успехи самого Мансурова привели к тому, что в мае 1845 г. он в чине титулярного советника (полученного благодаря медали на 4 года раньше среднего, см. Таблицу 15) начинает свою карьеру со службы в Канцелярии I Департамента Сената, по сути, главного управленческого учреждения этой организации²⁰².

Императорское училище правоведения, подготовив таким образом не одного Мансурова, чуть позже, сыграло свою роль в Великих реформах второй половины XIX в. «Уже в николаевскую эпоху в государственном аппарате появилось большое число людей, готовых к переменам»²⁰³.

§3. Начальный этап карьеры. Влияние первичных биографических факторов.

3.1. Чиновник Сената.

Характеризуя когорту выпускников Императорского Училища правоведения, секретарь главы морского ведомства великого князя Константина Николаевича (1827-1892) А.В. Головнин (1821-1886) писал в середине XIX в., что министр юстиции В.Н. Панин получил из училища правоведения «несколько сот прекрасных чиновников, которые если и не обладали глубокими познаниями иностранных юристов, тем не менее имели юридические познания, прекрасное направление и большей частью были люди благонамеренные, честные и усердные к службе»²⁰⁴.

---

²⁰¹ Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения. СПб.: ООО "Издательство «Росток», 2006. С. 41.

²⁰² ГАТО (Тамбов), ф. 972, оп. 1, д.1, л. 1.

²⁰³ Лапин В.В. Предисловие // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 15.

²⁰⁴ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Издательство "Д.А.Р.К.", 2006. С. 147.

В данном случае стоит уточнить, что получение высшего специализированного образования и последующее назначение в Сенат не наделяло назначаемых статусом сенатора (да и не могло наделять в силу низкого для этого чина). Подобный эпизод их профессиональной деятельности скорее можно было расценить как «производственную практику» с возможностью последующего карьерного роста достойных и желающих. В обязанности выпускников Училища правоведения, попавших в Сенат, входила преимущественно стандартная канцелярская работа. «При каждом департаменте [Сената] находятся чины, на которых возложен надзор за правильностью делопроизводства и решения дел и само производство»²⁰⁵.

Уже спустя два с половиной месяца после своего определения в канцелярию 1 Департамента Сената Мансуров получает повышение до должности старшего помощника секретаря Общего собрания первых трех Департаментов²⁰⁶. Задача обер-секретарей, секретарей и их помощников заключалась, помимо основных канцелярских обязанностей и обеспечения делопроизводства, в первую очередь, в подготовке докладов, на основании которых департаменты рассматривали дела²⁰⁷. Об обилии работы, ложившейся на плечи сотрудников канцелярий, можно судить по потребности их секретарей в помощниках (причем не одном, Мансуров – старший помощник). Предположить можно и то, что значительная часть обязанностей секретаря, в таком случае, неизбежно перекладывалась на старшего помощника.

Несмотря на это, формулярный список Мансурова содержит заметку об исполнении им обязанностей другого помощника секретаря сверх своих в период с 27 июня по 12 сентября 1846 г. Причем совмещение двух должностей проходит «успешно», за что в марте 1847 г. (спустя год после выпуска из Училища) его повышают до секретаря 1 Департамента Сената²⁰⁸.

---

²⁰⁵ Градовский А.Д. Начала русского государства и права. Т. 2. Органы управления. СПб., 1876. С. 153.

²⁰⁶ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп 1, д. 1, л. 1.

²⁰⁷ Градовский А.Д. Начала русского государства и права. Т. 2. С. 153.

²⁰⁸ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп 1, д. 1, л. 1 об.

1 Департамент являлся главным подразделением Сената, его еще называли управляющим департаментом, так как он имел «в ведомстве своем дела управления [империи] в собственном смысле слова». Все его обязанности можно было свести к следующим функциям²⁰⁹:

1. Обнародование законов;
2. Издание административных распоряжений;
3. Управление подчиненными местами;
4. Административная юстиция.

По сути, секретарь 1 Департамента обеспечивал нормальное течение дел в одной из главных структур исполнительной власти страны. Прямое подчинение обер-прокурору Сената, являвшемуся также и министром юстиции Российской империи, говорит о внедрении (уже в возрасте 21 года) во второй эшелон системы управления государством (не смотря на только IX класс чина) и в состав высшей бюрократии.

Полтора года службы (с марта 1847 по декабрь 1848) в этом качестве завершились для Мансурова первым повышением в Табели о рангах. Чин коллежского асессора VIII класса Борис Павлович получает в возрасте 22-х лет, что, так же, как и в предыдущем случае, меньше на 4 года среднего уровня членов Государственного совета. Срок пребывания в чине IX класса составил 3 года, что равнялось минимальному сроку выслуги на этой позиции. Повышение сопровождалось пометкой в личном деле чиновника: «за отличие». Хорошая служебная компетентность и работоспособность, отсутствие каких-либо дисциплинарных взысканий и следов конфликта с начальством позволили беспрепятственно произвести повышение, как только это стало возможно в рамках установленной нормы.

Нет оснований предполагать, что повышение в чине было ситуативным и рассчитанным на быстрое назначение на новую должность, так как Мансуров еще полгода до 2 мая 1849 г. продолжал числиться и исполнять обязанности

---

²⁰⁹ Градовский А.Д. Начала русского государства и права. Т. 2. С. 160.

секретаря 1 Департамента. Последующее изменение этого статуса было связано не с продвижением по служебной иерархии Сената, а с переходом в министерство юстиции в качестве исправляющего должность Помощника юрисконсульта Консультации министерства. Перевод этот был осуществлен по инициативе самого министра юстиции В.Н. Панина²¹⁰.

3.2. Служба в Министерстве юстиции.

Начиная с 40-х гг., В.Н. Панин проводил замены пожилых работников своего министерства без образования, занимавших высокие посты, молодыми людьми, закончившими курс в высших гражданских учебных заведениях. Молодых людей он искал, в первую очередь, в подведомственных министерству юстиции заведениях или в Сенате²¹¹. Таким образом, 2 мая 1849 г. Борис Павлович Мансуров был назначен исполняющим должность помощника юрисконсульта министерства юстиции²¹².

Как уже было сказано выше, на период правления Николая I приходится апогей роста числа чиновников в коронных и местных учреждениях²¹³. В этом контексте кажется странным тот факт, что уже через два месяца пребывания в новой должности, в июле 1849 г., Мансурова снова, сверх его основных обязанностей, командировают в Сенат для занятий по ревизиям 45 губерний. Совмещение двух должностей длилось до января 1850 г.²¹⁴ Независимо от того, было ли в 40-х гг. XIX в. обилие чиновников в министерстве юстиции, или же кадров все равно не хватало – очередное назначение дополнительной сферы ответственности от всё того же Панина всё тому же Мансурову могло свидетельствовать о низкой нагрузке основной должности и/или о большом доверии министра к своему подчиненному. К слову, снижение нагрузки могло

---

²¹⁰ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп. 1, д. 1, л. 2

²¹¹ Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу. Том 2. Второй период занятий. СПб.: Издание Меркурия Елеазаровича Комарова, 1890. С. 669.

²¹² ГАТО (Тамбов), ф. 972, оп.1, д.1, л. 4.

²¹³ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т.2. С. 434.

²¹⁴ ГАТО (Тамбов), ф. 972, оп.1, д.1, л. 4.

быть вызвано стараниями Мансурова, эффективно или неумолимо подходившего к решению служебных вопросов.

Ревизия 45 губерний в 1849 г. была незначительным по масштабу эпизодом и в истории России, и в биографии Мансурова. В истории – потому что за первую половину XIX в. сенаторы провели свыше 80 ревизий, за вторую половину XIX – начало XX в. – более 45²¹⁵, а в биографии – потому что она оставила упоминание в источниках лишь в виде короткой записи в формулярном списке.

Однако незначительный масштаб события имел значимые последствия и в истории России, и в биографии Мансурова. В истории – потому что деятельность сенаторов в качестве ревизоров была очень эффективной.; результаты ревизии нередко оказывали большое влияние на развитие структуры местных коронных учреждений и качество работы их персонала. «Сенаторские ревизии считались наиболее действенным, прямым и оперативным способом связи между центральными и местными коронными учреждениями и контроля первых за деятельностью вторых, а также каналом связи между органами государственного управления и населением»²¹⁶. В биографии – потому что контакт с этим «прямым и оперативным» каналом связи и знакомство с наиболее достоверной (по сравнению с уровнем официальных данных) информацией, что было особенно ценно в условиях возможностей информационного поля первой половины XIX в., не могли не повлиять на процесс профессионализации бюрократа и администратора. В дальнейшем Мансуров в сфере управления не раз демонстрировал умение точно определять суть проблемы и предлагать простое и эффективное решение, не усложняя свои размышления излишними теоретическими конструкциями.

Назначение дополнительных обязанностей сверх основных было вполне в духе министра юстиции. Как писал Н.П. Семенов, знавший его лично, Панин, обладая спартанским характером, в процессе своей жизни усвоил для себя ряд

---

²¹⁵ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 398.

²¹⁶ Там же. Т. 2. С. 399.

правил, и не только сам строго их исполнял, но и требовал такого же исполнения от своих подчиненных. Например, он считал, что для изучения любого дела достаточно не более двух недель и «с этим соображал сроки, когда назначал кому-нибудь из своих подчиненных работу, что часто ставило их в немалое затруднение». Раздавая поручения по службе, обычно сделанные без предварительного уведомления, Панин не принимал никаких причин отказа, отвечая, что служба не богадельня²¹⁷.

В свою очередь, В.Н. Панин служебный труд своих подчиненных, доходивший до его рассмотрения, ценил по достоинству, высказывая особое расположение и даже снисходительность образованным молодым людям²¹⁸. Карьера при таком начальнике для работоспособного выпускника Училища правоведения, находившегося перед непосредственным взглядом министра, кажется, не могла складываться плохо.

Через месяц после прекращения совмещения двух должностей (что также говорит об успешном завершении), в феврале 1850 г., Мансурова повышают до исполняющего должность правителя канцелярии министерства юстиции²¹⁹. Новое назначение, возможно, на тот момент было самым ответственным и важным для молодого чиновника не только или не столько по кругу его служебных обязанностей, но и по тому факту, что лично для В.Н. Панина правитель канцелярии стоял на той же иерархической лестнице, что и начальники отделений, и так же, как и они, и вице-директор, имел право личного доклада²²⁰.

Неполный год близкого служебного контакта Мансурова с Паниным убеждает последнего в необходимости ходатайствовать за досрочное производство первого в очередной чин. В декабре 1850 г. Борис Павлович Мансуров, на 5 лет меньше среднего показателя членов Государственного совета

---

²¹⁷ Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу. Том 2. Второй период занятий. СПб.: Издание Меркурия Елеазаровича Комарова, 1890. С. 666–678.

²¹⁸ Там же. С. 680.

²¹⁹ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп.1, д.1, л. 5

²²⁰ Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. С. 675.

и на 2 года раньше положенного срока выслуги, получает статский чин VII класса – надворного советника с пометкой в личном деле: «за отличие»²²¹.

Полученный чин позволил в августе 1851 г. перевести его обладателя с позиции исполняющего должность на полный статус правителя канцелярии министерства юстиции. Тогда же «именным высочайшим указом» Мансурову было пожаловано звание камер-юнкера Двора²²², дававшее молодому чиновнику возможность прямого контакта с членами императорской фамилии и с множеством иных представителей государственной элиты.

Очередное повышение в чине произошло спустя 1,5 года после назначения на должность и присвоения придворного звания. В декабре 1852 г Мансуров получает чин коллежского советника, располагавшийся на позиции VI класса Табели о рангах²²³. Данное производство так же происходит с игнорированием половины положенного срока выслуги и уже традиционной пометкой «за отличие».

Традиционным также стало совмещение нескольких должностей. В августе 1853 г. Мансуров был отправлен в Москву для помощи в ускорении делопроизводства местного отделения Сената²²⁴. Командировка длилась недолго (возможно, это и есть следствие его помощи в ускорении течения дел), так как уже в январе 1854 г., в формулярном списке появляется отметка об объявлении признательности министра юстиции за успех в разрешении дел по канцелярии министерства «и неустанное усердие и деятельность, при которых дела получают своевременный и беспристрастный разбор»²²⁵.

Успехи Мансурова в министерстве юстиции и Сенате не могли быть следствием исключительно профессиональных навыков. Не стоит забывать, что служебные взаимоотношения в то время носили не только процессуально-формальный характер, но и имели социальный компонент. В биографиях первой

---

²²¹ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп.1, д.1, л. 5.

²²² Там же, л.6.

²²³ Там же, л.7.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же.

половины XIX в., написанных в «официальном духе», качествами, позволяющими персонажу добиться служебного успеха являются «умение управлять собой, проницательность, владение определенными коммуникативными навыками, социабельность», кроме того, «в анализируемых текстах легко выстраивается патерналистская модель власти, предполагающая молчаливую покорность родительской воле»²²⁶. Если присутствие всех этих качеств в профессиональной деятельности Мансурова уже практически не вызывает сомнений, то молчаливую покорность воле начальника, по имеющимся источникам, локализовать сложно.

Современник, вспоминая о Панине, писал, что служба при нем «была, конечно, тяжела и невыносима для человека сколь-нибудь самостоятельного»²²⁷. Сам министр был ревностным охранителем сложившегося до него порядка, относился ко всему с формальной точки зрения, в его ведомстве царила письменность, даже введение личных докладов казалось большим шагом вперед. Кроме того, В.Н. Панин был решительным противником реформ в своем ведомстве²²⁸.

В этом контексте важным является существующее в современной историографии представление о неэффективности «кадровой политики» Николая I, выразившейся тем обстоятельством, что «идеалом чиновника для царя, многократно повторявшего, что ему нужны сотрудники не умные, а послушные, была нерассуждающая посредственность»²²⁹.

Данный образ «идеального чиновника», характеристика Панина, подходы и итоги деятельности Мансурова в министерстве вступают в некое противоречие. Если Борис Павлович представлял собой характерный для чиновника николаевского времени тип «нерассуждающей посредственности», обеспечивавший ему более эффективное погружение в формализм и обилие

---

²²⁶ Калугин Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII-XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 140.

²²⁷ Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра I. С. 675.

²²⁸ Там же. С. 666.

²²⁹ Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: веки эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 21.

письменности, то трудно представить, как с таким подходом Мансурову удавалось справляться с большим количеством дел, накопленных до него (возможно, благодаря излишнему формализму), как это было в случае с отделением Сената в Москве, или возникавших непосредственно при совмещении им нескольких должностей.

Скорее, характеристика самого В.Н. Панина излишне огрублена. Даже если министру юстиции старые подходы в ведении дел были бесконечно симпатичны, а четкая патерналистская модель, в его представлениях – безапелляционна, стоит понимать, что симпатии не всегда определяют действительность, тем более в таком многосложном и противоречивом деле, как государственное управление. Актуальная для XVIII в. структура взаимоотношений в бюрократической среде в условиях XIX столетия теряла свою эффективность. Сама система государственного управления, перестроенная в начале царствования Александра I, сместила приоритеты служебной нагрузки и компетентности (замена коллегий министерствами в 1802 г. несла за собой замену принципа коллективной ответственности индивидуальной на многих уровнях иерархии). Не менее важны и изменения общества, обусловленные, в том числе, распространением идеологии и философии Просвещения (затронувшей, в первую очередь, образованные слои, к которым принадлежало и чиновничество), так как большое значение принципа патернализма в системе служебных отношений говорит о влиянии в ней неформального подхода в целом. Неформальный же компонент в структуре взаимодействий находился в сильной зависимости от его носителей и мог быть значительно более гибким и ситуативным, чем это отражено в источниках. Иными словами, в таком сложном и ответственном деле, как государственное управление, слепое следование традиции и личным симпатиям было непозволительной роскошью, а объективные изменения первой половины XIX в. позволяли поставить здравый смысл (в личном представлении) на одну ступень с прочими важными факторами при принятии решений.

И все же, положение Б.П. Мансурова в министерстве юстиции, несмотря на явные к нему симпатии начальника, могло оказаться недостаточно устойчивым. В феврале 1854 г. чиновник уволился со своей работы и перешел на службу в морское ведомство. Это увольнение совпало с одним примечательным эпизодом. В начале 1854 г. Мансуров, будучи правителем Канцелярии, получил взыскание от императора и даже «отправлен был под арест». Причиной такого наказания стал пакет важных документов, который должен был быть доставлен к императору в отведенный срок, но доставлен не был. Задание это входило в сферу ответственности правителя Канцелярии. Б.П. Мансуров, позже, в оправдательном письме Панину указал на своего подчиненного, которому лично передал пакет с приказом немедленного доставления во Двор (со слов Мансурова) ²³⁰. Сложно сказать, был ли этот эпизод причиной увольнения успешного чиновника или же послужил поводом для самого Мансурова прекратить службу в министерстве юстиции и перейти в другое, на более выгодную позицию (фактически – в прямое подчинение к великому князю). Однако, в любом случае, период девятилетнего служебного опыта после учебного заведения (1845-1854) в сфере юстиции и контроля продемонстрировал и, возможно, развил в Мансурове актуальные служебные навыки, обеспечившие ему достаточно быстрое продвижение по чиновничьей лестнице. Значительное влияние иных факторов на карьерную динамику в указанный период выявить не удалось.

§4. Кульминация карьерного роста. Влияние протекции.

4.1. Служба в Морском ведомстве.

Как отмечают исследователи, в XIX – начале XX в. в среде российской бюрократии существовали две тенденции – реформаторская и консервативная, которые с переменным успехом боролись за то, чтобы определять

---

²³⁰ ГАРФ (Москва). Ф. 990, оп. 1, д. 15.

государственную политику²³¹. Первый период правления Александра II ознаменовал собой рост влияния реформаторской когорты, сгруппированной в две условные группы: выдвиженцы великого князя Константина Николаевича и члены кружка великой княгини Елены Павловны²³². Члены этих групп, объединенных общим названием «партии петербургского прогресса», начали еще в 1840-х гг. свое мировоззренческое и профессиональное становление, которое проходило в обстановке салонов западников и славянофилов и в служебной деятельности в министерствах внутренних дел, просвещения, морском ведомстве и т.д. «Начальный момент политической активности этой новой “генерации” следует, видимо, относить к периоду Крымской войны, к середине 1850-х гг.»²³³

В начале 50-х гг. глава морского министерства, родной брат будущего императора Александра II, великий князь Константин Николаевич (1827-1892), планируя проведение преобразований в своем ведомстве, занимался поиском кадров, привлекая либерально настроенных чиновников²³⁴. Сформированная таким образом «партия» получила название «константиновцы». Многие ее члены впоследствии стали известными государственными деятелями: А.В. Головнин, Д.А. Толстой, М.Х. Рейтерн, Д.А. Оболенский, Д.А. Набоков, П.Н. Глебов, Б.П. Мансуров, И.А. Шестаков, Н.К. Краббе и др.²³⁵.

Характеризуя «кадровую политику» Александра II в начальный период его царствования, А.П. Шевырев писал, что монарху «нужны были не простые исполнители его воли, а чиновники, имеющие политические программы, реализацию которых можно было бы им доверить. Обладание собственными политическими взглядами уже не служило препятствием в карьере, а при

---

²³¹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 541.

²³² Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797-1917). Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 57.

²³³ Кочукова О.В. Биографические сообщения А.В. Головина о великом князе Константине Николаевиче как источник реконструкции политического мировоззрения «либеральной бюрократии» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2005, №3. С. 49.

²³⁴ Шевырев А.П. Административные реформы 1850-1860-х годов в Морском ведомстве // Вопросы истории. 1983. № 8. С. 160.

²³⁵ Там же. С. 161.

известных обстоятельствах оказывалось фактором, ей способствующим»²³⁶. В свете данных сведений примечательно то, что, по оценкам уже другого исследователя, «в первый период правления Александра II именно константиновцы были наиболее влиятельной группировкой»²³⁷.

О степени расположения великого князя к набранным молодым специалистам красноречиво свидетельствует один эпизод. Еще в самом начале службы Мансурова в морском ведомстве Николай I получает жалобу от старых адмиралов на неуважительное отношение к ним некоторых чиновников. Разобраться в этом вопросе он, естественно, поручает Константину Николаевичу, который в апреле 1854 г. пишет письмо дежурному генералу ведомства с пометкой «секретно» и следующим содержанием: «До меня доходят слухи, что гражданские чины морского министерства, особенно из молодых, не довольно почтительны к заслуженным адмиралам. Вследствие этого сделаны мною по министерству разные секретные распоряжения. Я не знаю никого, кто был бы достойнее уважения наших старых адмиралов и капитанов, которые сравнительно с лицами других служб, больше перенесли трудов, лишений и несравненно меньше имели вознаграждений. Посему прошу ваше сиятельство иметь особенно строгое наблюдение за вашими департаментскими чиновниками, а копию с этой записки сообщить конфиденциально для сведений Б. Рейтерну, Крылову, Мансурову и Мухортову»²³⁸. Примечательно еще то, что копия этого письма оказалась в руках Мансурова и позже перекочевала в его личный архив наряду с другими служебными письмами. Никаких серьезных санкций за этим письмом не последовало.

Ключевой фигурой в партии, «серым кардиналом» Константина Николаевича, был его личный секретарь А.В. Головнин (1821-1886), который, как отмечают исследователи, «служил не столько исполнителем замыслов

---

²³⁶ Шевырев А.П. Во главе "константиновцев": великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 52.

²³⁷ Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: веки эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. С. 28.

²³⁸ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп. 1, д. 1, л. 24.

великого князя, сколько идеологом и до известной степени манипулятором его деятельности, направляя своими действиями активность великого князя в то русло, которое он сам считал верным»²³⁹. Амбиции Головнина носили скорее политический, нежели карьерный характер (хотя показатели успеха достаточно высокие: S=78,63, 19 место из 262). Стремясь добиться преобразований в государстве, он «планировал осуществить это через личное влияние на великого князя, а также через подготовку в Морском министерстве государственных деятелей, способных на преобразования»²⁴⁰.

Пользуясь своим огромным влиянием на великого князя, Головнин, занимаясь подбором кадров будущей «партии», обратил в первую очередь внимание Константина Николаевича на своих товарищей по Царскосельскому лицей или Географическому обществу (РГО), секретарем которого он был с самого его основания (с 1845)²⁴¹. Б.П. Мансуров товарищем по лицейу быть не мог, а положение в РГО приобрел только в ноябре 1862 г., когда был избран действительным членом на отделениях физической и статистической географии²⁴². Неизвестно, участвовал ли он в его деятельности в 50-х гг. Возможно, Мансуров имел отношение к салону Елены Павловны, который также стал «источником» формирования константиновцев²⁴³. Тем не менее, точно установлено, что в морское ведомство Бориса Павловича пригласил именно А.В. Головнин²⁴⁴. Должность чиновника для особых поручений, на которую был назначен вчерашний правитель Канцелярии министерства юстиции была, кстати, в тот же день освобождена Головниным, также получившем повышение²⁴⁵.

---

²³⁹ Шевырев А.П. Во главе "константиновцев": великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр П. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 54.

²⁴⁰ Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Издательство МГУ, 1990. С. 35.

²⁴¹ Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 51-52, 56.

²⁴² Состав императорского Русского географического общества 31 декабря 1895 г. // Семенов П.П. История полупековой деятельности императорского Русского географического общества. 1845-1895. Ч.3. СПб. 1896, с. 35.

²⁴³ Шевырев А.П. Во главе "константиновцев": великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин. С. 54.

²⁴⁴ Стаферова Е.Л. А.В. Головнин и либеральные реформы в просвещении. С. 51.

²⁴⁵ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп. 1, д. 1, л 17.

Чиновник для особых поручений в XIX в. – должность, необходимая для всех коронных учреждений. «Из-за недостатка квалифицированных чиновников нельзя было наладить адекватные связи между разными уровнями управления. Иерархическая система “верховная власть – министерства – местные губернские и уездные коронные органы – волостные – поселенческие органы местного самоуправления” была достаточно хорошо укомплектована на министерском уровне, но, чем ближе к “земле”, тем качество кадров снижалось, а на самом главном – нижнем, поселенческом уровне управление передавалось выборным от населения, не имевшим необходимой квалификации и опыта, а часто и желания поддерживать постоянные контакты с верхними эшелонами власти»²⁴⁶. Как раз в сферу особых поручений могло входить решение многих важных вопросов напрямую, минуя громоздкую и малоэффективную иерархическую систему. Вероятно, что на такие ответственные и трудные должности министры стремились назначать достойных в плане личных моральных и профессиональных качеств и *вынуждены* были оказывать им полное доверие.

По большому счету, Мансуров уже на службе в министерстве юстиции фактически являлся чиновником для особых поручений (совмещение нескольких должностей, командировка в Москву и др.). Успешность его действий, с одной стороны, формировало позитивный опыт подобной работы, а, с другой, не могло не привлечь к нему внимания представителей государственной элиты, в том числе и членов императорской фамилии, чему способствовал придворный статус камер-юнкера. Кто знает, возможно А.В. Головнин пригласил Мансурова в морское министерство, основываясь не на личном знакомстве, а на желании самого великого князя.

Одно из главных направлений деятельности Мансурова на новой должности было связано с периодом полной модернизации Морского министерства как в техническом, так и в административном плане, следовавшим сразу после Крымской войны. Тогда в министерстве скапливалось огромное количество

---

²⁴⁶ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 457.

бумаг, которые не отражали полной картины материального положения и расходования государственных средств²⁴⁷. Показательна в этом плане следующая характеристика функционирования бюрократических учреждений в России: «Изучение работы ключевого министерства внутренних дел в XIX в. показало: ввиду расширения сферы его деятельности со временем нарастал институциональный кризис, так как количественный рост штатов не компенсировал возрастание объема работы. Вследствие перегруженности чиновники часто не справлялись даже с текущими делами. Работа ограничивалась выполнением формальных процедур, становилась рутинной и непродуктивной; возросший поток документов захлестывал и выходил из-под контроля; число нерешенных дел росло; возникли пробки в делопроизводстве, еще больше затрудняя работу заведенного механизма их обработки. Времени едва хватало на исполнение текущих обязанностей, а для постановки новых задач его было слишком мало»²⁴⁸. Вероятно, подобные сложности в тот момент существовали и в других министерствах империи, в том числе и в морском.

Реформы начались в 1854 г. ревизией административных учреждений Морского министерства²⁴⁹. Тогда же Мансуров, сразу же после своего назначения, в марте, был включен в состав комиссии, производившей ревизию делопроизводства кораблестроительного департамента²⁵⁰. Параллельно Борис Павлович принимал участие в работе Комитета для составления первой части свода Морских постановлений. С июля того же года – занимался составлением некоторых постановлений для хозяйственного устава, а позже на него была возложена уже общая окончательная его редакция. В августе 1854 г. Мансуров уже был направлен на ревизию Охтенского управления с полномочиями составления нового положения для Охтенских поселений. Дальнейшее прямое участие в ревизиях и разработках различных уставов Мансурова было прервано

---

²⁴⁷ ГАРФ (Москва), Ф. 722, оп. 1, д. 192, л. 28об–29.

²⁴⁸ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 2. С. 456.

²⁴⁹ Шевырев А.П. Административные реформы 1850-1860-х годов в Морском ведомстве // Вопросы истории. 1983. № 8. С. 161.

²⁵⁰ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп. 1, д. 1, л. 62.

командировкой в Крым в начале 1855 г. для сбора сведений о раненых и убитых моряках, а главное – организации эвакуации первых²⁵¹.

Отвод Мансурова от участия в модернизации ведомства не был признаком неудовольствия и немилости начальника по поводу его работы. Скорее напротив, командировка в зону боевых действий, а если точнее – в осажденный и уже находящийся в критическом состоянии Севастополь чиновника для особых поручений с важной целью была связана с надеждой великого князя на умение Мансурова эффективно, а главное быстро, справляться с возложенными на него задачами. В своем письме по этому поводу от 13 января 1855 г., адресованном командующему войсками в Крыму А.С. Меньшикову, Константин Николаевич писал: «Я предполагаю командировать <...> коллежского советника Мансурова, которого поручаю особенной благосклонности Вашей светлости как человека весьма способного, деятельного, усердного и не исключаящего разнообразных познаний и служебную ответственность. На скромность его и добросовестность ваша светлость может положиться»²⁵². Действия чиновника в Севастополе вынудили П.С. Нахимова написать великому князю: «Все действия господина Мансурова и предложенные им меры <...> показывают в нем человека, вполне проникнутого высокой мыслью Вашей и не щадящего никаких трудов в исполнении дела, <...> полный успех венчает его неусыпную деятельность и особое благоразумие»²⁵³.

Успешные действия по решению возложенных задач привели к тому, что в командировке Мансуров узнает о присуждении ему очередного чина. В марте 1855 г. он был произведен в статские советники (V класс) с пометкой «за отличие»²⁵⁴. Чин был получен в 29 лет, при среднем уровне в 35 для персон рассмотренной базы данных. Срок положенной выслуги был сокращен на год.

---

²⁵¹ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

²⁵² ГАТО (Тамбов), Ф.972, оп. 1, д. 1 л. 62.

²⁵³ Нахимов П.С. Документы и материалы. М.: Воениздат, 1954. С. 134.

²⁵⁴ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

Сразу же после окончания командировки, в ноябре того же года, он вновь возвращается к работам над реформой министерства²⁵⁵. К тому времени статус Мансурова в глазах Константина Николаевича позволяет последнему в январе 1856 г. просить у Бориса Павловича «совершенно откровенные замечания» по проекту образования Морского министерства, за что обещает быть «искренне благодарен»²⁵⁶.

Итогом преобразований в Морском министерстве стал закон 1860 г. о новом устройстве морского управления, оформивший децентрализацию ведомства, обеспечившую лучшую эффективность деятельности. Немаловажным пунктом стало также сокращение расходов на содержание. Реформа коснулась самого чиновного аппарата министерства, сократившегося на 63%: с 391 человека в 1853 г. до 144 в 1861 г.²⁵⁷ Новая организация ведомства была поставлена в пример самим императором, который обязал другие министерства достигнуть того же²⁵⁸. Оценивая эти преобразования, А.П. Шевырев писал: «Реорганизация Морского ведомства стала первым опытом буржуазных реформ и, таким образом, прямо или косвенно влияла на преобразования 1860-х гг.».

Помимо участия в реформировании ведомства Мансуров занимался решением других конкретных вопросов. Так, почти сразу же после назначения в министерство, он вел делопроизводство комитета об устройстве Инвалидного дома для морских чинов и управлял делами комиссии по найму частных пароходов для военной компании на текущий год. С начала декабря 1854 г. по середину января 1855 г. Мансуров управлял канцелярией флота Генерал-Интенданта, причем как особое доверенное лицо Константина Николаевича, так как на чиновника было возложена задача предоставить великому князю свои соображения о деятельности Морского Интендантства²⁵⁹.

---

²⁵⁵ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп. 1, д. 1, л. 67–68.

²⁵⁶ Там же, л. 73.

²⁵⁷ РГА ВМФ (Санкт-Петербург), Ф.410, Оп. 2, Д. 2471, Лл. 79-79об.

²⁵⁸ Шевырев А.П. Административные реформы 1850-1860-х годов в Морском ведомстве // Вопросы истории. 1983. № 8. С. 162–163.

²⁵⁹ ГАТО (Тамбов), ф. 972, оп. 1, д. 1., л. 68.

В 1857 г. «желая скорее продвинуть по службе нескольких чиновников Морского министерства <...> и будучи стеснен в этом постановлениями о чинах, великий князь испросил производство 5 из них в действительные статские советники <...> (гг. Набоков, Мансуров, Глебов, Барановский, Варранд)»²⁶⁰. Примечательно то, что чин IV класса (к которому принадлежал и действительный статский советник), в отличие от предыдущих, «присваивался не просто за количество проведенных на службе лет, но только по представлению соответствующего министра или главы департамента и после утверждения императором»²⁶¹. В итоге, в январе 1858 года, в возрасте 32-х лет, что на 6 лет раньше среднего уровня, Мансуров получил соответствующий чин²⁶². Такой результат уже прямым образом зависел не от норм и положений, а от протекции великого князя и расположения к этому императора.

Протекция была обоснованной. Об этом свидетельствует письмо А.В. Головнина Константину Николаевичу, написанное в июле 1860 г., в котором первый хотел приободрить великого князя после ряда его неудач на государственном поприще. Головнин, будучи искушенным в придворной дипломатии и отлично зная своего патрона, избрал очень эффективный способ – напомнить Константину Николаевичу о его успехах в политической деятельности и пользе от нее. Список, приведенный в письме, содержит много эпизодов, к которым имел прямое отношение и Мансуров: «пособия *севастопольским раненым*, помощь потерявшим имущество в Севастополе, пособие на воспитание детей, выдачи из 67 т.р., средства, данные флоту для умственного образования (Мор. сборник и заграничные плаванья); *освобождение охтенских поселян*; освобождение кантонистов; исследование и улучшение жилищ нижних чинов; улучшение одежды и пищи их; деятельность Ваша по крепостному крестьянскому вопросу, в Финансовом комитете; в делах

---

²⁶⁰ Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Издательство "Д.А.Р.К.", 2006. С. 137.

²⁶¹ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода имперской России. М: Новое литературное обозрение, 2004. С. 150.

²⁶² Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

о раскольниках; *старания об улучшении положения православных поклонников* (об этом ниже – К.К.), *увеличение содержания во флоте, в министерстве и портах* (следствие реформы ведомства – К.К.); учреждение Пароходного общества и пр. Не есть ли все это целая цепь содеянных Вами благ?»²⁶³.

В 1859 г., находясь уже на пике карьеры, Б.П. Мансуров женится на Марии Николаевне Долгоруковой, по примеру своего отца выбрав в качестве супруги особу княжеского титула и фрейлину. Отец Марии Николаевны имел очень высокое положение при Дворе, обеспечиваемое придворным и статским чином II класса, полученным в 1838 г. – обер-гофмаршала и действительного тайного советника²⁶⁴. Могло ли породнение со столь влиятельной семьей повлиять на успех его карьеры? Возможно, но имеющиеся данные скорее говорят об обратном процессе – влияния уже на тот момент очень успешной карьеры на возможность породнения с влиятельной семьей.

В апреле 1860 г. Мансуров уезжает в отпуск за границу, но еще перед отъездом на него возлагаются задача по изучению французских морских пенсионных касс для составления проекта по кассе и единовременных пособий для заслуженных матросов в России. За границей он пробыл полтора года вместо запланированного одного. Отдельным императорским указом ему было разрешено продление отпуска с сохранением содержания²⁶⁵. Задержка эта могла быть связана с тем, что, находясь за границей, Мансуров настойчиво получал от Константина Николаевича дополнительные задания, которые недвусмысленно говорили об особом доверии великого князя к своему чиновнику. Так, в сентябре 1860 г, Борис Павлович, находясь во Франции, получает поручение ознакомиться с составленным проектом преобразования морских учебных заведений и предоставить свои соображения по нему²⁶⁶. В ноябре 1860 г. ситуация повторяется, но уже с проектом морской судебной части²⁶⁷. В марте

---

²⁶³ РГА ВМФ (Санкт-Петербург). Ф. 224, Оп. 1, Д 334, Л. 54-54 об.

²⁶⁴ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

²⁶⁵ ГАТО (Тамбов), Ф. 972, оп. 1, д. 1, л. 107.

²⁶⁶ Там же, л. 105.

²⁶⁷ Там же, л. 106.

1861 г. Константин Николаевич просит рассмотреть проект о морском найме в Прибалтийских губерниях, а в апреле того же года – проект Российского морского права, заявляя, что «ваши заключения <...> с благодарностью будут приняты в соображение при исправлении по ним прилагаемого проекта»²⁶⁸. Возвратившись из-за границы с заключением, что вводить в России морскую пенсионную систему, как во Франции, нет ни возможности, ни необходимости, Мансуров был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени²⁶⁹.

Последующая деятельность фактически в составе морского министерства была связана с Палестинским комитетом (1860-1864), требующим отдельного рассмотрения. Формально же уход из ведомства связан с назначением Мансурова членом Главного правления училищ и управляющим Департаментом народного просвещения соответствующего министерства в декабре 1861 г.²⁷⁰.

4.2. Деятельность в Палестинском комитете.

Будучи чиновником Морского министерства, Борис Павлович Мансуров был одним из главных участников создания проекта Русской Палестины. По своей сути – это было дело уже не внутриведомственного и даже не внутриведомственного, а международного значения. «Установление дипломатического присутствия России в Святой Земле было частью международного процесса взаимодействия и борьбы великих держав за влияние в Османской империи»²⁷¹.

Дипломатическая изоляция, в которой оказалась Россия после Крымской войны, запрет на военный флот в Черном море и сильное де-факто влияние Англии и Франции на русско-турецкие отношения побуждали правительство к поиску принципиально новых путей расширения своего политического веса на османском театре.

---

²⁶⁸ ГАТО (Тамбов), ф. 972, оп. 1, д. 1, л. 108–111.

²⁶⁹ Там же, л. 119–120, 124.

²⁷⁰ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 471

²⁷¹ Вах К.А. Основание российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов // Восточный архив. 2015, №1 (31). С. 29.

Идея создать в Иерусалиме русскую структуру, направленную на организацию и защиту православного паломничества, на тот момент уже давно «виталя в воздухе». Как писал исследователь истории русской деятельности на ближнем востоке Н.Н. Лисовой: «был найден новый внешнеполитический подход, призванный компенсировать проигрыши и уступки, и состоял он, в духе времени, в формировании сферы собственных интересов в Святой земле и, значит, собственного плацдарма проникновения»²⁷².

Для поиска путей реализации этой идеи в 1857 г., под видом частного путешественника, в Палестину был командирован Б.П. Мансуров. Возвратившись в Петербург, он представил великому князю отчет, отпечатанный в небольшом количестве экземпляров в декабре 1857 г. и переделанный потом с большими сокращениями в книжку под заглавием: «Православные паломники в Палестине», которая, очевидно, предназначалась служить путеводителем для наших паломников в Палестину, а не попавшая в печать часть содержала соображения на счет способов реализации идеи Русской Палестины. Центральным элементом плана проникновения стало прикрытие политических интересов государства экономическими интересами частной компании – Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ).

Данная организация была создана правительством сразу после Крымской войны, в первую очередь, для решения внутренних задач, таких, как развитие торговой инфраструктуры юга России и трудоустройство бывших военных моряков Черноморского флота. Обращая внимание великого князя на РОПиТ, Мансуров в своем отчете писал: «Интересы нашего правительства на Востоке совпадают с выгодами Русского общества пароходства и торговли, и сие последнее может служить лучшим орудием для исполнения того, что требуют достоинства и польза Русской церкви»²⁷³. Предлагалось, вопреки планам экс-

---

²⁷² Дмитриевский. А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: «Издательство Олега Абышко», 2008. С.373.

²⁷³ Там же, с. 97.

канцлера Нессельроде, «привести наше вмешательство на Востоке в такую неполитическую форму, которая обезоружила бы наших противников».

Скупку земель, финансирование строительных работ и поддержание удовлетворительного состояния построек Мансуров, не рассчитывавший на казну и Синод, считал возможным осуществлять за счет пожертвований частных лиц. Такой подход не только избавлял от дополнительной нагрузки депрессивную экономику страны, но и решал задачу маскировки государственного присутствия; по его мнению не стоило вводить собранные с пожертвований суммы в официальную отчетность министерства иностранных дел, а «распоряжение оными предоставить конторе Общества парходства, отчетность коей проще и *правильней* (выделено мною – К.К.)»²⁷⁴. «Таким образом, расход на приобретение здания консульства и конторы (имеется в виду контора Общества, размещенная в том же здании, консула, и, желательно, служащее одному человеку – консулу-агенту Общества – К.К.) могут быть разделены между правительством и обществом».

Что касается религиозного компонента, то Мансуров предлагал разграничить политическую и коммерческую власть с духовной между консулом и начальником Духовной миссии соответственно, и «отбросить пока помышления о политической и религиозной пропаганде по отношению к чужим». Кроме того, желательно «и в Петербурге маскировать, по возможности, роль правительства в новой деятельности <...> обличить все дело и в Петербурге в форму частного благотворительного предприятия, образовавшегося по указаниям коммерческих выгод Парходного общества, но покровительствуемого правительством ради богоугодной цели и ради сочувствия его к успехам общества». Отчет Б.П. Мансурова получил полное одобрение в Петербурге, и его идеи с решительной настойчивостью стали осуществляться на деле²⁷⁵.

---

²⁷⁴ Там же, с.100.

²⁷⁵ Там же, с. 94-100.

Однако, стоит взглянуть на эти предложения и немного с иной стороны. Само РОПиТ, хоть и являлось своеобразным политическим проектом, все же имело под собой серьезные экономические основания еще до войны. «Несмотря на то, что основной формой торговли в Черноморском регионе были морские перевозки, национальные судоходные линии этих двух стран (в России и Турции – К.К.) были развиты слабо. Со стороны Турции это объяснялось высокой долей присутствия в ее морских перевозках европейских держав. Особенность же южнорусской торговли состояла в том, что объем перевозок в южнорусские порты был невелик ввиду отсутствия широкого промышленного импорта. Большая часть кораблей, пришедшая в южнорусские порты за пшеницей, льняными семенами и другими товарами были практически пусты, что увеличивало транспортные расходы, связанные с экспортом через черноморские и азовские порты»²⁷⁶. Попытка Николая I создать «Общество мореплавания и торговли на Черном море» в 1839 году не удалась из-за неудачи в реализации акций Общества и сопротивления итальянских, французских, английских и греческих купцов²⁷⁷. Очевидно, что после войны новообразованное общество оказалось в еще более плохих экономических условиях, чем они могли бы быть при Николае I, а, как показал предыдущий опыт, одной политической воли не всегда достаточно для создания и уж тем более для поддержания существования частного пароходного общества в акватории Черного моря. Однако РОПиТ удалось просуществовать до 1917 г.²⁷⁸.

Проект Мансурова по проникновению русского влияния на Восток не только реализовывал политические интересы государства на международной арене под прикрытием экономических интересов частного общества, но и обеспечивал продвижение экономических интересов частного общества в правительстве под прикрытием реализации политических интересов

---

²⁷⁶ Болдырев А.В. Русско-Турецкие отношения середины XIX века и российское общество. М. 2013. С. 338.

²⁷⁷ Там же. С. 339.

²⁷⁸ Примечательно, что РОПиТ активно обеспечивало российскому консульству финансовую поддержку в период его становления, и даже полностью его содержало за свой счет в течение первого года, пока консульство не попало в сметы государственных структур. [Вах К.А. Основания российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов // Восточный архив. №1 (31), 2015, С 29.]

государства. Какой из этих двух полюсов больше привлекал Мансурова, сказать сложно. «Дворянский статус средней и высшей бюрократии заставлял ее довольно чутко реагировать на мнения преимущественно дворянской по составу общественности, а её вовлеченность в предпринимательство приводила к тому, что она знала о чаяниях буржуазной элиты»²⁷⁹.

В 1858 г. был учрежден Палестинский комитет, во главе которого был поставлен Константин Николаевич. Лишним подтверждением успеха Бориса Павловича в этом деле и доверия к нему великого князя стало то, что Мансуров был выбран для реализации программы комитета в жизнь. В 1858–1859 гг. он находился в Иерусалиме, занимаясь вопросами скупки земель для русского представительства и возведением построек.

Процесс становления Русской Палестины приковывал к себе внимание императора. Александр II «входил лично в подробности планов и намерений Палестинского комитета и освещал все дела их своим монаршим утверждением»²⁸⁰. Пристальный взгляд правительства на иерусалимский вопрос обуславливался именно его политическим потенциалом, а никак не религиозным рвением царя и его ближайшего окружения. Об этом можно судить по позиции Александра II, а за ним и Константина Николаевича, по отношению к конфликту, ожидаемо возникшему между начальником Духовной миссии и консулом-агентом РОПиТ, как только он туда прибыл. Начальник Миссии в своем письме другу хорошо описал существующее в тот момент противоречие: «Теперь даже не знаю куда и обращаться с вопросами по делам: г. Мансуров объявил мне, что я могу заявлять свои мнения по поклонническому делу только через его превосходительство и г. Дорогобужина (консул-агент – К.К.), но Мансуров – не начальство мне, и голословные его требования не кажутся мне законом»²⁸¹. Александр II оставил разрешение этого конфликта на усмотрение великого

---

²⁷⁹ Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 492.

²⁸⁰ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. С. 100.

²⁸¹ Там же, с. 112-113.

князя, который, в свою очередь, доверил его согласование Мансурову²⁸². Стоит обратить внимание, на то что вопрос конфликта и его разрешения никак не затронул Синод, Александр II предпочел воспользоваться более коротким и прямым путем контроля над ситуацией, миновавшим представителей именно религиозных интересов. В конце 1859 г. императорским указом было установлено, что контроль над всеми имущественными и политическими вопросами лежал на консуле²⁸³.

Наверное, именно деятельность в Палестине привлекла внимание царя к Мансурову. С того момента в переписке между Александром II и Константином Николаевичем появляются признаки особенно положительного отношения (если не дружбы) обоих представителей императорской крови к простому чиновнику для особых поручений морского министерства. Так, великий князь в письме к Александру II в мае 1859 г. из Бейрута писал: «Подробности про все это может передать тебе Мансуров, которым я был очень доволен и которому мы обязаны всем благополучно совершенным путешествием»²⁸⁴. Последовал ответ: «При этом я должен тебе сказать, что я весьма был доволен всеми моими разговорами с Мансуровым и нашел в нем при всей пылкости, которую я люблю встречать в нашем молодом поколении, много рассудительности и истинного благородства в чувствах. Поэтому разрешаю тебе представить его к награде, какую ты сочтешь приличной»²⁸⁵. И снова ответ великого князя: «Благодарю также тебя за разрешение представить моего доброго Мансурова к награде. Я бы полагал, что назначение его статс-секретарем было бы для него лучшей наградой, которая в то же время дала бы ему и то общественное положение и вес, которые нужны, чтобы с надлежащим успехом действовать ему в порученном деле»²⁸⁶.

---

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же, с. 113.

²⁸⁴ Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем. М. 1993. С. 97.

²⁸⁵ Там же, с. 99.

²⁸⁶ Там же, с. 105.

Статс-секретарем Мансуров стал тогда же, в мае 1859 г.²⁸⁷ Данный эпизод интересен тем, что выявляет и иллюстрирует фактор карьерной динамики, который невозможно заметить при макроанализе. Рассматривая исходную совокупность чиновников в качестве системы, каждый элемент которой (отдельный чиновник) бесконечно стремится к продвижению по Табели, прилагая все необходимые усилия и демонстрируя полезные качества, мало уделяется внимание «встречному движению», когда правительство (а именно – император) само продвигает по чинам угодных и полезных ему лиц. Понятно, что это «встречное движение», по большому счету, является прямым следствием рассмотренных в макроанализе факторов, однако, стоит учесть, что набор полезных качеств, являясь причиной «встречного движения», не является его гарантией. Таким образом, усилия правительства по продвижению чиновника также стоит выделить в отдельный фактор карьерного успеха. Можно сказать, что в профессиональной биографии Мансурова этот фактор имел вес.

Статус статс-секретаря позволил Борису Павловичу развить свой успех, связанный с доверием царя и его брата. Восемь лет спустя, в апреле 1868 г., министр внутренних дел П.А. Валуев (1815-1890, S=54,72, 115 место из 262) в своем дневнике записал, что «Мансуров передал мне некоторые частности разговора государя с его братом на счет Москвы, газеты «Москвы» Аксакова и пр.»²⁸⁸.

К 1864 г. сооружение основных построек в Палестине было завершено. Еще за 2 года до этого председателем Палестинского Комитета стал А.В. Головнин вместо Константина Николаевича, назначенного наместником Царства Польского. Желая эффективнее вписать управление Русской Палестиной в структуру министерств, и не видя больше смысла именно в Комитете, Головнин договорился о передаче дел (со слов Мансурова – за его спиной) Палестинского

---

²⁸⁷ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

²⁸⁸ Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. Т. 2. С. 265.

комитета в управление Азиатского департамента министерства иностранных дел²⁸⁹.

Оценивая Палестинский Комитет вообще и деятельность Мансурова в частности, можно сказать, что Русская Палестина давала возможность «беспрепятственно создать в странах библейского региона собственный плацдарм проникновения, т. е. полномасштабную российскую инфраструктуру по примеру того, что уже делалось на Востоке странами Запада»²⁹⁰.

Успешное решение сложной и экстраординарной задачи государственной важности позволило чиновнику для особых поручений выйти на прямые контакты с императором, зарекомендовать себя с лучшей стороны и вызвать определенную зависимость Александра II от статуса «профессионального администратора», который провоцировал «встречное стремление» монарха на продвижение чиновника по социально-бюрократической лестнице.

4.3. Деятельность в Палестинской комиссии.

Для расширения представлений о профессиональных качествах Б.П. Мансурова стоит отдельно рассмотреть его административную деятельность в преемнице Палестинского Комитета – Палестинской Комиссии – структурного подразделения министерства иностранных дел. Уставом комиссии было установлено три постоянных ее члена: директор Азиатского департамента как представитель Министерства иностранных дел, обер-прокурор Св. Синода как представитель от духовного ведомства, и лично Б.П. Мансуров как бывший член комитета, хорошо знакомый со всеми тонкостями дела. Это назначение сделало последнего «почти на 25 лет единственным мощным вершителем всех дел, касающихся Палестины», так как остальные члены Комиссии из-за своей

---

²⁸⁹ Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М.: "Индрик", 2014. С. 59.

²⁹⁰ Вах К.А. Об изучении первого периода создания Русской палестины. 1856-1864 // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М.: Индрик, 2012, С. 11.

занятости редко принимали участие в ее жизни и полагались на авторитет и компетентность бывшего члена Комитета²⁹¹.

Палестинская комиссия просуществовала до 1889 г., когда была объединена с молодым Императорским Православным Палестинским Обществом (ИППО). Целью комиссии было заведывание русскими постройками, поддержание их в приемлемом состоянии, а также – решение некоторых вопросов с Портой, которые могли возникать в процессе деятельности Комиссии и Русской духовной миссии. Характеризуя главное лицо Палестинской Комиссии, современник и исследователь Императорского Православного Палестинского Общества А.А. Дмитриевский, писал: «Превосходное знакомство с условиями жизни и быта на Востоке, личные частные общения с выдающимися там деятелями, изумительная энергия, упорная настойчивость в отстаивании своих взглядов и убеждений, дипломатическая изворотливость и умение при желании обворожить и привязать к себе нужного ему человека – все это сделало из Б.П. Мансурова настойчиво энергичного, независимого и почти безапелляционного распорядителя в Иерусалиме в наших богоугодных заведениях и авторитетного незаменимого члена в комиссии в Петербурге, где к его обширным резолюциям, замечаниям, предложениям и т.п. другие члены ее, никогда не видевшие Востока, внимательно прислушивались, стереотипно повторяя: “С мнением Б. П. Мансурова согласен. Такой-то ...” <...> Для жителей Палестины, привыкших такие преимущества власти и чести относить лишь к паше, Б.П. Мансуров был поистине “Мансур-паша” как величали его туземцы»²⁹². Аналогичный авторитет Мансурову удавалось поддерживать и в глазах непосредственной государственной верхушки, так, Константин Николаевич в беседе с деятелем ИППО В.Н. Хитрово на счет Палестины в 1880 г. сказал: «Лучше Мансурова никто этого дела не знает»²⁹³.

---

²⁹¹ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. С.131.

²⁹² Там же. С.131–132.

²⁹³ Там же. С 208.

Палестинская Комиссия просуществовала четверть века и на протяжении всего периода во многом зависела от позиции Мансурова, что еще более важно – в 25-ти летнюю зависимость попали отчасти и отношения с Турцией и экономическое положение РОПиТ. Пароходное общество за 1860-1870-е гг. успело сыграть позитивную экономическую роль. «За последние годы появились работы, авторы которых, не отрицая негативных сторон Парижского трактата, тем не менее указывают на то, что либерализация Черного моря во многом способствовала успехам России в области торговли и почтового сообщения в этом регионе»²⁹⁴.

Деятельность Б.П. Мансурова в самой комиссии во многом носила административно-хозяйственный характер по отношению к комплексу российских построек и инфраструктуры в Палестине. А.А. Дмитриевский не раз упрекал Бориса Павловича в излишней экономности и осторожности. Комиссия накопила много средств, которые, однако, не имели использования до слияния ее с ИППО в 1889 г. «В официальных данных Палестинской комиссии до самого прекращения ее существования мы не встречаем никаких <...> крупных издержек на содержание и ремонт зданий наших богоугодных заведений, все же прочие ничтожные поделки в приюте, действительно, не заслуживают и упоминания»²⁹⁵. Одним из итогов этой бережливости, по мнению Дмитриевского, стало плохое состояние некоторых русских построек, не справлявшихся с возрастающим потоком паломников.

Умение Мансурова находить денежные средства сочеталось с его талантом их экономить, что и испытывала на себе Палестинская Комиссия. Однако, есть эпизоды, указывающие на то, что Борис Павлович не имел полной возможности распоряжаться ее ресурсами. Так, в сентябре 1884 г. Мансуров «с особым настоянием» писал в Комиссию «о необходимости безотлагательно построить отдельное здание для заразных больных» но ему было отказано в средствах.

---

²⁹⁴ Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 2006. С. 77-78.

²⁹⁵ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. С. 156-157.

Тогда Мансуров нашел князя В.А. Долгорукова в качестве частного спонсора, а в октябре 1885 г. палата была уже построена²⁹⁶.

Еще одно обвинение А.А. Дмитриевского в адрес руководителя Русской Палестины звучало в отношении проводимой комиссией политики сосуществования ее агента в Иерусалиме, олицетворявшего административную власть, с Русской духовной миссией, олицетворявшей религиозное представительство. Стремление Мансурова к полному контролю над ситуацией вызывало постоянные конфликты между ними и постепенному сокращению полномочий Миссии²⁹⁷. Действительно, в 1879 г. Палестинская Комиссия обратилась в Синод с предложением присвоения иерусалимскому консулу звания «генерального» и фактического упразднения Миссии, с заменой ее начальника простым иеромонахом. Синод был готов согласиться на эти предложения, если бы не сопротивление влиятельного члена Государственного совета графа Е.В. Путятин²⁹⁸

Источники отражают столкновение интересов Синода и Комиссии. В.Н. Хитрово, отстаивая идею создания частного палестинского общества (позже его усилиями и будет создано ИППО), имел в 1879 г. разговор по этому вопросу с Б.П. Мансуровым, который прямо заявил: «Сидите, молчите, все, что можно сделать для Палестины, мы делаем и будем делать, лучше этого не нужно и нельзя»²⁹⁹. Такая агрессивная позиция была без страха проявлена им уже тогда, когда идее частного общества сочувствовали достаточно влиятельные круги, в том числе все тот же Е.В. Путятин и, что еще более важно, будущий обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев (1827-1907, S=74,74, 35 место из 262). Кстати, после назначения Победоносцева на эту должность, Мансуров не раз повторял В.Н. Хитрово (зная, что тот непременно передаст это Победоносцеву), что с «Синодом теперь ничего не поделаешь»³⁰⁰. Стремления

---

²⁹⁶ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. С. 175.

²⁹⁷ Там же. С.150–178.

²⁹⁸ Там же. С 194-201.

²⁹⁹ Там же. С. 202-203

³⁰⁰ Там же. С. 204

Синода контролировать Русскую Палестину понятны. Победоносцева не мог не беспокоить факт вмешательства в религиозные дела другого министерства. Отсюда вытекала заинтересованность, а, может, даже один из главных импульсов к созданию «частного» палестинского общества (что может скрываться за словом «частный» можно видеть на примере РОПиТ). Удивительно то, что несмотря на ведомственную конфронтацию, переписка между Б.П. Мансуровым и К.П. Победоносцевым в 1880-1890-х гг. велась в очень дружеских тонах (вероятно, сказалось личное знакомство со времен Училища правоведения, из которого Константин Петрович выпустился в 1846 г.)³⁰¹.

Мансуров долго сопротивлялся попыткам создания ИППО, и только когда в январе 1880 г В.Н. Хитрово, продвигая эту идею, сделал доклад в Обществе любителей духовного просвещения, который привлек внимание Константина Николаевича, указавшего на это Мансурову, последний согласился на переговоры. В приватном разговоре между Борисом Павловичем и Хитрово последний выделил 3 пункта направления своей деятельности, в которой фактический руководитель Русской Палестины мог оказать содействие: 1) сохранение Духовной миссии, а, позже, ее расширение; 2) предоставление Миссии официального представительства «Православной Руси» перед Иерусалимским патриархатом; 3) образование частного палестинского общества. Естественно, все пункты Мансуров отклонил. В существовании расширенной и укрепленной Миссии он не видел смысла, а в существовании частного общества – возможности, ввиду его неустойчивого финансового положения и слабого представительства в силу частного статуса перед турецкой властью (для РОПиТ, однако, частный статус не был проблемой). По озвученному в этом разговоре мнению Мансурова, единственное, что можно было бы сделать для православия – это оказать финансовую поддержку иерусалимскому патриархату, и тем самым расширить его зависимости от

---

³⁰¹ РГИА (Санкт-Петербург), Ф. 1574, оп. 2, д. 66, л. 42.

России³⁰². Высказывая это мнение, он практически не лукавил, кроме одного момента, вероятно, что не православие больше интересовало Мансурова, а степень представленности государственных интересов, выражавшихся через конфессиональные. Отношение же к сильной Иерусалимской патриархии как к основному инструменту реализации русских амбиций в Палестине, Мансуров обосновал в одном из своих писем к А.В. Головнину в 70-х гг: «Я не согласен <...> в том, что нам следует взять Иерусалимскую Патриархию в нашу полную опеку. <...> Мы несостоятельны в ведении из далека такого рода дел. <...> Только *одна* [Иерусалимская] (выделено мной – К.К.) патриархия может вести дела в Иерусалиме, а она это доказала тем, что поддерживала свое достоинство более 400 лет, несмотря на беды турецкого ига. <...> Если верить в исторический фатум (а не верить нельзя, ибо этот *fatum* есть логика), то нечего опасаться того, чтобы Греки поглотили или стерли Арабов. Местного народа не поглотить и не стереть с лица земли; верно может быть то только, что Арабы под рукою Греч[еского] духовенства позднее дойдут до самостоятельности, но все-таки дойдут, но еще вернее то, что если мы дадим погибнуть Греч[еской] патриархии, то [они] переменяться в Латинство. <...> Долгое стояние у этого дела <...> убедило меня в том, что как Греки спасли и удержали православие до XIX века, так они одни и сумеют удержать свое и впредь. Удержат они может быть не для нас и не в наших интересах, но (говоря в духе Хитрово) тут дело идет не о Русском интересе, а об интересе Православной церкви»³⁰³.

Переломить ситуацию Мансурову не удалось. Вопрос о создании ИППО в верхах был решен положительно. Как только дело пошло к окончательному созданию общества (зима 1881-1882 гг.), когда устав общества был одобрен в нужных министерствах, а великий князь Сергей Александрович согласился стать его председателем, Мансуров изменил свои высказывания относительно

---

³⁰² Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. С. 208-211.

³⁰³ РНБ, отдел рукописей, Ф. 208, № 317.

Общества³⁰⁴. Представители ИППО не могли не предложить (хотя бы ради собственного имиджа) такому авторитетному и опытному знатоку палестинского вопроса членство в своей организации. В свою очередь, Мансуров, отдав этой деятельности 25 лет, не мог оставить без контроля «оппозиционную» структуру и вынужден был членство принять. Позитивное отношение к новообразованному обществу было, конечно, неискренним, настолько, что его сын Павел «унаследовал от отца скептицизм к ИППО»³⁰⁵. Сам Мансуров пробыл в составе Совета ИППО недолго – с момента основания до очередных выборов в 1884 г., где его кандидатуру забаллотировали³⁰⁶, и окончательно отошел от активной деятельности в Палестине в 1889 г, когда Палестинская Комиссия была упразднена и слита с Императорским православным палестинским обществом.

Длительное административно-хозяйственное управление большим инфраструктурным комплексом позволило закрепить за Мансуровым статус знатока и эксперта в экономической деятельности (о чем будет сказано ниже). Этот статус, в определенный момент «переориентировал» направление карьерного продвижения чиновника, расширив его специализацию.

4.4. Деятельность в Министерстве народного просвещения.

В декабре 1861 г. министром народного просвещения становится один из фактических лидеров константиновцев Александр Васильевич Головнин. Назначение либерально настроенного реформатора на пост министра народного просвещения (не без содействия Константина Николаевича) было связано с кризисом университетской системы и волной студенческих беспорядков. От Головнина ожидали действий, и он сразу же к ним приступил.

---

³⁰⁴ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. С. 246.

³⁰⁵ Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М.: "Индрик", 2014. С. 61.

³⁰⁶ Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 1. Православие в Святой Земле. М.: Сибирская Благовонница, 2011. С. 27.

Ожидаемо, что Александр Васильевич в вопросе кадрового состава министерства предпочел действовать по старой и подтвердившей свою эффективность схеме – частично обновить команду за счет бывших сослуживцев, в профессионализме которых он был уверен. Так, в министерство народного просвещения были приглашены его коллеги по морскому ведомству, а шире – по «партии», например Б.П. Мансуров и Д.А. Оболенский (1821-1881, S=63,45, 73 место из 262)³⁰⁷.

Мансуров стал членом Главного правления училищ и управляющим Департаментом народного просвещения 28 декабря 1861 г., то есть был назначен А.В. Головниным на эти должности почти сразу же после его утверждения на посту министра (в декабре 1861 г.)³⁰⁸. Степень доверия Головнина к Мансурову понятна из того, что в процессе реформирования министерства, Александр Васильевич всю административную часть сосредоточил именно в Департаменте народного просвещения, а после упразднения главного правления училищ передал функции последнего новому органу – Совету министра, членом которого тут же был назначен Б.П. Мансуров, где и пребывал до 1864 г., т.е. до создания Палестинской комиссии.

Свою деятельность на новой должности Борис Павлович, сменивший, кстати, на этом посту своего будущего оппонента по Государственному совету и «бывшего» константиновца Д.А. Толстого (1823-1889, S=71,45, 47 место из 262), начал с преобразования самого Департамента и его канцелярии на предмет уменьшения письменной работы, сокращения числа чиновников и увеличения содержания оставшихся. В итоге, в сентябре 1863 г. директор Департамента утвердил новые правила делопроизводства, сводившие к минимуму механическую переписку. Все делопроизводители были разделены на 4 разряда

---

³⁰⁷ Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения и цензоры в государственной системе пореформенной России // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С. 150

³⁰⁸ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С.51.

в зависимости от чинов и окладов. Сократилось количество чиновников Департамента на 60% (со 101 до 39)³⁰⁹.

Эффективная деятельность в Департаменте и решение сложного палестинского вопроса привело к тому, что Александр II согласился с предложением А.В. Головнина повысить Мансурова в чине. Профессиональная биография Бориса Павловича не позволяет усмотреть каких-либо препятствий для данного чинопроизводства и, все же, оно является достаточно уникальным. В январе 1862 г. Мансуров был произведен в тайные советники (III класс) в возрасте 36 лет, в то время как средний результат был на 10 лет больше. Путь от IV класса Табели к III занял у успешного чиновника всего 4 года (см. Таблица 15).

Если даже продвижение по верхним ступеням Табели о рангах зависело от позиции императора, утверждавшего чины, то не стоит сбрасывать со счетов и отношение непосредственного начальства, от которого чаще всего исходили ходатайства на повышения. Отношения между Мансуровым и Головниным можно представить, основываясь на их переписке. Мансуров среди близких друзей Головнина никогда не числился³¹⁰, но письма министра народного просвещения своему чиновнику носили не только рабочий характер, но и затрагивали личные вопросы, по которым нередко давались различные советы³¹¹. Да и сам Борис Павлович охотно (и во время службы в министерстве и позже) делился с Головниным своими мыслями по разным поводам. Приятельские отношения не ограничивались перепиской, в 1870-х гг. Мансуров мог бывать по приглашениям Головнина в его рязанском имении Гулынки³¹².

Однако, как отмечает исследователь биографии министра народного просвещения, стоило Мансурову стать подчиненным Головнина, письма последнего к первому приобрели резкий и требовательный тон. Особенно

---

³⁰⁹ Стафёрова Е.Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2007. С. 114

³¹⁰ Семеновский М.И. Александр Васильевич Головнин // Русская старина. 1887, Т. 53, №3. С. 767-790.

³¹¹ см. Стафёрова Е.Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении.

³¹² Стафёрова Е.Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении. С. 453.

порицал Головнин частые просьбы об увольнении в отпуск. В мае 1864 г. в неофициальном послании Александр Васильевич «откровенно и дружески» посоветовал Борису Павловичу получить должность посланника в Константинополе или звание сенатора, намекая на то, что там не будет начальника, который настойчиво требует, чтобы его указания исполнялись. Заверяя Мансурова в готовности ходатайствовать перед императором о переходе его на другую службу, Головнин признавался: «Я приглашал Вас в министерство просвещения временно». Эпистолярный накал окончился в июне 1864 г. Тогда же чиновник министерства народного просвещения М.М. Стасюлевич писал П.А. Плетневу: «У нас неожиданно отставлен Мансуров»³¹³.

Отставка, показавшаяся неожиданной для некоторых чиновников, на самом деле таковой не являлась, и, более того, Мансуров был уволен по собственному желанию. Еще за месяц до этого события А.В. Головнин сообщил Мансурову: «Спешу уведомить, что желание Ваше исполнено и подписан указ об увольнении Вас от службы по м[инистерст]ву нар[одного] пр[освещения] с оставлением в звании статс-секретаря. Надеюсь, что прекращение служебных отношений не изменит нашего <...> знакомства»³¹⁴. Надежды Головнина оправдались, прекращение служебных отношений не отменило приятельской переписки, продолжавшейся до самой смерти Александра Васильевича.

Короткий период службы под началом хорошего знакомого, эффективно использовавшего талант Мансурова к реформированию и оптимизации различных бюрократических структур, проявленный еще во время службы в морском ведомстве, и крайне положительная репутация среди членов императорского Дома, позволили чиновнику относительно просто реализовать свой положительный потенциал и получить выгодное повышение.

---

³¹³ Там же, с. 123-126.

³¹⁴ ГАРФ (Москва), Ф. 990, оп. 1, д. 231, л. 7.

§5. Заключительный этап карьеры. Влияние репутации.

5.2. Деятельность в Сенате.

В качестве награды за деятельность в Палестинском Комитете в 1865 г. Мансуров был назначен сенатором. Повышение, однако, происходило в когорте с прочими отличившимися перед великим князем Константином Николаевичем чиновниками и по его представлению: Победоносцевым и Зубовым³¹⁵.

За семь лет до своего перехода в Государственный совет (до 1872 г.) Борис Павлович будучи сенатором сменил 6 направлений работы³¹⁶:

1. С января 1865 г. по июнь 1865 г. – Департамент Герольдии Сената (6 месяцев).
2. С июня 1865 г по сентябрь 1865 г. – 6 Департамент Сената (4 месяца);
3. С сентября 1865 г. по декабрь 1866 г. – 5 Департамент Сената (16 месяцев);
4. С декабря 1866 г. по апрель 1867 г. – 2 Департамент Сената (5 месяцев);
5. С апреля 1867 г. по май 1868 г. – 7 Департамент Сената (14 месяцев);
6. С мая 1868 г. по январь 1872 г. – был вице-президентом Комиссии для постройки храма Христа Спасителя в Москве (45 месяцев).

Частая смена департаментов не позволяет определить четкий круг занятий и специализацию Мансурова в Сенате. Можно предположить, что динамичность его службы была обусловлена авральной работой самого Сената и потребностью в специалистах «широкого профиля», решающих конкретные возникшие проблемы. Фактически - будучи сенатором, Б.П. Мансуров оставался чиновником для особых поручений.

Его деятельность в качестве сенатора была многогранной и малоприметной: например, Мансуров принимал участие в разработке проекта нового Устава о дворянских собраниях и выборах, активно занимался уже знакомым себе делом

---

³¹⁵ Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб.: «Нестор-История», 2005. С. 296.

³¹⁶ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

- ревизией ряда центральных губерний России³¹⁷. Отдельного рассмотрения достойна его деятельность в Комиссии по сооружению храма Христа Спасителя в Москве.

Сама постройка этого сооружения имеет долгую историю. Как это случалось, строительные работы многократно затягивались, расходы грозили перерасти в астрономические единицы. Наиболее активная фаза работ началась при Николае I, когда в апреле 1832 г. царь утвердил архитектурный проект храма, а в 1837 г. учредил Особую Комиссию по его постройке во главе с генерал-губернатором Москвы, которым на тот момент являлся Д.В. Голицын. Тогда же был определен штат, который, в силу затягивающихся работ, расширялся в 1839 г. и 1843 г. Доказав свою малую эффективность, структура штата в 1857 г., 1859 г. и 1864 г., напротив, последовательно сокращалась по указам Комитета министров с целью оптимизации расходов (в основном сокращались многочисленные помощники и мелкие канцелярские должности)³¹⁸.

В такой обстановке постоянных сокращений и с трудом получаемых Комиссией дополнительных средств, в мае 1868 г. Б.П. Мансуров занял должность вице-президента. Свои обязанности в этом качестве он сохранял вплоть до окончания строительных работ³¹⁹.

Это назначение в корне изменило ситуацию с храмом. С самого момента включения Мансурова в работу и за три года исполнения им должности (на безвозмездной основе!) долгое и затратное строительство перестало быть таковым, и к 1871 г. было сэкономлено (!) 360 тыс. рублей, при этом самим Императором было признано, что работы «значительно и успешно продвинулись»³²⁰. За такой успех председатель Комиссии активно ходатайствовал о назначении оплаты Мансурову этой должности. В 1879 г., когда проводились отделочные работы, Государственный совет (членом которого на тот момент был Борис Павлович), обсудив смету Комиссии,

---

³¹⁷ Там же.

³¹⁸ РГИА (Санкт-Петербург). Ф. 1152, оп 6 – 1864, д. 747, л. 1-2

³¹⁹ Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. С.51.

³²⁰ ГАРФ (Москва). Ф. 990, оп. 1, д. 28, л. 2об.

составленную с его участием, выделил еще и дополнительные ассигнования на постройку храма³²¹. А через 4 года храм Христа Спасителя был освящен и открыт для службы.

Подход к административно-хозяйственным вопросам, принимаемый Мансуровым на своем посту и доказавший свою эффективность, проявлялся им также и в других сферах жизни, в том числе и семейной. Любопытен в этой связи проект духовного завещания, составленный за два года до смерти, в 1908 г. Этот документ иллюстрирует тщательность экономии, которую, однако, тяжело назвать мелочной. Комментируя свое завещание сыну Павлу, Мансуров писал, что сначала хотел поделить свой дом во Флоренции между ним и своей племянницей «Лилой Нарышкиной», но понял, что раздел будет никому не удобен. Так как его племянница находилась в затруднительном финансовом положении, а Павел являлся чиновником и почти постоянно должен был пребывать в России, Борис Павлович пришел к мысли оставить целый дом Нарышкиной. Однако, согласно итальянским законам, Нарышкина, в силу степени своего родства к завещателю, при получении недвижимого наследства должна была уплатить казне налог в 16,3% от стоимости дома, что, по словам Мансурова, составляло неподъемную для нее сумму. Борис Павлович нашел решение данной проблемы в том, что он завещал дом сыну, которому вступление в наследование обошлось бы всего в 2%. В свою очередь, Павел должен был обещать своему отцу, что сразу после приобретения прав собственности, оформит купчую (за свой счет), и «перепродает» дом Нарышкиной с документальным заявлением того, что деньги от покупателя он получит в России в Банке³²². Естественно, ни о каких деньгах речи и быть не могло; такая афера оформила фактическую передачу по завещанию дома Мансуровым своей племяннице без ее обременения большими затратами в пользу итальянской казны (Мансуров, будучи состоявшимся государственным деятелем, на

---

³²¹ РГИА (Санкт-Петербург). Ф. 1152, оп. 9 – 1880, д. 125, л. 41

³²² ГАРФ (Москва). Ф. 990, оп. 2., д. 501

страницах этого письма иронизировал по поводу нежелательности расходов семейных средств в бюджет этого государства).

Деятельность Бориса Павловича Мансурова в Сенате продемонстрировала умения и таланты, ранее способствовавшие его продвижению по карьерной лестнице. Находясь уже в чине тайного советника (III класс), сенатор оставался фактически чиновником для особых поручений. Эффективность, с которой Мансуров справлялся с возложенными на него обязанностями, побуждала высшие эшелоны власти направлять талантливую чиновника на решение сложных и актуальных проблем, ставя себя в позицию своеобразных «заложников» его профессионализма и сложившейся системы бюрократической иерархии, когда для назначения на важную должность кандидат должен был обладать определенным минимумом чина и статуса.

5.3. Деятельность в Государственном совете.

1 января 1872 г. Мансуров был назначен членом Государственного совета. В этом статусе он оставался практически до конца жизни. С 1872 г. по 1897 г. Борис Павлович числился в Департаменте государственной экономии Совета. Он являлся членом особой комиссии по рассмотрению всеподданнейших отчетов по Человеколюбивому обществу за 1871 г., по Попечительному совету заведений общественного призрения в Москве за 1871 и 1872 гг., по Комитету призрения заслуженных гражданских чиновников за 1877-1879 гг. С октября 1881 г. Борис Павлович становится членом Особой комиссии для подробной разработки проектов законоположений об укреплении прав на недвижимые имущества. Наиболее активная фаза его деятельности в Совете продолжалась до 1895 г., после которого ему было разрешено отлучаться без особого позволения, и по мере надобностей присутствовать в Государственном совете, когда позволяет здоровье (на тот момент Мансурову было уже 69 лет)³²³.

---

³²³ Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 470.

В январе 1880 г. Борису Павловичу Мансурову был присвоен чин действительного тайного советника (II класс). Получение фактически самого высшего статского чина (I класс присваивался крайне редко) можно считать своеобразной «инерцией» кадровой политики. К тому моменту 54-х летний чиновник, успешно проявивший себя на государственной службе, являвшийся авторитетом по некоторым вопросам, вошедший в состав высшего законосовещательного органа и проявлявший в нем активную деятельность (о чем ниже), вполне мог претендовать на очередной чин, если учесть, что к повышению на 1 января 1880 г., помимо него, были представлены еще 6 членов Совета (2 из которых также константиновцы).

Стоит обратить внимание на то, что назначение в большинство комиссий Государственного совета (за исключением одной), и повышение в чине до II класса произошли при Александре II. Политическая деятельность за пределами Совета была полностью свернута (справедливости ради – еще за 5 лет до смены царя). Возможно, что смена господствующих взглядов и, главное, людей в правительстве после смерти Александра II скорее всего сказалась и на положении Бориса Павловича. Его участие (хоть и косвенное) в процессах крупных государственных преобразований либерального характера могло дискредитировать чиновника в глазах императора. «Александр III, сразу после первого манифеста, немедленно удалил от трона людей, связанный с реформами предыдущего царствования и решил довериться тем, кто разделял его взгляды на традиционные ценности и роль дворянства»³²⁴.

В самом же Государственном совете Мансуров, не стесняясь, вел активную деятельность, нередко входя в оппозицию монарху. Частые заявления так называемого «особого мнения» выделяли Мансурова среди многих членов Государственного совета, где подобные действия были сравнительно редкими³²⁵.

---

³²⁴ Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода имперской России. М: Новое литературное обозрение, 2004. С. 100.

³²⁵ Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России XVII - начало XX в. СПб.: "Искусство-СПБ", 1999. С.73.

Пассивность же многих участников заседаний придавала большое влияние тем, кто занимал активную позицию³²⁶.

Так, в феврале 1888 г. Мансуров выступал против предоставления министру внутренних дел права удаления от должностей «неблагонадежных» протестантских пасторов в западных губерниях, утверждая, что Сенат достаточно ограждает порядок в этом регионе³²⁷. В своем письме к К.П. Победоносцеву, выступавшему в Совете за предлагаемые меры, Мансуров обосновывал подачу своего «особого мнения» (для иллюстрации характера отношений между ними, несмотря на политическое противостояние по многим вопросам, текст письма приводится полностью): «Благодарю тебя премного любезный друг Константин Петрович за доставленное мне переписанное мнение. Не подавать его я не могу, ибо желаю быть последовательным до конца. Государь не может посетовать на члена Совета, считающего себя обязанным высказывать то, что думает. Правда, что я в течение заседания, по выслушивании мнения 16 членов (вашего мнения), рассердился и написал Половцову карандашом записку что отказываюсь от возражений. О фазе этой я говорил с В.К. Плеве и он о ней сожалеет: в мнении 16 членов проскочило признание, что есть в Балт[ийском] Крае вероисповеданная неопределенность или что-то в этом роде Но когда ты произнес свои слова и вслед за тобой говорили М.Н. Островский и В.К. Плеве в прямое подтверждение того о чем я распинался у вел[икого] князя в кабинете перед заседанием, я счел себя нравственно обязанным и гласно заявить, что я в этом с вами тремя согласен, а затем, что я остаюсь при особом, т.е. прежнем мнении»³²⁸.

Таким образом, и в этом органе Борису Павловичу удалось сохранять и развивать репутацию компетентного финансиста и оптимизатора. К ней же добавилось еще одно качество – Мансуров начал рассматриваться большинством членов Государственного совета как закостенелый и непоколебимый критик

---

³²⁶ Там же, с. 71.

³²⁷ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. Т. 2. С. 89.

³²⁸ История Государственного Совета Российской империи. 1801—1917. СПб., 2008. С. 510.

многих проектов, мешающий своей (в том числе и по мнению Александра III) пустой и необоснованной критикой ходу обсуждения дел в Совете³²⁹. Отношение императора к Борису Павловичу отразил в своем дневнике С.Ю. Витте, со слов которого, Мансуров «доставлял много хлопот, поэтому Александр III подписывая его просьбу об отпуске, сказал, что в отпуске Мансурова будет меньше разногласий»³³⁰. Государственный секретарь А.А. Половцов в своем дневнике также цитировал императора, по мнению которого «Мансуров уж слишком часто говорит по всякому пустому делу»³³¹. В свою очередь, Половцову приходилось «реабилитировать» чиновника в глазах царя, говоря ему (а, скорее – подыгрывая): «Мансуров человек не обширного ума, но чрезвычайно добросердечный, имеющий мужество высказывать свои мнения, каковы бы они ни были»³³².

Можно ли подобное отношение Александра III к Мансурову считать проявлением недовольства монарха? Вряд ли. Несмотря на некую напряженность в отношениях между ними, ни император, ни уж тем более чиновник не решились и даже не высказали побуждений к отстранению последнего от членства в Совете, в то время как существовали неписанные нормы служебного поведения: «Если император выражал каким-либо образом свое недовольство сановником, тот должен был незамедлительно подать в отставку»³³³. Конечно, это правило не являлось абсолютным и непоколебимым, и не стоит делать вывод, основанный исключительно на нем.

На первый взгляд, наиболее активной критике со стороны Мансурова подвергались меры, получившие в историографии название «контрреформы». Оппозиционное настроение к законодательным инициативам царя в Государственном совете, прошлое Мансурова в контексте его косвенного

---

³²⁹ См., напр.: Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. 605+639 с.

³³⁰ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. Т. 2. С. 134.

³³¹ Там же. Т. 2. С. 191.

³³² Там же. Т. 2. С. 191.

³³³ Долгих Е.В. К проблеме Менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: "Индрик", 2006. С. 26.

участия в реформах предыдущего царствования и, возможно, даже личная и взаимная антипатия между ним и монархом, вызванная их противоположным отношением к фигуре Константина Николаевича, дают основания видеть в Мансурове либерально настроенного чиновника, сопротивляющегося реакции. Однако, ни более подробный анализ его деятельности в Государственном совете, ни некоторые факты из биографии это основание не подтверждают и не позволяют выявить во взглядах Мансурова какой-либо идеологический стержень. Мог ли принципиальный либерал отдать своего сына учиться в Николаевский лицей (почему-то не в Училище правоведения), где директором был М.Н. Катков³³⁴? Анализ воспоминаний членов Государственного совета и журналов его заседаний также не позволяет позиционировать заявления и особые предложения по обсуждаемым проектам в ключе идеологических течений того времени.

Например, Мансуров выступал с резкой критикой «реакционного» проекта положения о земских начальниках министра внутренних дел Д.А. Толстого. Однако, сам характер критики и контрпредложения не носили в себе ничего принципиально либерального. По мнению Бориса Павловича, реформа местного самоуправления должна была заключаться в *усилении полицейских и судебных органов*, а не создании промежуточного института. «Отделение власти административной от власти судебной есть краеугольный камень всякого благоустроенного государства, это верно не только по теории, но еще гораздо более на практике»³³⁵.

Еще более показателен случай, происходивший зимой-весной 1886 г., когда в соединенных Департаментах Государственного совета рассматривался проект «Положения о найме на сельские работы и в служительские по сельскому хозяйству должности», являвшийся одной из реакционных мер правительства. Как это часто бывало, Мансуров при обсуждении этого проекта не поленился

---

³³⁴ Стафёрова Е.Л. А. В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2007. С. 437.

³³⁵ Ермакова З.П. Преданный Святой Земле работник // Московский журнал. 2012, №4. С. 62.

предоставить в письменном виде отдельное мнение по его вопросу³³⁶. Ряд дополнений, внесенных Борисом Павловичем, был ориентирован на усиление прав помещиков. Более того, в итоге, эти дополнения были отвергнуты. По мнению сотрудника администрации министра внутренних дел Д.А. Толстого, Островского, предложения Мансурова были направлены на то, чтобы «всемерно оградить интересы одной стороны – нанимателей, предоставив им право удерживать по собственному произволу паспорта своих рабочих»³³⁷.

Оба случая иллюстрируют отношение Б.П. Мансурова к обсуждавшимся вопросам, которое не определялось либеральной или консервативной направленностью, однако в его действиях улавливается принципиальная оппозиционность. Для того, чтобы определить, насколько это предположение обосновано, стоит подробно рассмотреть эпизод, связанный с обсуждением денежной реформы С.Ю. Витте (S=48,55, 130 место из 262) 1897 г., в котором Б.П. Мансуров принимал активное участие на стороне противников предложений министерства финансов.

По словам самого министра финансов, против этой реформы была «почти вся мыслящая Россия: во-первых, по невежеству в этом деле, во-вторых, по привычке, в-третьих, по личному, хотя и мнимому, интересу некоторых классов населения. По невежеству, потому что этот теоретический вопрос был в то время чужд даже большинству русских экономистов и финансистов»³³⁸. В невежестве Мансурова Витте упрекнуть точно не мог, так как сам признавал за ним репутацию «знающего человека» при обсуждении финансовых вопросов³³⁹.

Краткая история обсуждений сводится к следующим моментам. В марте 1896 г. в Государственный совет поступил проект закона «Об исправлении денежного обращения». Он рассматривался Соединенными департаментами Государственной экономии, Законов и Гражданских и духовных дел (в общей сложности – 40 человек) под председательством Д.М. Сольского (1833-1910,

---

³³⁶ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. Т.1. С. 448.

³³⁷ Там же. Т. 1. С. 587.

³³⁸ Витте С.Ю. Воспоминания. В 2 т. М. 1960. Т. 2. С. 93.

³³⁹ см. Витте С.Ю.. Воспоминания. В 2 т. М. 1960. Т.1. Гл. 1-12.

S=96,51, 1 место из 262). Обсуждения, начавшиеся в марте, должны были завершиться осенью, однако растянулись на год. Смысл реформы сводился к введению золотой монеты с возможностью ее свободного обмена на кредитные билеты по фиксированному курсу, который был ниже нарицательной стоимости бумажных денег. Больше всего вопросов на предварительных обсуждениях в Комитете финансов (до направления в Государственный совет) вызвало соотношение количества золота, предусмотренного для обмена, и реального количества кредитных билетов³⁴⁰. Однако, несмотря на дискуссии, проект Витте в том виде, в котором он обсуждался в Комитете финансов и, позже, был направлен в Государственный совет, одобрили 4 бывших главы министерства финансов: М.Х. Рейтерн (S=74,67, 36 место из 262), А.А. Абаза (S=33,51, 207 место из 262), Н.Х. Бунге (S=39, 170 место из 262) и И.А. Вышнеградский (S=45,27, 145 место из 262), что давало нынешнему руководителю ведомства очень высокую и авторитетную поддержку его начинаний³⁴¹.

Однако, дискуссии в Государственном совете пошли в ином (возможно, ожидаемом) направлении. Одним из главных участников критики проекта и был Борис Павлович. В основе его особого мнения лежала мысль о том, что реформа, девальвирующая бумажный рубль, подрывает государственный кредит и не соответствует «достоинству русского правительства». Эта мысль впервые была им высказана еще задолго до описываемых событий – в 1861 г.³⁴² Обстоятельное и подробное особое мнение было подано Мансуровым сразу к моменту начала обсуждений. Такая оперативность была им объяснена следующим образом: «Я лично нахожусь в положении несколько исключительном, ибо по случайным причинам я приведен был к употреблению 5 ½ месяцев на изучение и разработку главных основ предполагаемой г[осподином] министром финансов реформы, так что для меня новым представляется только окончательное заключение

---

³⁴⁰ Мельников М.В. Обсуждение проекта денежной реформы в Комитете финансов и Государственном совете // Российская история. 2007, №6. С. 132.

³⁴¹ Там же. С. 133.

³⁴² ГАТО (Тамбов). Ф. 972, оп.1, д. 6.

г[осподина] министра и представленные им на утверждение исполнительные правила»³⁴³.

Критика проекта Мансуровым нашла горячую поддержку в Государственном совете, в связи с чем обсуждения были приостановлены весной и перенесены на осень. Только благодаря позиции Витте, Сольского и Тернера (1828-1906, S=26,15, 235 место из 262) проект не был окончательно провален. В октябре 1896 г. в Государственный совет были внесены министерством финансов «Дополнительные соображения по делу об исправлении денежного обращения»³⁴⁴. Это значительно затянуло обсуждение дела, так как после внесения этих дополнений некоторые члены Совета составили свои письменные замечания и отзывы, которые, в свою очередь, финансовое ведомство, так же подробно рассмотрело, подготовив новые возражения для Государственного совета. В результате заседание соединенных департаментов по вопросам денежной реформы было назначено лишь 27 февраля 1897 г. К этому моменту С.Ю. Витте, в обход Совета, удалось решить вопрос о девальвации, против чего так резко выступали его члены, являвшийся важным положением проекта реформы. В итоге, большинство участников того заседания (20 из 35) высказались за фактический отказ от дальнейшей борьбы с министерством финансов, что, в итоге, и определило победу Витте³⁴⁵.

Обзор замечаний статс-секретаря Б.П. Мансурова по поводу реформы, представленных в самом начале обсуждений, в марте 1896 г., выявляют достаточно глубокое и компетентное погружение чиновника в вопрос. Ссылаясь на заявления предшественника С.Ю. Витте И.А. Вышнеградского от января 1888 г., в котором последний говорил о несвоевременности перехода к монометаллической денежной системе и предлагал биметаллическую, Мансуров 90-е гг. XIX в. считал также несвоевременными для реформы. По его мнению, существенных и нужных изменений в этом направлении сделано не было, а

---

³⁴³ Там же, д. 66, л. 2 об.

³⁴⁴ Мельников М.В. Обсуждение проекта денежной реформы в Комитете финансов и Государственном совете // Российская история. 2007, №6. С. 134

³⁴⁵ Там же. С. 136.

разрешение заключать сделки на золото, обнародованное за год до обсуждений, существенно не повлияло на ситуацию: «золотая монета ни в какие слои не проникла, разрешение совершения сделок на золото по сию пору выразилось результатом почти нулевым»³⁴⁶. Критикуя девальвацию, Борис Павлович также ссылаясь на прошлого министра финансов – Е.Ф. Канкрин, выступавшего в свое время против аналогичных мер по установлению фиксированного курса кредитного рубля ниже его нарицательной стоимости, называя это безнравственным и своеобразной формой банкротства: «Кто платит кредиторам не весь капитал, а только часть его, есть банкрот»³⁴⁷. Ставя в центр российской экономики именно кредитный рубль и выступая за восстановление его нарицательной стоимости («И совершенно понятно: что такое кредит? – Это есть выражение веры в состоятельность правительства, в честность, в его твердое намерение в точности исполнять обещанное и объявленное»³⁴⁸), Мансуров полемизировал с Витте: «Весьма странно, что сам г[осподин] министр финансов <...> выражает сетование на обесценение ныне обращающихся денег и полагает происходящие отсюда страдания для всех, а, между тем, вся предполагаемая им система только и заключается в укреплении обесцененных денег и отнятие у всех всякой надежды на возможное в будущем повышение их ценности»³⁴⁹.

Однако, самая эффективная критика сводилась не к экономической, а юридической составляющей вопроса. Мансуров справедливо указывал, что правовая почва не готова к реформе, так как законодательно не были закреплены многие важные для преобразования понятия: «В настоящую минуту вполне не ясно и законом недостаточно определено чем, по природе своей, должны быть все 1121 миллиона кред[итных] рублей и какова их законная ценность, что, следовательно, по мнению самого его, министра, это нужно предварительно в законодательном порядке переделать»³⁵⁰. «Переделку законодательства

---

³⁴⁶ ГАТО (Тамбов). Ф 972, оп. 1, д. 66. л 2.

³⁴⁷ Там же, л. 4об.

³⁴⁸ Там же, л. 1.

³⁴⁹ Там же, л 7.

³⁵⁰ Там же, л. 9.

сообразно новому проекту г[осподин] министр финансов снисходительно предоставляет кодификации *postfactum*! Что же это такое? Не значит ли это сперва подсудимого повесить, а потом рассмотреть ясны и тверды ли поводы для его осуждения?»³⁵¹.

Ответ Витте на возражения Б.П. Мансурова был достаточно коротким и не по всем пунктам: юридические вопросы министр решил не заметить, а по поводу всего, что касалось экономической теории, отослал к профессору политэкономии Кауфману, одному из авторов теоретической базы реформы. Подробнее расписал Витте лишь то, что мог уверенно парировать: «утверждение, сделанное глубокоуважаемым Борисом Павловичем Мансуровым, будто известные предшественники мои стремились к укреплению рубля в смысле возвышения его цены до *al pari* (до номинала – К.К.), между тем, преследуемая мною политика направлена к утверждению его курса и притом по совершенно произвольному отношению. Из прилагаемого при сем извлечения из журнала комитета финансов <...> видно, что то, что мною седлано в смысле фиксации курса рубля, а ровно и то, что мною предположено предложить сделать в этой области, представляет точное выполнение предначертаний фин. комитета, в коем участвовали трое из моих предшественников (М.Х. Рейтерн, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский – К.К.), - предначертаний, удостоившихся высочайшего одобрения. Таким образом я не могу принять высокой чести инициативы в мерах, мною принятых и тех, кои я предполагаю предложить принять в области денежного обращения»³⁵².

Деятельность Б.П. Мансурова в Государственном совете, являясь заключительной вехой в профессиональной биографии и не оказавшей никакого влияния на дальнейшее карьерное продвижение, интересна тем, что позволяет уточнить его подходы к решению административно-бюрократических задач, сформированных в процессе предыдущей службы, а также, в не меньшей степени определивших эту службу. Умение вникать в тонкости обсуждаемых

---

³⁵¹ Там же, л. 9об.

³⁵² Там же, д. 67. л. 1-2.

вопросов и принципиально активная позиция с частыми выражениями особого мнения закрепили за Мансуровым статус авторитета в Совете. Однако, одного положительного статуса оказалось недостаточно для получения высшей бюрократической должности. Последнее повышение в чине произошло при Александре II, а последующие 16 лет активной профессиональной деятельности (с 1881 г. по 1897 г, когда Борис Павлович, по состоянию здоровья фактически отошел от дел) при его преемнике завершились почетной пенсией.

Последний факт позволяет ясно выделить в важный фактор карьерной динамики высшей бюрократии политико-конъюнктурные симпатии монарха. Не имея симпатий к политической деятельности своего дяди Константина Николаевича, Александр III устранил с ключевых государственных постов почти всех константиновцев, оставив, и даже продвинув лишь тех, кто, в свое время, вступил в конфликт с великим князем или попал к нему в опалу – И.А. Шестакова и Д.А. Толстого. Однако, стоит оговориться, что подобный вывод можно сделать исключительно по отношению к периоду Александра III, так как сила влияния данного фактора находится в прямой зависимости от личности самодержца.

ВЫВОД.

Микроанализ успешной профессиональной биографии типичного представителя высшей бюрократии Б.П. Мансурова позволяет выявить положительное влияние на карьерную динамику нескольких факторов.

Аристократическое происхождение персоны оказало важное позитивное воздействие на карьеру, но исключительно в качестве её предпосылки. Принадлежность к состоятельному дворянскому роду позволила Борису Павловичу обучаться в престижном образовательном учреждении, направленном на подготовку государственных служащих, а включенность его семьи в культурные столичные слои общества, вероятно, сформировала в нем определенные социальные и личные качества, обеспечившие возможность

окончить Училище правоведение с отличием и получить сразу чин IX класса в достаточно раннем для этого возрасте. Остальные этапы политической карьеры не выявляют никакой зависимости быстрых повышений от социального статуса. Конкурируя в относительно однородной среде высшего сословия, Мансуров не мог качественно выделяться этим параметром на фоне других представителей бюрократии коронных учреждений. Анализ ситуативного контекста принятия решения о повышениях в чинах и должностях Мансурова не предоставляет возможность заметить в них высокую роль фактора происхождения.

Ранний этап карьеры, связанный со службой в Сенате и в министерстве юстиции при классическом николаевском министре В.Н. Панине, отмечен очень эффективным продвижением по иерархической лестнице. В быстрых сменах должностей и нередких совмещениях различных обязанностей улавливается признак высокой ценности для учреждения и его руководителя личных навыков Мансурова. Если служба в этих структурах являлась прямым следствием окончания Училища правоведения, а, значит, и косвенным следствием аристократического происхождения и зажиточности семьи, то интерес Панина и его положительное расположение вероятно вызваны большой работоспособностью чиновника. При этом не наблюдается конфликта между письменно-формальным типом механизма исполнения службы в министерстве и нередко выходящего за его рамки Мансурова (иначе как объяснить очень быстрое и эффективное решение многих задач). Переход в другое министерство, а, по факту, еще и в другую систему служебных отношений и исполнения должностных обязанностей, вряд ли был следствием каких-либо противоречий между Мансуровым и Паниным, если они и были.

Апофеоз успеха был связан с личностью великого князя Константина Николаевича. Вступление в прямой служебный контакт с представителем императорской фамилии и ближайшим доверенным лицом (в тот период монарха позволили Борису Павловичу с наибольшей, и, возможно, с максимально возможной в тех условиях отдачей проявлять свои положительные

профессиональные, социальные и личные качества. Сокращение дистанции между чиновником и царем, во многом определявшим кадровую политику, «повышало ставки» в иерархическо-бюрократической игре, и, вероятно, Мансуров это понимал, принимая приглашение в морское ведомство. Безусловно, патронаж брата императора оказал позитивное влияние на карьерную динамику, однако, стоит обратить внимание, что темпы продвижения по Табели на большем протяжении этого отрезка коренным образом не были изменены, за исключением «скачка» в 1862 г., когда Мансуров получил чин III класса (на 10 лет раньше среднего). Сами симпатии Константина Николаевича к Мансурову, вероятно, как и в случае с В.Н. Паниным, были вызваны его эффективной служебной деятельностью. Фактическое положение в качестве чиновника для особых поручений на протяжении всего периода их служебных взаимоотношений было обусловлено высокой степенью доверия великого князя и его уверенности в профессионализме подчиненного.

Эпизод с женитьбой в 1859 г. на представительнице княжеского рода, отец которой имел большой вес при императорском Дворе, не оставил следов своего положительного воздействия на карьерную динамику (впрочем, как и отрицательного). Несмотря на то, что получение следующего чина после заключения брака, было для Мансурова наиболее успешным, анализ этой ситуации в §4 2 Главы не дает оснований связывать этот успех непосредственно с породнением с влиятельной семьей.

Быстрый рост в чинах был остановлен в 1880 г., когда Мансурову был присвоен II класс. С одной стороны, бросается в глаза факт смены царствования и, вместе с ним, системы идеологических ориентиров, произошедший в следующем году. С другой же – рассчитывать на чин I класса Мансуров практически не мог. В анализируемой базе данных высшим чином были награждены только 6 человек (2%), из которых 2 – великие князья. Прекращение карьерного роста не означало прекращение государственной деятельности. Борис Павлович еще 17 лет находился в системе принятия решений на позиции

члена высшего законосовещательного органа. И все же, при Александре III максимально развить свой потенциал и получить министерскую должность Мансурову не удалось. Император, достаточно часто сталкиваясь с его твердой (и не редко оппозиционной) установкой в Государственном совете, не включал опытного и авторитетного бюрократа и администратора в работу других структур даже при проведении контрреформ. При этом, анализ биографии Мансурова не позволяет заметить в нем каких-либо принципиальных идеологических позиций, способных привести к конфликту с Александром III.

Возможно, принадлежность к «партии» константиновцев дискредитировала Бориса Павловича в глазах императора, и последний применил принципиальную тактику «локализации» активного деятеля в рамках одного конкретного органа. Заключение «оппозиционера» в Государственном совете было достаточно эффективным действием, так как Александр III, вступая в частые разногласия с Советом, де-факто ослаблял его роль, опираясь больше на Комитет министров и ближайших доверенных бюрократов. Данное предположение имеет под собой мало весомых доказательств и, скорее, является гипотезой, не вступающей, однако, в противоречие с источниками.

Таким образом можно констатировать слабую степень влияния обезличенной бюрократическо-иерархической системы на продвижение чиновника, оказавшегося в самом верху государственной пирамиды. Фактически – в данном пласте формальная система связей перестает играть роль, уступая место короткой сети неформальных связей с императором и великими князьями в ее центре, которые и определяют динамику повышений каждого знакомого им чиновника, если им это нужно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Выводы, полученные на основе созданной БД и выведенного в рамках данного исследования интегрального количественного показателя – индекса успеха, доказывают ценность математических методов в изучении социально-политических процессов. Результаты корреляционного анализа индекса и ряда биографических факторов говорит о корректности первого, и, следовательно, об эффективности предложенной методики формализации сложного атрибутивного признака. Несмотря на это, методика применения количественных методов в изучении процессов элитобразования требует дальнейшей проработки и углубления.

Процесс формирования и развития государственной элиты в Российской империи в изучаемый период разворачивался в довольно специфических условиях. Вторая половина XIX в. отмечена активными преобразованиями, осуществляемыми государством, и крупными изменениями, происходившими с обществом, вызванными более глубокими и менее определенными причинами.

Механизмы элитобразования в данных специфических условиях характеризуются направленностью к консолидации государственной элиты по ряду рассмотренных признаков. Значительный рост доли образованного компонента и гражданских служащих в среде высшего чиновничества указывает на позитивные модернизационные явления. Другим показателем модернизации является отсутствие зависимости карьерного успеха чиновника от положения и должности его отца, а также от совокупного объема земельных владений. Напротив, влиятельным фактором являлся тип полученного образования.

Примечательно, что только три образовательных учреждения (Императорский Царскосельский лицей, Императорское Училище правоведения, Пажеский Е.И.В. корпус), составляющие группу элитных, дают максимальный импульс к ускорению карьерной динамики. Не менее качественное университетское классическое образование значительно уступает по показателям карьерного успеха его обладателей по сравнению с элитным. Всё

это даёт возможность предположить эффективность интегрирования в государственные структуры выпускников специальных учебных заведений не на основе формальных показателей образованности, а по иным причинам.

Обучение в элитных учреждениях практически гарантировало доступ к ресурсам социальных связей и контактов. Однако пример Б.П. Мансурова, выпускника элитного учреждения, указывает на широкую специализацию успешных высших бюрократов. Имея юридическое образование, Борис Павлович эффективно решал множество вопросов законодательного, административно-хозяйственного и экономического характера. Таким образом, можно предположить, что полезные социальные связи реализовывались преимущественно достойными кандидатами на статус государственной элиты.

Всё это даёт основания видеть значительный меритократический компонент в механизме элитобразования. Однако, классическая меритократия всё же не была достигнута и сдерживалась влиянием неформальных межличностных отношений, одним из проявлений которых был клиентелизм. Все рассмотренные в данном исследовании случаи протектирования демонстрируют свою эффективность, но при важной составляющей – и до, и после протекции карьера в целом развивалась достаточно успешно (как ни странно, противоположное протектированию явление – опала – также наблюдалась в исключительно неуспешных в целом сценариях карьеры). В итоге, в высшей бюрократической среде Российской империи XIX в. меритократический отбор и патронаж взаимно дополняли друг друга. Данную модель элитобразования можно назвать «меритократическим клиентелизмом». Эти представления не являются новыми в историографии, однако, до этого подобные выводы делались скорее на основе интеллектуальной интуиции. Примененный в этом исследовании математический аппарат позволил выразить данные предположения на языке формальной логики.

Реализация такой модели в конкретно-исторических условиях привела к примечательному парадоксу – люди, начинавшие свою карьеру в одно из самых

консервативных царствований эпохи (Николая I), составили государственную элиту одного из самых либеральных царствований (Александра II), в то время, как оно, в свою очередь, породило высшую бюрократию, осуществившую консервативные преобразования при Александре III. Возможно, целесообразно не рассматривать данный процесс с позиции противопоставления двух внутривполитических курсов – реформ и контрреформ. Выявленные в результате исследования особенности механизма рекрутации элит приводили к постепенному поступательному развитию качеств высших чиновников в направлении консолидации и укрепления их профессиональных характеристик. Объединенное рядом социальных и профессиональных признаков, высшее чиновничество при Александре III могло выступать своеобразным стабилизационным компонентом слишком быстрых социально-экономических изменений страны, развернувшихся в предыдущее царствование.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.

Источники.

I. Опубликованные источники:

1. Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Императорской России. М., 2015.
2. Берг Н.В. Мои скитания по белу свету (Греция, Сирия, Египет и Палестина) // Путешествия в Святую Землю. Записки русских паломников и путешественников в XII - XIX вв. М., 1995.
3. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В двух томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 422+588 с.
4. Витте С.Ю. Воспоминания. В 2 т. М. 1960.
5. Головнин А.В. Материалы для жизнеописания царевича и великого князя Константина Николаевича. СПб.: Издательство "Д.А.Р.К.", 2006. 368 с.
6. Оболенский Д.А. Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. СПб.: «Нестор-История», 2005.
7. П.С. Нахимов. Документы и материалы. М.: Воениздат, 1954. 831 с.
8. Переписка Александра II с великим князем Константином Николаевичем. М. 1993.
9. Перетц Е.А. Дневник Е.А. Перетца - государственного секретаря (1880-1883). М., 1927.
10. Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. М.: "Индрик", 2014. 288 с.
11. Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 605+639 с.
12. При шести министрах (1875-1897). (По личным воспоминаниям) // Вестник общества ревнителей истории. 1916, вып. 3. С. 80-97.
13. Тютчева А.Ф. При Дворе двух императоров. Тула, 1990.

14. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы (1848-1896). М.: Новости, 1991. 464 с.
15. Фишер К.И. Записки сенатора. М.: Захаров, 2008. 368 с.
16. Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 400+464+320 с.
17. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в восемнадцати томах. Том семнадцатый. Записные книжки. Записи на отдельных листах. Дневники. М.: "Наука", 1987.

II. Архивные источники:

18. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 990 (Мансуровы), Оп. 1, д. 15, 28, 231; Оп. 2, д. 501.
19. Государственные архив Тамбовской области. Ф. 972 (Мансуров Б.П.), Оп. 1, д. 1, 6, 66.
20. Российский Государственный исторический архив:
  - a. Ф. 1152 (Департамент государственной экономии), Оп. 6 (1864), д. 747;
  - b. Ф. 1152 (Департамент государственной экономии), Оп. 9 (1880), д. 125;
  - c. Ф. 1547 (Победоносцев К.П.), Оп. 2, д. 66.
21. Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 317 (Головнин А.В.), № 317.

Исследования.

III. Монографии:

22. Becker S. Nobility and Privilege in Late Imperial Russia. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 1985.
23. Lieven D. Russians Rulers under the Old Regime. New Haven: Yale University Press. 1989.

24. Lincoln W.B. In the vanguard of reform: Russian's bureaucrats, 1825-1861. Illinois, 1982.
25. Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press, 2003.
26. Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения. СПб.: ООО "Издательство «Росток», 2006. 384 с.
27. Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода имперской России. М: Новое литературное обозрение, 2004. 395 с.
28. Берендтс Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1913. 280 с.
29. Болдырев А.В. Русско-Турецкие отношения середины XIX века и российское общество. М. 2013. 496 с.
30. Боханов А.Н. Александр III. М.: Вече, 2007. 448 с.
31. Булычёв И.И. Основы философии, изложенные методом универсального логического алгоритма. Тамбов. 1999.
32. Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич на святой земле в 1859 году. М.: Индрик, 2009. 191 с.
33. Выскочков Л.В. Николай I. Человек и государь. СПб.: Издательство СПбГУ, 2001. 644 с.
34. Гаман О.В. Бюрократия Российской империи: вехи эволюции. М.: Издательство РАГС, 1997. 70 с.
35. Градовский А.Д. Начала русского государства и права. Т. 2. Органы управления. СПб., 1876. 354 с.
36. Давыдов М.А. Оппозиция его Величества. М.: Зебра Е, 2015. 350 с.
37. Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008. 448 с.

38. Долгих Е.В. К проблеме Менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М.: "Индрик", 2006. 344 с.
39. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Том 1. Предпосылки и сущность реформы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1946. 632 с.
40. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX - начало XX вв.) СПб.: "ЛИСС", 1998. 1000 с.
41. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
42. Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. М.: РГГУ, 2006. 495 с.
43. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов. М.: Издательство Московского университета, 1964. 511 с.
44. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: «Мысль», 1978. 287 с.
45. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х - начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970.
46. Ильин С.В. Витте. М.: Молодая гвардия, 2006. 511 с.
47. История Государственного Совета Российской империи / [А. Р. Соколов, Д. И. Раскин, Н. М. Корнева, М. Г. Михайловский ; науч. ред. А. Н. Чистиков, Д. Н. Шилов]. 1801—1917. СПб., 2008. 645 с.
48. Калугин Д.Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII-XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.
49. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с.
50. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М.: ООО "Издательство Астрель": ООО "Издательство АСТ", 2004. 862 с.

51. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
52. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914-1917). Рязань, 2004. 472 с.
53. Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны, и власти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2010. 271 с.
54. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3-х томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 896+912+992 с.
55. Миронов Б.Н. Степанов З.В. Историк и математика (Мтаематические методы в историческом исследовании). М.: Наука, 1976.
56. Николаев В. Александр II. Биография. М.: Захаров, 2005. 432 с.
57. Олейников Д.И. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2012. 384 с.
58. Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 2006.
59. Письменский А.Г. История военно-инженерного образования сухопутных войск России. М.: Издательство СГУ, 2012. 486 с.
60. Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия. 1800-1860-е гг.. М.: Издательство Института российской истории РАН, 2009. 342 с.
61. Семенов Н.П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: хроника деятельности комиссии по крестьянскому делу. Том 2. Второй период занятий. СПб.: Издание Меркурия Елеазаровича Комарова, 1890. 1092 с.
62. Семенов П.П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества. 1845-1895. Ч.3. СПб., 1896.
63. Сенин А.С. История российской государственности. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 336 с.

64. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
65. Смирнов В.З. Реформы начальной и средней школы в 60-е гг. XIX века. М., 1954.
66. Собко Е.М. Государственный совет в эпоху Александра III. М.: Издательский дом МГУКИ, 2007. 112 с.
67. Стафёрова Е.Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2007. 460 с.
68. Тойнби А. Роль личности в истории. М.: "Астрель", 2012. 224 с.
69. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М. 1974.
70. Фонотов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 272 с.
71. Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: Либеральная бюрократия и морские реформы. М.: Издательство МГУ, 1990. 184 с.
72. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России XVII - начало XX в. СПб.: "Искусство-СПБ", 1999. 497 с.
73. Ямилинец Б.Ф. Россия и Палестина. Очерки политических и культурно-религиозных отношений (XIX - начало XX века). М., 2003.

IV. Статьи:

74. Pintner W.M. Civil Officialdom and the Nobility in the 1850s // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980.
75. Pintner W.M. The Evolution of Civil Officialdom, 1755-1855 // Russian Officialdom: The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth

- to the Twentieth Century. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1980.
76. Wolpert S. Biography as history: A personal reflection // J. of interdisciplinary history. Cambridge, 2010, Vol. 40, №3.
  77. Боханов А.Н. Обреченный // Родина. 1994, №5. С. 42-47.
  78. Бурдьё П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. №1, 2002. С.75-81.
  79. Вакилев Т.Р. Табель о рангах и система чинов в Российской империи // Вестник Пензенского государственного университета. 2014, №2 (6). С. 3-8.
  80. Вах К.А. Об изучении первого периода создания Русской палестины. 1856-1864 // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М.: Индрик, 2012.
  81. Вах К.А. Основание российского консульства в Иерусалиме в свете новых архивных документов // Восточный архив. 2015, №1 (31). С. 29-33.
  82. Вах. К.А. К истории назначения архимандрита Антонина (Капустина) начальником русской духовной миссии в Иерусалиме // Вестник архивиста. 2011, №4. С. 138-153.
  83. Виноградов А.П. История чинов и званий как вспомогательная историческая дисциплина // Ярославский педагогический вестник. Том 1 (Гуманитарные науки). №4, 2011.
  84. Воронин В.Е. Политические замыслы и взгляды великого князя Константина Николаевича в середине 1860-х годов // Российская история. 2007, №5. С. 61-71.
  85. Гаман-Голутвина О.В. Определение основных понятий элитологии // Полис. Политические исследования. 2000, №3. С. 97-103.

86. Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты в зеркале исторической науки // Pro Nunc. Современные политологические процессы. 2008, №1. С. 10-37.
87. Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2016, №5. С. 58-103.
88. Долбилов М.Д. "... Угадал я волю Вашу": роль советника в принятии императорских решений в России XIX в. // Петр Андреевич Зайончковский: сб. статей и воспоминания к столетию историка. М., 2008. С. 403-428.
89. Ермакова З.П. Преданный Святой Земле работник // Московский журнал. 2012, №4. С. 56-65.
90. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Возможности использования теории самоорганизованной критичности в изучении крестьянского движения в России во второй половине XIX в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 132-133.
91. Злобин Ю.П. Генерал-губернаторский корпус Российской империи в XIX - начале XX века: социокультурная характеристика // Россия между прошлым и будущим: Исторический опыт национального развития: материалы всерос. науч. конф., посвящую 20-летию Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4-5 марта 2008 г. Екатеринбург, 2008. С. 408-417.
92. Змеев В.А. Императорское училище правоведения в период царствования Николая I // Юридическое образование и наука. 2002, № 5. С. 29–33.
93. Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. 1993, №11-12 С. 27-48
94. Кочукова О.В. Биографические сообщения А.В. Головнина о великом князе Константине Николаевиче как источник реконструкции

- политического мировоззрения «либеральной бюрократии» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17. 2005, №3.
95. Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004, №4. С. 3-39.
96. Куликов С.В. "Революции неизменно идут сверху...": падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. 2007, №1.
97. Кулянов Р.В. Ершов К.П. К истории Государственного совета Российской империи (1810-1917) // Вестник МГОУ. Серия: Исторические и политические науки. 2015, №3. С. 141-147.
98. Куркина Е.А. Исторический опыт реформирования государственной службы в Российской империи второй половины XIX века // Наука и общество. 2012, №1. С. 35-39.
99. Лапин В.В. Предисловие // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
100. Леонов М.М. «Тактика гостиных»: протезирование в пореформенной России // Социальная история, 2011: ежегодник. СПб., 2012, с. 12-24.
101. Лисовой Н.Н. Приложение. Императорское Православное Палестинское Общество: 125 лет служения Церкви и России // Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. М.: "Издательство Олега Абышко", 2008.
102. Любичанковский С.В. П.А. Валуев и Е.И. Барановский: история взаимоотношений (к вопросу о механизмах карьерного роста и падения реформаторов эпохи Александра II) // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей:

- сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
103. Любичанковский С.В. Почему тема реформ Александра II не востребована сейчас научным сообществом и мало (за пределами юбилея) востребована обществом // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
104. Мельников М.В. Обсуждение проекта денежной реформы в Комитете финансов и Государственном совете // Российская история. 2007, №6. С. 131-138.
105. Мельников М.В. Судьба золотого рубля: споры между сторонниками и противниками денежной реформы С.Ю. Витте (1895-1897 гг.) // Новый исторический вестник. 2010, № 23. С. 11-22.
106. "Никодим (Ротов Б.Г.). История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Богословские труды. М., 1979. Сб. 20. С. 15-82. "
108. Патрушева Н.Г. Цензурные учреждения и цензоры в государственной системе пореформенной России // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012.
109. Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001.
110. Ружицкая И.В. "Просвещенные бюрократы» - новый тип российских чиновников: опыт характеристики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2008. № 1 (11). С. 36-43.

111. Семеновский М.И. Александр Васильевич Головнин // Русская старина. 1887, Т. 53, №3. С. 767-790.
112. Симонов Д.Г. О роли чинопроизводства в поражении белой армии // Наука из первых рук. 2014, №3-4. С. 164-177.
113. Смирнова И.Ю. Возобновление русской духовной миссии в Иерусалиме после Крымской войны // Русская Палестина. Россия в Святой Земле: Материалы международной научной конференции. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2010. С. 240-252.
114. Сохраняева Т.В. Образование как фактор культурной динамики (Опыт прочтения Птирима Сорокина) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1998, №6.
115. Токмакова Ю.Н., Авилова Н.Л.. Социальный состав, возраст и религиозная принадлежность чиновников курской губернии в 1801-1861 гг. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011, №4(37).
116. Федоров И.А., Стаматов В.В., Логвинова Т.В. О природе феномена "чинопочетания" // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2015, №4. С. 40-45.
117. Феофанов А.М. Образовательный уровень российской элиты второй половины XVIII - первой четверти XIX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012, №7. С. 192-195
118. Феофанов А.М. Профессура Московского университета второй половины XVIII - первой четверти XIX в. // Вестник ПСТГУ. 2013, Вып. 1 (50). С. 7-28.
119. Филиппов А.Ф. Об одной речи Макса Вебера // Россия в глобальной политике. 2017, №1. С. 35-44.
120. Черников С. В. Правящая элита России 1825-1830 годов: численность, социальный состав, основные тенденции развития //

- Вестник Челябинского государственного университета. 2014, № 12 (341). История. Вып. 60. С. 30-38.
121. Шалашная В.М. Особенности принятия государственных решений в эпоху преобразований Александра II на примере деятельности Государственного совета // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2015, № 8. С. 75-89.
122. Шевырев А.П. Административные реформы 1850-1860-х годов в морском ведомстве // Вопросы истории. 1983. №8. с. 160-163.
123. Шевырев А.П. Во главе "константиновцев": великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. С 51-69.
124. Шеняткова А.В. Изменение представительства элитных групп в составе Федерального собрания России (1993-2003) // Политический анализ. 2006, №7. С. 77-86.
125. Шигаров Г.Х. Человеческий капитал, человеческий потенциал и социальный капитал // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: экономика. 2012, № 4 (16). С. 49-58
126. Шилов Д.Н. Министр и министерство: практика и стили работы руководителей ведомства // Английская набережная, 4: Сборник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2004. С. 311–332.
127. Экштут С.А. Пять сражений генерала Раевского // Родина. 2016, №9. С. 44-50.

V. Диссертации.

128. Акульшин П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. :По материалам Пензенской, Рязанской,

- Тамбовской и Тульской губерний. Дис. д. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 2004. 695 с.
129. Воронин В.Е. Государственная деятельность великого князя Константина Николаевича, до начала 60-х гг. XIX в. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 1996. 289 с.
130. Дыдчкин А.В. Социальный портрет министров Российской империи конца XIX - начала XX веков. Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 2002. 306 с.
131. Савицкая И.С. Д.Н. Блудов: формирование личности представителя "просвещенной бюрократии". Дис. канд. ист. наук: 07.00.02 - отечественная история. М., 2012. 204 с.
132. Синельников И.Ю. Учреждения и чиновники Министерства внутренних дел в российской провинции 1861-1917 гг. (на материалах Рязанской губернии). Дис. канд. ист. Наук. Владимир, 2012.

VI. Справочная литература.

133. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1897. 1310 с.
134. Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия (1797-1917). Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 440 с.
135. Левинсон М.Л. Государственный совет: Портреты и биографии. Петроград, 1915.
136. Сенин А.С. Государственный совет //Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 1. М., 1996.
137. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 936 с.

138. Шилов Д.Н. Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801-1906: Библиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.

Таблица 1. Индексы успеха (S) изучаемых персон.

ФИО	S	Rank
Сольский Дмитрий Мартынович	96,51	1
Игнатьев Николай Павлович	88,33	2
Мансуров Борис Павлович	84,82	3
Каханов Михаил Семенович	84,42	4
Николаи Александр Павлович	83,82	5
Барятинский Аександр Иванович	83,17	6
Рооп Христофор Христофорович	82,50	7
Ковалевский Михаил Евграфович	82,12	8
Селифонтов Николай Николаевич	81,82	9
Кауфман Петр Михайлович	81,58	10
Альбединский Петр Павлович	81,54	11
Грейг Самуил Алексеевич	80,88	12
Марков Павел Алексеевич	80,82	13
Шувалов Петр Андреевич	80,80	14
Мансуров Николай Павлович	80,35	15
Половцов Александр Александрович	80,13	16
Николаев Павел Никитич	79,24	17
Кобеко Дмитрий Фомич	78,83	18
Головнин Александр Васильевич	78,63	19
Голубев Иван Яковлевич	77,79	20
Ламздорф Владимир Николаевич	77,41	21
Коковцов Владимир Николаевич	76,92	22
Фриш Эдуард Васильевич	76,81	23
Казнаков Николай Геннадьевич	76,39	24
Стюлер Александр Николаевич	76,08	25
Гольтгоер Михаил Федорович	75,88	26
Набоков Дмитрий Николаевич	75,77	27
Старицкий Егор Павлович	75,74	28
Лорис-Мельников Михаил Тариелович	75,71	29
Книрим Александр Александрович	75,65	30
Милютин Дмитрий Алексеевич	75,38	31
Чертков Михаил Иванович	75,30	32
Мурвьев-Амурский Николай Николаевич	75,13	33
Святополк-Мирский Петр Дмитриевич	74,84	34
Победоносцев Константин Петрович	74,74	35
Рейтерн Михаил Христофорович	74,67	36
Дурново Петр Павлович	74,59	37
Обручев Николай Николаевич	74,31	38
Рерберг Петр Федорович	74,14	39
Шамшин Иван Иванович	74,07	40
Ламберт Карл Карлович	74,00	41
Игнатьев Алексей Павлович	73,69	42
Маков Лев Саввич	73,38	43

Саломон Петр Иванович	72,89	44
Ермолов Алексей Сергеевич	72,73	45
Муравьев Николай Валерианович	72,07	46
Толстой Дмитрий Андреевич	71,45	47
Имеретинский Алксандр Константинович	71,06	48
Розенбах Николай Оттонович	71,01	49
Горемыкин Иван Логгинович	70,77	50
Рихтер Оттон Борисович	70,63	51
Верховский Владимир Владимирович	69,78	52
Сабуров Петр Александрович	69,66	53
Велио Иван Осипович	69,53	54
Нольде Эммануил Юльевич	69,48	55
Танаев Сергей Александрович	68,97	56
Шереметьев Сергей Алексеевич	68,83	57
Мосолов Александр Николаевич	68,68	58
Розинг Илитор Иванович	68,48	59
Лобанов-Ростовский Алексей Борисович	67,46	60
Воронцов-Дашков Илларион Иванович	67,36	61
Делянов Иван Давыдович	67,09	62
Ливен Андрей Александрович	66,97	63
Шувалов Павел Андреевич	66,91	64
Долгоруков Сергей Алексеевич	66,53	65
Перетц Егор Абрамович	65,88	66
Милютин Николай Алексеевич	65,83	67
Бутков Владимир Петрович	65,45	68
Философов Владимир Дмитриевич	64,29	69
Шванебах Петр Христианович	64,29	70
Небольсин Григорий Павлович	64,04	71
Святополк-Мирский Николай Иванович	63,62	72
Оболенский Дмитрий Александрович	63,45	73
Шереметьев Сергей Дмитриевич	63,36	74
Голицын Григорий Сергеевич	63,36	75
Булыгин Александр Григорьевич	63,11	76
Протасов-Бахметов Николай Алексеевич	62,01	77
Стишинский Александр Семенович	61,98	78
Гейден Федор Логгинович	61,67	79
Духовский Сергей Михайлович	61,66	80
Ренненкампф Константин Карлович	61,55	81
Таганцев Николай Степанович	61,54	82
Сабуров Андрей Александрович	61,12	83
Волконский Михаил Сергеевич	61,09	84
Татаринов Валериан Алексеевич	60,35	85
Баранцов Александр Алексеевич	60,12	86
Толь Сергей Александрович	60,02	87
Корсаков Михаил Семенович	59,77	88

Икускуль фон Гильденбанд Александр Александрович	59,56	89
Гродеков Николай Иванович	59,38	90
Иващенко Анатолий Павлович	59,26	91
Трепов Федор Федорович	58,82	92
Маркус Федор Михайлович	58,33	93
Ребиндер Константин Григорьевич	58,31	94
Дрентельн Александр Романович	58,24	95
Зеленой Александр Алексеевич	58,12	96
Куропаткин Алексей Николаевич	58,04	97
Вяземский Леонид Дмитриевич	58,02	98
Саблер Владимир Карлович	57,99	99
Чихачёв Николай Матвеевич	57,94	100
Абаза Николай Саввич	57,88	101
Бреверн де Лагарди Александр Иванович	57,13	102
Непокойчицкий Артур Адамович	57,10	103
Пален Константин Иванович	57,06	104
Манасеин Николай Авксентьевич	56,97	105
Гурко Иосиф Владимирович	56,87	106
Плеске Эдуард Дмитриевич	56,71	107
Торнау Николай Егорович	56,59	108
Маслов Николай Николаевич	56,50	109
Линдер Константин Карлович	56,47	110
Кутайсов Павел Ипполитович	55,54	111
Стояновский Николай Иванович	55,25	112
Дурново Иван Николаевич	55,04	113
Дервиз Дмитрий Григорьевич	54,86	114
Валуев Петр Александрович	54,72	115
Бутовский Петр Михайлович	54,70	116
Полторацкий Петр Алексеевич	54,55	117
Бобриков Николай Иванович	53,28	118
Адлерберг Николай Владимирович	52,99	119
Плеве Вячеслав Константинович	52,60	120
Павлов Платон Петрович	52,53	121
Петров Николай Иванович	51,70	122
Гирс Николай Карлович	51,62	123
Галкин-Враский Михаил Николаевич	50,26	124
Бутаков Григорий Иванович	50,21	125
Потапов Александр Львович	49,82	126
Гончаров Сергей Сергеевич	49,68	127
Убри Павел Петрович	49,53	128
Адлерберг Александр Владимирович	48,82	129
Витте Сергей Юльевич	48,55	130
Новиков Евгений Петрович	48,52	131
Татищев Иван Дмитриевич	48,39	132
Ванновский Петр Семенович	48,16	133

Шевич Иван Егорович	48,09	134
Рухлов Сергей Васильевич	47,68	135
Герард Николай Николаевич	47,55	136
Махотин Николай Антонович	47,12	137
Фредерикс Владимир Борисович	47,04	138
Перовский Борис Алексеевич	46,88	139
Долгоруков Владимир Андреевич	46,61	140
Краббе Николай Карлович	46,53	141
Редигер Александр Федорович	46,29	142
Петров Николай Степанович	46,06	143
Куломзин Анатолий Николаевич	45,72	144
Вышнеградский Иван Алексеевич	45,27	145
Святополк-Мирский Дмитрий Иванович	44,94	146
Клушин Павел Николаевич	44,81	147
Зиновьев Николай Алексеевич	44,66	148
Тотлебен Эдуард Иванович	44,64	149
Дондуков-Корсаков Александр Михайлович	44,60	150
Фукс Эдуард Яковлевич	44,54	151
Островский Михаил Николаевич	44,14	152
Тимашев Александр Егорович	44,10	153
Горемыкин Александр Дмитриевич	43,85	154
Марков Сергей Владимирович	43,80	155
Драгомиров Михаил Иванович	43,04	156
Сахаров Виктор Викторович	43,01	157
Грот Константин Карлович	42,68	158
Маркус Владимир Михайлович	42,43	159
Мордвинов Семен Александрович	42,20	160
Посьет Константин Николаевич	41,90	161
Кауфман Михаил Петрович	41,66	162
Таубе Максим Антонович	41,40	163
Аничков Николай Милюевич	41,25	164
Дурново Петр Николаевич	40,96	165
Валь Виктор Вильгельмович	40,70	166
Пещуров Алексей Алексеевич	40,41	167
Татищев Александр Александрович	39,73	168
Зубов Петр Алексеевич	39,61	169
Бунге Николай Христианович	39,00	170
Манухин Сергей Сергеевич	38,99	171
Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович	38,81	172
Хилков Михаил Иванович	38,28	173
Безак Николай Александрович	38,16	174
Пантелеев Александр Ильич	38,16	175
Меликов Леван Иванович	38,06	176
Каханов Иван Семенович	37,88	177
Акимов Михаил Григорьевич	37,68	178
Исаков Николай Васильевич	37,48	179

Череванский Владимир Павлович	37,37	180
Будберг Андрей Федорович	37,31	181
Хрептович Михаил Иринеевич	37,12	182
Лазарев Петр Михайлович	37,09	183
Петров Николай Павлович	36,88	184
Заблоцкий-Десятковский Андрей Парфенович	36,77	185
Ахматов Алексей Петрович	36,35	186
Шебеко Николай Игнатьевич	36,35	187
Гюббент Адольф Яковлевич	36,32	188
Долгоруков Александр Сергеевич	35,78	189
Баранов Эдуард Трофимович	35,76	190
Паукер Герман Егорович	35,53	191
Сипягин Дмитрий Сергеевич	35,12	192
Дмитриев Михаил Дмитриевич	34,95	193
Вешняков Владимир Иванович	34,81	194
Гонецкий Николай Степанович	34,79	195
Гудим-Левкович Павел Константинович	34,62	196
Любощинский Марк Николаевич	34,55	197
Шидловский Николай Владимирович	34,44	198
Кремер Оскар Карлович	34,37	199
Дубасов Федор Васильевич	34,32	200
Боголепов Николай Павлович	34,25	201
Тыртов Павел Петрович	33,92	202
Гриппенберг Оскар Казимирович	33,91	203
Кривский Павел Александрович	33,83	204
Шевич Дмитрий Егорович	33,80	205
Бобринский Александр Алексеевич	33,75	206
Абаза Алесандр Агеевич	33,51	207
Арсеньев Дмитрий Сергеевич	33,47	208
Урусов Сергей Николаевич	32,64	209
Глазов Владимир Гаврилович	32,58	210
Бычков Афанасий Федорович	32,57	211
Балашов Николай Петрович	32,56	212
Романов Петр Михайлович	32,18	213
Платонов Степан Федорович	31,97	214
Любовицкий Юлиан Викторович	31,50	215
Моренгейм Артур Павлович	31,31	216
Пузыревский Александр Казимирович	30,86	217
Пещуров Михаил Алексеевич	30,38	218
Оболенский Алексей Дмитриевич	30,35	219
Шестаков Иван Алексеевич	30,05	220
Лесовский Степан Степанович	29,93	221
Лобко Павел Львович	29,91	222
Косич Андрей Иванович	29,46	223
Менгден Владимир Михайлович	28,54	224

Влангали Александр Георгиевич	28,52	225
Бирилёв Алексей Алексеевич	28,47	226
Бобринский Алексей Васильевич	28,09	227
Будберг Александр Андреевич	27,68	228
Мезенцов Николай Владимирович	27,53	229
Костанда Апостол Спиридонович	27,42	230
Арсеньев Алексей Александрович	27,38	231
Шмеман Николай Эдуардович	27,18	232
Бобринский Алексей Павлович	27,04	233
Корнилов Федор Петрович	26,79	234
Тернер Федор Густавович	26,15	235
Стевен Александр Христианович	25,90	236
Оболенский Александр Дмитриевич	25,56	237
Радецкий Федор Федорович	25,56	238
Брянчанинов Александр Семенович	25,04	239
Авелан Фёдор Карлович	24,09	240
Муравьев Михаил Николаевич	23,91	241
Бобринский Владиир Алексеевич	23,65	242
Алексеев Евгений Иванович	22,79	243
Зенгер Григорий Эдуардович	22,67	244
Яновский Кирилл Петрович	21,08	245
Фрезе Александр Александрович	20,60	246
Альтфатер Михаил Егорович	19,76	247
Анастасьев Александр Константинович	19,71	248
Дейтрих Владимир Федорович	19,69	249
Филиппов Третий Иванович	19,07	250
Штюрмер Борис Владимирович	18,24	251
Редкин Петр Григорьевич	16,71	252
Стааль Егор Егорович	15,78	253
Тимирязев Василий Иванович	15,76	254
Немешаев Клавдий Семенович	14,68	255
Шишкин Николай Павлович	13,62	256
Калачов Виктор Васильевич	11,02	257
Софиано Леонид Петрович	10,62	258
Кривошеин Апполон Константинович	9,96	259
Бреверн Егор Иванович	8,20	260
Шлиппе Владимир Карлович	6,81	261
Галаган Григорий Павлович	4,99	262